

ПОЛИТИЯ

Анализ

·

Хроника

·

Прогноз

ПОΛΙΤΕΙΑ

№ 4 (111)

Москва
2023

ПОЛИТИЯ

Журнал
политической философии
и социологии политики
Основан А.М.Салминым в 1996 г.

Учредители:
АНО «Общественно-
политический журнал.
Журнал политической
философии и социологии
политики «Полития.
Анализ. Хроника. Прогноз»;
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Главный редактор
Святослав Каспэ

Заместитель главного редактора:
Лидия Галкина

Ответственный редактор номера
Лидия Галкина

Над номером работали:
Даниил Клестов,
Светлана Микоян,
Андрей Петроковский,
Дина Розенберг

Адрес редакции:
117418, Москва, Нахимовский
проспект, д. 51/21, к. 1101
Телефон: (499) 713-02-64
Электронная почта: politeia@politeia.ru

Опубликованные в журнале материалы
распространяются свободно
при условии ссылки на первоисточник

© АНО «Общественно-политический журнал. Журнал
политической философии и социологии политики
«Полития. Анализ. Хроника. Прогноз», 2023

POLITEIA

Journal
of Political Philosophy
and Sociology of Politics
Founded by Alexei Salmin in 1996

Institutional founders:
Autonomous
non-profit organization
The Journal of Political Philosophy
and Sociology of Politics "Politeia.
Analysis. Chronicle. Forecast";
Institute of Scientific Information
on Social Sciences of the Russian
Academy of Sciences

Editor-in-Chief
Svyatoslav Kaspé

Deputy Editor-in-Chief:
Lidia Galkina

Executive Editor
Lidia Galkina

This issue was prepared by:
Daniel Klestov,
Svetlana Mikoyan,
Andrei Petrokovsky,
Dina Rosenberg

Contact Information
Tel.: +7 499 7130264
Email: politeia@politeia.ru
Address: 51/21 Nakhimovsky av.,
office 1101, Moscow, 117418, Russia

The writings published in the Journal
can be reproduced elsewhere
so long as the original source is cited

© Autonomous non-profit organization The Journal
of Political Philosophy and Sociology of Politics
"Politeia. Analysis. Chronicle. Forecast"

ПОЛИТИЯ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель Совета
Сергей Хенкин (Москва, Россия)

Заместители председателя Совета
Александр Муzyкaнтский (Москва, Россия)
Алексей Кузнецов (Москва, Россия)

Члены Совета:

Татьяна Алексеева (Москва, Россия)
Фуад Алескеров (Москва, Россия)
Лидия Галкина (Москва, Россия)
Ирина Глебова (Москва, Россия)
Скотт Гельбах (Мэдисон, США)
Джон Данн (Кембридж, Великобритания)
Андрей Дегтярев (Москва, Россия)
Дмитрий Ефременко (Москва, Россия)
Андрей Зубов (Москва, Россия)
Михаил Ильин (Москва, Россия)
Сергей Караганов (Москва, Россия)
Святослав Каспэ (Москва, Россия)
Владимир Колосов (Москва, Россия)
Тимоти Дж. Колтон (Гарвард, США)
Юрий Коргунюк (Москва, Россия)
Александр Кузнецов (Париж, Франция)
Борис Макаренко (Москва, Россия)
Андрей Мельвиль (Москва, Россия)
Деннис К. Мюллер (Вена, Австрия)
Вячеслав Никонов (Москва, Россия)
Ханну Нурми (Турку, Финляндия)
Юрий Пивоваров (Москва, Россия)
Уильям М. Райзингер (Айова Сити, США)
Дина Розенберг (Москва, Россия)
Николай Розов (Новосибирск, Россия)
Георгий Сатаров (Москва, Россия)
Александр Сунгуров
(Санкт-Петербург, Россия)
Леон Габриэль Тайванс (Рига, Латвия)
Андрей Тесля (Калининград, Россия)
Дэниэл Трейсман (Лос Анджелес, США)
Марк Урнов (Москва, Россия)
Михаил Филиппов (Бинхэмтон, США)
Леонид Фишман (Екатеринбург, Россия)

POLITEIA

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board
Sergei Khenkin (Moscow, Russia)

Vice-Chairmen
Alexander Muzykantskiy (Moscow, Russia)
Alexey Kuznetsov (Moscow, Russia)

Members of the Editorial Board:

Tatiana Alekseeva (Moscow, Russia)
Fuad Aleskerov (Moscow, Russia)
Timothy J. Colton (Harvard, USA)
Andrey Degtyarev (Moscow, Russia)
John Dunn (Cambridge, UK)
Dmitry Efremenko (Moscow, Russia)
Mikhail Filippov (Binghamton, USA)
Leonid Fishman (Ekaterinburg, Russia)
Lidia Galkina (Moscow, Russia)
Scott Gehlbach (Madison, USA)
Irina Glebova (Moscow, Russia)
Mikhail Ilyin (Moscow, Russia)
Sergey Karaganov (Moscow, Russia)
Svyatoslav Kaspe (Moscow, Russia)
Vladimir Kolosov (Moscow, Russia)
Yury Korgunyuk (Moscow, Russia)
Alexander Kuznetsov (Paris, France)
Boris Makarenko (Moscow, Russia)
Andrey Melville (Moscow, Russia)
Dennis C. Mueller (Vienna, Austria)
Vyacheslav Nikonov (Moscow, Russia)
Hannu Nurmi (Turku, Finland)
Yuri Pivovarov (Moscow, Russia)
William M. Reisinger (Iowa City, USA)
Dina Rosenberg (Moscow, Russia)
Nikolai Rozov (Novosibirsk, Russia)
Georgy Satarov (Moscow, Russia)
Alexander Sungurov
(St. Petersburg, Russia)
Leons G. Taivans (Riga, Latvia)
Andrei Teslya (Kaliningrad, Russia)
Daniel Treisman (Los Angeles, USA)
Mark Urnov (Moscow, Russia)
Andrey Zubov (Moscow, Russia)

Содержание

	Материалы номера	6
Парадигмы общественного развития	К.Е.Петров Вызовы Агоры цифрового общества	7
Политические теории	Д.В.Балашов Возможна ли теория дистрибутивной справедливости, основанная на этике добродетели?	31
	Р.Ю.Белькович, С.В.Виноградов Равенство удачи: развитие эгалитарных концепций справедливости в конце XX века	51
Российская политика	Г.А.Борщевский Традиционные российские ценности: институциональный анализ	67
Внешнеполитический ракурс	М.О.Шибкова, А.С.Гулюки Концептуальные основы внешней политики Италии в регионе Большого Средиземноморья	94
Общественное сознание	М.Г.Мацкевич Времена выбирают: образы желаемого прошлого глазами россиян	113
	Р.Э.Бараш Семейная история и семейная память в России 2020-х годов	141
Историческая ретроспектива: размышления и гипотезы	А.А.Берлов Развитие процедуры утверждения главы правительства России в 1990-е годы	163
Размышляя над прочитанным	Д.В.Ефременко Умом Балканы не понять? <i>Белов М.В., ред. Историческая политика в странах бывшей Югославии. СПб.: Нестор-История, 2022</i>	178

С.М.Хенкин

Латинская Америка: колебания политического маятника

Ивановский З.В., ред. Латинская Америка:

политический ландшафт на фоне турбулентности. М.: ИЛА РАН, 2022 _____ 190

Приложение	Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Полития» в 2023 году _____	199
	XIX конкурс работ молодых политологов на премию А.М.Салмина _____	202
	Правила представления рукописей для публикации в журнале «Полития» _____	203
	Table of Contents _____	206

Применение концептуальной метафоры *Агора 2.0* позволяет **К.Е.Петрову** прояснить сходства в функционировании открытых коммуникационных систем, в рамках которых массовая трансляция убедительных фейковых новостей и/или внешнее вмешательство в электоральный процесс оказываются сущностно неустраняемыми явлениями.

Внимательно рассмотрев ключевые положения концепции М.Нуссбаум, **Д.В.Балашов** демонстрирует, что данный опыт построения политико-философской теории справедливости на базе этики добродетели не увенчался успехом. При этом, будучи заявлен как аристотелианский по духу, предложенный ею подход возможностей имеет слабое отношение к учению Аристотеля, что, в частности, указывает на те проблемы, с которыми сталкиваются современные авторы, пытающиеся задействовать наследие далекого прошлого.

Статья **Р.Ю.Бельковича** и **С.В.Виноградова** посвящена эволюции эгалитаризма удачи, ставшего к концу XX в. магистральным направлением в рамках эгалитарной традиции, вот уже многие годы занимающей доминирующее положение в академических дискуссиях о проблеме социальной справедливости и связывающей справедливое устройство общества с достижением равенства в том или ином отношении.

Используя методы сравнительного правового, тезаурусного и контент-анализа, а также аналогии, **Г.А.Борщевский** пытается оценить оптимальность выбора традиционных ценностей в России с точки зрения конституционных норм и постулатов мировых религий и определить, в какой степени данные ценности инкорпорированы в документы политического целеполагания.

Зафиксировав все большую популярность в итальянских военно-политических кругах концепции расширенного Средиземноморья как геополитического пространства, где Италия должна играть ведущую роль, **М.О.Шибкова** и **А.С.Гулюки** показывают, что такое позиционирование Рима сопряжено с целым рядом сложностей как экономического, так и политического характера.

Протестировав существующие объяснения причин сохраняющейся популярности брежневских времен как желаемого прошлого, **М.Г.Мацкевич** приходит к выводу, что в сегодняшней России идеализированный образ позднесоветского периода является тем, что П.Нора называл «местом памяти». И то, что с подробной картой этого «места памяти» знакомы не все россияне, не препятствует его символической значимости.

Задействовав широкий массив социологических данных, **Р.Э.Бараш** исследует, как сегодня, в эпоху постпамяти, частная и семейная память россиян откликается на государственный исторический дискурс и в какой степени фамильная история выступает средством реконструкции национального прошлого.

Подробно разобрав позиции Государственной Думы и президента по процедуре утверждения главы правительства, **А.А.Берлов** обращается к конфликту августа-сентября 1998 г. и показывает, почему победа в этом конфликте законодательной ветви власти оказалась временной и в дальнейшем президентская власть смогла вернуть себе решающую роль в назначении правительства.

Отталкиваясь от коллективной монографии «Историческая политика в странах бывшей Югославии», **Д.В.Ефременко** размышляет о значении акторного подхода в изучении исторической политики, а также о роли историков в формировании коллективной памяти национальных сообществ.

По заключению **С.М.Хенкина**, с выходом в свет коллективной монографии «Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности» читатели получили ценную работу, позволяющую глубже понять существо сложных политических процессов, происходящих сегодня в этом регионе.

полития

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российскойского научного фонда № 22-18-00723 (<https://rscf.ru/project/22-18-00723/>).

Кирилл Евгеньевич Петров — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра исследований политических элит Института международных исследований МГИМО МИД России. Для связи с автором: originalkir@gmail.com.

Аннотация. В статье предпринята попытка использовать теорию концептуальной метафоры для сравнения далеко отстоящих во времени коммуникативных практик Древней Греции и современности. Цифровые коммуникации и социальные медиа трактуются автором как цифровая Агора, или Агора 2.0. Подобно тому как в античные времена влияние Агоры заставило афинскую аристократию считаться с демосом, социальные медиа изменили современный политический процесс, ограничив прежние возможности элит. Применение концептуальной метафоры *Агора 2.0* позволяет автору прояснить сходства в функционировании открытых коммуникационных систем, в рамках которых массовая трансляция убедительных фейковых новостей и/или внешнее вмешательство в электоральный процесс оказываются существенно неустраняемыми явлениями.

Чтобы компенсировать потенциально деструктивное воздействие агорцентричных структур, общества вынуждены приспосабливаться. По оценке автора, вопрос о том, справится ли цифровая Агора с многочисленными вызовами, или возобладают тенденции, которые нанесут непоправимый ущерб демократическим институтам, остается открытым. При рассмотрении возможной реакции на вызовы существования Агоры 2.0 он задействует биологическую метафору иммунного ответа, с ее помощью разбирая совокупность вероятных сценариев — от радикального запрета самой инфраструктуры Агоры 2.0 до внедрения тонких гомогенизирующих институтов, препятствующих бесконтрольному росту влияния популистов.

Ключевые слова: цифровое общество, популизм, фейк-ньюз, демократический режим, полисная демократия, эпистемологический кризис, Агора, остракизм, информационная безопасность, выборы

Если мы лишены способности отличать истинное от ложного, то по определению рынок идей не функционирует. И по определению не работает наша демократия. Мы вступаем в эпистемологический кризис.

Барак Обама

АГОРА 2.0

Идеал демократического устройства, основанного на сетевом, внеиерархическом взаимодействии равноправных граждан как субъектов и объектов политической коммуникации, давно и прочно ассоциируется с полисной системой Древней Греции. Ярким, хотя и мифологизированным примером эгалитарного обсуждения общественных дел являются Афины классического периода, где демос добился доступа к жребию и голосованию, а центр общественной жизни сместился из цитадели влияния наследственной аристократии Акрополя в район оживленной рыночной площади Агоры. На открытом пространстве Агоры сформировался агонистический политический процесс², а способность убеждать сограждан здесь и сейчас в рамках прямой коммуникации стала едва ли не важнейшей добродетелью древнегреческого политика³. Agora как пространство публичной коммуникации превратилась в ключевой неформальный институт древнегреческого полиса или, говоря языком современности, универсальный маркетплейс, место, где продавался и покупался любой товар, включая идеи и репутации софистов.

Уже в эллинистическом мире правители смогли восстановить авторитет наследственных иерархий, ограничив влияние популистских, агороцентричных настроений. Последующее движение к современным национальным государствам, как показала реалистическая школа⁴, и вовсе стартовало с установления власти структур, едва отличимых от частных охранных предприятий, контролирующих территорию с проживающими на ней людьми посредством в целом примитивной коммуникации — торговли действиями⁵, в ходе которой безопасность обменивалась на поддающиеся сбору ресурсы. Однако идеал полисного демократического устройства, построенного вокруг открытого пространства обмена Агоры, прошел сквозь века, сохранившись до наших дней.

Цифровая инфраструктура современных социальных медиа поднимает агонистическое начало из глубин древнегреческой демократии на новую высоту — для блага или для коллапса. С помощью общедоступных цифровых платформ политики легко воплощают в жизнь иллюзию близости к гражданам и снова напрямую апеллируют к ним в обход демпфирующих институтов. И в точности как в Древней Греции соревнуются преимущественно в театральной убедительности⁶. Цифровая инфраструктура и в особенности социальные медиа сегодня суть своеобразная постмодернистская рыночная площадь идей, образов, идентичностей и смыслов — Agora 2.0.

² *Шавецко 2023.*

³ *Подробнее о связи дискурса и политики в полисах см. Видаль-Накэ 2001; Левицкий 2023.*

⁴ *Tilly 1985, 1994; Skinner and Strath (eds) 2003; Волков 2018.*

⁵ *Сергеев 1999: 20—22.*

⁶ *Veus 2011; Порецкова и Савин 2021.*

Метафора рынка, рыночной площади пришла в политическую науку в контексте обсуждения рационального поведения избирателей, которые виделись придиричивыми покупателями, формирующими спрос⁷, но ее можно применить шире, указав и на неустранимые иррациональные моменты открытого коммуникационного процесса. Так называемая темная сторона социальных отношений в древнегреческом полисе впервые была ярко описана в классической работе Фридриха Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»⁸. В середине XX в. высказанные там идеи получили развитие в книге Эрика Робертсона Доддса «Греки и иррациональное»⁹.

⁷ См., напр. Clarke et al. 2007; McDonald and Samples (eds) 2007.

⁸ Nietzsche 1987.

⁹ Dodds 1951.

В настоящей статье предпринята попытка посмотреть на различные и далеко отстоящие во времени явления с помощью теории концептуальной метафоры¹⁰. Применение данной теории к понятию Агоры, на мой взгляд, позволяет прояснить сходства открытых к внешним воздействиям коммуникационных систем. Современные социальные медиа по своей сути и функциям в политическом процессе похожи на ту самую общедоступную для вмешательства в ткань социальной жизни древнегреческую площадь Агору, разделяя присущие ей достоинства и недостатки. Мишель Фуко считал метафору политика-ткача, сплетающего социальную ткань из сотен разных нитей-интересов, одной из важнейших для эллинистической политики — в противовес ближневосточной метафоре пастуха, охраняющего свое стадо от хищников¹¹.

¹⁰ Lakoff 1993; Lakoff and Johnson 2008.

¹¹ Фуко 2011: 205—208.

Но здесь не обойтись без некоторых важных оговорок. Во-первых, в своем исследовании я намеренно стремился к проведению плодотворных параллелей в области общественных коммуникаций, используя возможности переноса в рамках концептуальной метафоры. Во-вторых, я исходил из презумпции допустимости описания Агоры как центральной инфраструктуры для прямой формы демократического устройства и цифрового пространства современных медиаплатформ — как центральной инфраструктуры для текущих преимущественно представительных форм демократического устройства национальных государств. Чтобы работа не вышла за пределы научной статьи, я ограничился коммуникационным подходом к пониманию демократического процесса¹². Институциональные различия находятся вне сферы моего рассмотрения. Хочу также обратить внимание читателя на иллюзорность полного отождествления агороцентричной полисной системы и нынешних политических, использующих интернет как главное вместилище бытовой переписки, экономического обмена и социально-политических коммуникаций.

¹² Lasswell 1948; Habermas 1985; Bohman 1990.

¹³ На русском языке о феномене постправды и фейков можно порекомендовать коллективную монографию «Фейки: коммуникация, смыслы и ответственность» (Золян и др. 2021).

¹⁴ См., напр. Helm and Nasu 2021.

Мое исследование начиналось как аналитический доклад о национальных и наднациональных попытках ограничить деструктивное информационное воздействие внутри цифровой инфраструктуры, включая юридическое определение таких феноменов, как фейк-ньюз и дезинформация¹³. Однако по мере сбора данных о законодательных новеллах¹⁴ я пришел к выводу, что обсуждаемое странами регулирование максимально ситуативно, а предлагаемые средства чаще всего

нацелены на ограничение одних цифровых платформ коммуникации в пользу других.

В связи с этим и выросла гипотеза, что вызов, с которым сталкивается сегодня цифровое общество, использующее социальные медиа для открытой общественно-политической коммуникации, не сводится к некоей конкретной проблеме вроде массовой трансляции убедительных фейковых новостей или иностранного вмешательства в электоральный процесс, поддающейся решению посредством введения законодательных ограничений.

Особого внимания заслуживает постоянная опасность эксплуатации субъектами политического процесса ничем не ограниченного популизма и возможность установления режима тирании с опорой на демос. Для борьбы с чрезмерным влиянием отдельных политиков, основная цель которых — приобретение и сохранение власти, в Афинах существовала система санкций путем изгнания, представлявшая собой либо гражданский «бан»¹⁵, либо, после реформ Клисфена, диковинный негативный референдум о судьбе политиков с высоким антирейтингом — остракизм¹⁶.

¹⁵ Forsdyke 2005.

¹⁶ Tridimas 2016.

Я использую концептуальную метафору *Агора 2.0*, чтобы показать, что возможность массового манипулятивного воздействия является составной и неотъемлемой частью открытых систем, опирающихся в конечном счете на изменчивое мнение включенных в сетевое сообщество индивидов, обладающих правом голоса. Сам принцип функционирования агороцентричных структур построен на том, что неограниченное число субъектов может подключаться к ним в целях оказания влияния, изобретая все более эффективные способы воздействия на аудиторию. Фейки — это не единицы ложной информации, которые легко подвергнуть верификации; фейки точнее понимать как сообщения, обладающие вирусным потенциалом внедрения и распространения в подходящей для них среде. Поэтому возможные сценарии ответа на вызовы существования Агоры 2.0 в заключительной части статьи рассмотрены с помощью биологической метафоры иммунной реакции.

**«Злой близнец»
Агоры
и вторжение
сил хаоса**

Греческая полисная демократия, насколько можно судить, началась с решения общих вопросов внутри относительно небольших по составу общин, где мужчины могли обсуждать все насущные проблемы лично — лицом к лицу. При этом гомогенность древнегреческого общества не следует преувеличивать. Аристократический компонент сообществ эллинов, воспетый еще Гомером, был крайне силен. Представители наследственной элиты, обладавшие авторитетом по праву рождения, выясняли отношения, часто прибегая к взаимному насилию и изгнаниям. Показательно, что само однокоренное с демократией слово *демарх* означало царского или олигархического наместника, которому передана власть над определенной территорией.

По оценкам историков, драйверами рождения общественного строя с сильным влиянием демоса могли быть не только военная организация греков, в обязательном порядке требовавшая коллективного обучения, не только расширение свободного времени граждан, но и особые религиозные практики внутри единых для конкретного полиса верований, где нарушение запретов одним членом общины, пусть даже и высокопоставленным аристократом, способно было навлечь на весь город гнев хтонических сил¹⁷.

¹⁷ *Сергеев 1999: 46—54.*

Ярким примером эгалитарного обсуждения общественных дел, когда принятие решений было доверено демосу через процедуры жребия и голосования, служат Афины после реформ Клисфена 508—507 гг. до н.э. Эти реформы закрепили постепенный переход от олигархической по своему духу кланово-аристократической политики к широкому процессу, в рамках которого за влияние на демос соперничали и знатные аристократы, и успешные демагоги-ораторы, жаждущие признания¹⁸.

¹⁸ *Fukuyama 2018.*

Принципиальная открытость пространства Агоры и склонность созданного ею сообщества к поощрению политической конкуренции и публичного соревнования как за сознание, так и за эмоции сограждан имели свою цену. Во-первых, взаимоотношения лидера (демагога) и демоса в полисной демократии оказались неустраимо построены на необходимости убеждения. Во-вторых, доминирование торговой площади как центра общественно-политической коммуникации выявило ее особую чувствительность к манипуляциям и вмешательству.

Ориентация агороцентричной коммуникации на открытость к производству новых смыслов и постоянное тестирование эффективности их воздействия на аудиторию органично соединилась с тенденцией к увеличению рисков нечестной игры, предоставления фальшивок, манипулирования товарами и ценами.

Кроме того, агонистичность общественно-политического процесса, изменчивость и нестабильность как внутренние его свойства делали его уязвимым и для прямого внешнего воздействия. В случае древнегреческих полисов ключевым внешним игроком, несомненно, была империя Ахеменидов. Гипотетически даже первое технически успешное внешнее вмешательство с помощью простой технологии спонсирования влиятельных ораторов можно приписать именно персидским элитам. Не сумев победить союз полисов на поле боя в ходе греко-персидских войн, персидская империя и ее приграничные сатрапии вполне успешно манипулировали полисными разногласиями, вмешиваясь в демократический процесс и щедро финансируя проперсидских политиков¹⁹. Впрочем, было бы ошибкой демонизировать данное влияние, поддавшись магии ценностной установки, противопоставляющей прогрессивный Запад дикому Востоку. Например, Джек Мартин Балкер убедительно доказывает, что система налогообложения городов Делосского союза явно была заимствована афинянами у персов²⁰.

¹⁹ *См. Miller 2004; Waters 2014: 166; Hyland 2017.*

²⁰ *Balcer 1977.*

Стоит согласиться с Томасом Ридом, который утверждает, что манипуляции информацией с целью воздействия на внутреннюю полити-

ку государств имеют давнюю историю и новые технологии не меняют общей логики их осуществления²¹. Отталкиваясь от идеи Рида, можно сказать, что коммуникативные форматы древнегреческих полисов таят ряд интересных параллелей с современной ситуацией, где едва ли не главными воображаемыми сообществами являются вненациональные консьюмеристские объединения, умело поддерживаемые маркетологами и корпорациями²².

²² Harari 2014.

Быстрое и эффективное распространение информации не означает, что сами распространяемые сообщения будут качественными. Подобно тому как в прямой коммуникации граждан древнегреческих полисов были неизбежны ошибки в понимании сообщений и прямое манипулирование, так и социальные медиа создают удивительно питательную почву для эмоционального и иррационального влияния²³.

²³ Sterzer 2022.

Например, будущий тиран Афин аристократ Писистрат распространял дезинформацию о том, что его пытались убить и ограбить, а еще через несколько лет провел публичный перформанс, призванный убедить демос, что сама богиня Афина вернула его в город после изгнания. Конечно, тираническую власть над афинским полисом ему вручил не сам по себе провокативный нарратив, а демос, поверивший в него, пусть и на непродолжительное время²⁴. Однако нельзя не заметить, что недостоверная информация успешно выполнила функцию организации. Вдумаемся, разве не похожи народные дубинщики — телохранители Писистрата, выбросившие враждебную ему аристократию из Акрополя и установившие первую, недолгую его тиранию в Афинах (560—556 гг. до н.э.), — и разгоряченные парни из современного американского ультраправого движения Proud Boys и подобных ему радикальных групп²⁵, собравшиеся на знаменитом митинге в Вашингтоне 6 января 2021 г., после того как Дональд Трамп неделями продвигал нарратив о нечестности президентских выборов 2020 г. и необходимости в доходчивой форме донести истинное мнение народа до формальных выборщиков, собственного вице-президента Майкла Пенса и истеблишмента Капитолия? Представляется, что логика подобных событий тесным образом связана с наличием в обществе развитых коммуникационных систем, поддерживающих одновременно и потенциал демократического обсуждения, и потенциал популистского убеждения лидером своих сторонников в необходимости действовать.

²⁴ В третий раз Писистрат пришел к власти в Афинах, и уже надолго, с помощью менее изобретательной технологии — прямой военной интервенции.

²⁵ Kuter 2020.

Можно сказать, что вместе с идеалом публичной состязательности в современность просочился и его «злой близнец». Мало кто станет сомневаться, что среди даров, которые преподнесли гражданам цифровые коммуникационные платформы, скрывается разрушительная темная материя. Примерно половина экспертов, принявших участие в специализированном опросе Pew Research в 2020 г., согласилась с тем, что использование цифровых технологий ослабит основные аспекты демократии и демократического представительства. При этом опасения на этот счет часто высказывали даже оптимистично настроенные эксперты²⁶.

²⁶ Many Experts 2020.

²⁷ Lyotard 1984.

Перед сообществом, использующим инфраструктуру Агоры, встает непростой вопрос: как нейтрализовать потенциал деструктивного воздействия и сохранить высокую эффективность коммуникативной сферы?²⁷ Можно пойти по пути ограничения инфраструктуры или прицельно убирать с политической сцены (прилавка) слишком убедительных демагогов, лидеров, способных увлечь демос химерическими идеями. Примечательно, что Платон в «Республике» предлагает оба варианта действий, считая необходимым, во-первых, существенно ограничить торговлю и частную собственность (что, очевидно, радикально снизит влияние рыночной площади), во-вторых, поставить в центр общественного управления не агонистический процесс обмена эмоционально привлекательными для демоса идеями, а систему иерархического отбора и образования граждан.

²⁸ Ridder 2021.

Вместе с ростом масштабов коммуникационной среды растет и масштаб потенциального распространения как безобидных, так и разрушительных фейков. Как справедливо отмечает Йерун де Риддер, дезинформация способна оказывать системное воздействие на информационную среду, ухудшая положение всех, в том числе эпистемически бдительных²⁸. Перед нами открывается оборотная сторона моментально достижимой и всемирной информационной паутины. Но одно дело узнать, что знаменитый Стэнфордский эксперимент Филиппа Зимбардо, возможно, является хитроумной подделкой²⁹ и нам следует открыть дискуссию о необходимости изменения текстов учебников по психологии, и другое, когда в социальных медиа намеренно распространяются ложные сообщения о смертях после прививок от COVID-19.

²⁹ См. Resnick 2018.

Пределы цифровизации

Начало XXI в. ознаменовалось стремительным развитием, массовым внедрением и удешевлением информационных технологий. Персональный гаджет, хранящий данные о доступных для покупок средствах, в сочетании с мобильным доступом в интернет стал символом новой экономики, основным способом межперсональной коммуникации и получения информации о внешнем мире в наступившей цифровой эпохе.

³⁰ Рябов 2022: 26.

³¹ В случае России идеальным примером является многофункциональный портал «Госуслуги».

С начала 2010-х годов как минимум две тенденции дали дополнительный стимул развитию нового пространства доступа к информации и обмену. Во-первых, это становление олигопольной инфраструктуры цифровых коммуникационных платформ (social media), подконтрольных глобальным IT-корпорациям, пять крупнейших из которых (Microsoft, Alphabet, Apple, Amazon, Facebook) составляют основу индекса Nasdaq. Стоит согласиться с Андреем Рябовым, который пишет, что «капитализм цифровых платформ продуцирует монополизм нового уровня и качества, прекрасно сочетаясь с гибкостью и адаптивностью своих организационных форм»³⁰. Во-вторых, это стремительная дигитализация обращенных к гражданам функций современных национальных государств³¹. Наконец, в начале 2020-х годов произошел прорыв в разработке нейросетей и технологий искусственного интеллекта (AI).

Данные процессы привели к формированию глобального виртуального коммуникативного пространства, которое по-настоящему не контролируется ни одним государством, создает противоречивые и сложные отношения между государственными структурами и цифровыми платформами и при этом оказывает подавляющее воздействие на повестку и ход общественно-политического развития.

Кризис среднего класса, рост антиэлитных настроений и взлет популярности политиков-популистов, особенно после референдумной кампании по выходу Великобритании из ЕС и американских выборов «Трамп vs Хиллари Клинтон» образца 2016 г., могут рассматриваться как ключевые черты эпохи³². Неодолимое влияние цифровых платформ и социальных медиа и перехват потоков коммуникации в значительной мере выбили контроль над социальными процессами из рук элит и переформатировали современный открытый политический процесс. Поскольку со времен Йозефа Шумпетера ограниченная институтами ненасильственная конкуренция элит считается краеугольным камнем демократического представительного порядка, новый баланс может рассматриваться как вызов для представительной демократии³³. По оценке Натаниэля Персилы, удачно суммировавшего сомнения относительно возможности демократии выжить в условиях главенства интернет-коммуникаций, использованная на выборах 2016 г. в США тактика представляла собой уход в сторону цифровой коммуникации от традиционных электоральных кампаний, в рамках которых политический ландшафт задавали преимущественно мейнстримные медиа, комитеты политических действий, правозащитные организации и собственно политики³⁴.

Как следствие, вопрос об особенностях политического процесса и, главное, об изменении сути электоральных процедур в условиях стремительного и бесконтрольного распространения информации в интересах неограниченного числа акторов приобретает ключевое значение. Последний тематический хэндбук Routledge недвусмысленно указывает, что понятия дезинформации (в том числе в форме фейковых новостей) и популизма занимают центральное место как в современных обществах и политических системах, так и в повестке междисциплинарных исследований³⁵.

При этом само традиционное академическое исследование данной проблематики чрезвычайно затруднено из-за эффектов сверхдинамики изменения траектории движения Джаггернаута «всесокрушающей современности», о которой как о ключевой характеристике модерна писал Энтони Гидденс³⁶. Фактически мы сталкиваемся с настолько быстрым процессом, что информационная среда как предмет изучения видоизменяется быстрее, чем можно подготовить и отрецензировать рукопись. Более того, с ростом возможностей генеративных нейросетей смысл привычной человеческой общественно-политической коммуникации оказывается под вопросом. Известный популяризатор науки Юваль Ной Харари считает, что искусственный интеллект уже взломал

³² Сергеев, Казанцев и Петров 2017.

³³ Staats 2004; Sandel 2020.

³⁴ Persily 2017: 64–65.

³⁵ Tumber and Waisbord (eds) 2021: 13.

³⁶ Giddens 1991.

³⁷ Harari, Harris, and Raskin 2023.

³⁸ Рябов 2022.

операционный код человечества (язык)³⁷. Нам остается только ждать последствий появления убедительных нечеловеческих нарративов и пытаться спрогнозировать новые вызовы³⁸.

Публичная значимость описанного выше явления, вызывающая особенно острую реакцию прессы и блогосферы, состоит в том, что нарративы влиятельных персон легко и быстро переходят в перформативы и собственно человеческие поступки — факты материального мира. Под персонами традиционно принято понимать политиков и общественных деятелей, но не должны ли мы теперь добавить к ним и такую категорию, как продвинутые алгоритмы, напоминающие человеческий интеллект? Разумеется, не только призывы программируют поступки людей, но сама легкодоступность подобного программирования притягательна и разрушительна. В современных условиях, когда потребитель медиаконтента может быть крайне удален от порождающей этот контент реальности как социокультурно, так и буквально, в физическом пространстве, он практически не в состоянии проверить достоверность того или иного факта или новости. А там, где есть устойчивая инфраструктура мгновенного распространения информации, выглядящей как минимум убедительной, возникают широкие возможности для манипуляций и внешнего вмешательства.

Ускользающий феномен фейк-ньюз

³⁹ Tumber and Waisbord (eds) 2021: 115.

Феномен фейковых новостей, распространяющихся в цифровой среде подобно вирусу в биологических средах, привлекает большое внимание исследователей. Как указывают авторы уже упомянутого справочника Routledge, проблема вызвана легкостью доступа к коммуникационным технологиям, которыми регулярно пользуются многие миллионы людей, и подражанием социальным ценностям, уходящим корнями в историю и пронизанным легитимностью, что подрывает фундаментальную добродетель, объединяющую сообщества, — правду³⁹.

Предлагаемые подходы к фейк-ньюз в контексте вмешательства и противостояния таковому можно разделить на прикладные и философско-коммуникационные. Прикладные подходы сосредоточены на описании отдельных черт явления и выработке удобных форм институционального противодействия кампаниям влияния и дезинформации, поскольку в новых условиях традиционные централизованные государственные практики такого противодействия (включающие в себя не только прямую цензуру и лицензирование, но и десятки более экзотических форм контроля, как например, введенный в конце 1980-х годов правительством Маргарет Тэтчер запрет на теле- и радиотрансляцию в Британии голосов публичных представителей ирландской партии Шинн Фейн⁴⁰) уже неэффективны.

В множестве журналистских статей и академических публикаций по итогам американских выборов 2016 г. обсуждался факт поражения мейнстримного кандидата в гонке против аутсайдера, популиста и нарушителя общепринятых норм ведения кампаний. И хотя медианный

⁴⁰ Примечательно, что этот запрет привел сначала к использованию субтитров, а затем и к переозвучке ирландских политиков профессиональными актерами.

⁴¹ *Allcott and Gentskow 2017.*

вердикт научного сообщества состоит в том, что вероятность существенного вклада дезинформации в избрание Трампа крайне мала⁴¹, число публикаций, пытающихся связать эти явления, определить место социальных медиа и роль фейковых новостей, да и просто пролить свет на неожиданное изменение тренда, чрезвычайно велико.

⁴² *Brattberg and Maurer 2018.*

⁴³ *Истомин 2023.*

Другой итог президентской кампании 2016 г. в США — теснейшее переплетение концептов фейк-ньюз и внешнего вмешательства⁴². Как показывает Игорь Истомин, само по себе понятие «внешнее вмешательство» с трудом поддается сущностному определению⁴³. Переплетение обогатило оба термина, создав широкое поле для междисциплинарных исследований, и одновременно поставило ученых перед сложным выбором объекта изучения.

⁴⁴ *Funke and Flamini 2019.*

Нельзя не отметить и нарастающую волну антифейкового национального законодательства. По данным Института медиаисследований Пойнтера, в течение года после того, как в начале 2018 г. Комиссия ЕС впервые создала на высоком уровне группу по изучению дезинформации, не менее 50 стран по всему миру приняли законодательные меры против распространения ложной информации онлайн⁴⁴. С началом пандемии COVID-19 процесс заметно ускорился. По отношению к 2019 г. число попыток регулирования как минимум удвоилось, причем не только в демократических, но и в авторитарных системах, что говорит о всеохватности воздействия Агоры 2.0 на политический процесс⁴⁵.

⁴⁵ *Yadav 2020.*

По своим ключевым принципам соответствующее законодательство распадается на две группы: нацеленное на защиту исключительно государства и не отделяющее государство от других субъектов. В первом случае антифейковые законы ориентированы главным образом на противодействие дискредитации государственных структур и/или первых лиц страны. Во втором — законодательство является общим, законы регулируют фейки вне зависимости от их направленности. Драконовское регулирование социальных медиа в настоящее время обсуждается в Бразилии на фоне скандальных президентских выборов 2022 г., в ходе которых аккаунты сторонников действующего президента Жаира Болсонару постоянно блокировались.

Новым веянием стали попытки договориться с корпорациями о «гармонизации» среды. Если в США пока ограничиваются строгими допросами представителей бизнеса в Конгрессе, то в Европе пошли дальше: в 2022 г. между Еврокомиссией и 34 платформами доступа к информации, в числе которых все флагманы, включая Google, было заключено соглашение, предполагающее разработку системы мониторинга дезинформации и блокирования ее источников. Вместе с тем по состоянию на сегодняшний день единства экспертов не удалось достичь даже в плане простого определения явления, которое предполагается ограничить. Емкое определение фейк-ньюз предлагает Кембриджский словарь образца 2020 г., характеризующий их как «распространяемые в интернете или с помощью других средств массовой коммуникации

⁴⁶ *Fake News 2020.*

ложные истории, выглядящие как новости, которые обычно создаются с целью повлиять на политические взгляды или ради шутки»⁴⁶. Однако, будучи крайне широким, это определение с трудом поддается операционализации.

⁴⁷ *Ridder 2021.*

Философско-коммуникационные подходы к проблематике фейковых новостей ориентированы на объяснение текущего тренда развития. Наиболее оригинальным из них, на мой взгляд, является концепция токсичного информационного загрязнения. К ее сторонникам относится упоминавшийся выше Риддер, который полагает, что дезинформация в буквальном смысле загрязняет нашу информационную среду, засоряет общий пул доказательств ложной и вводящей в заблуждение информацией. В результате людям приходится прикладывать гораздо больше усилий для отделения достоверных ответов от недостоверных. Согласно Риддеру, дезинформация имеет системные последствия для информационной среды, делая нас всех, включая эпистемически бдительных, уязвимыми⁴⁷.

Заметно, что приверженцы философско-коммуникационных подходов скептически относятся к практическим предложениям по противодействию фейк-ньюз. По их мнению, в эпоху, когда ложные сообщения вне зависимости от их природы могут повлиять на выборы, международные отношения и кризисное реагирование, выдвигающие такие предложения политики стремятся не столько нейтрализовать угрозы информационным и социальным экосистемам, сколько максимально замедлить распространение невыгодной для себя информации, с тем чтобы получить больше времени на принятие решений.

Ответы на вызовы Агоры и остракизм цифрового общества

⁴⁸ *См. Моду 2022.*

Справится ли Агора 2.0 с вызовами в области коммуникации, в чем убежден, например, технооптимист Нарендра Моду⁴⁸, или возобладают тенденции, которые полностью смешают факты и фальсификации в единую загрязненную массу, нанеся непоправимый ущерб демократическим институтам? Последней точки зрения придерживается, в частности, Джонатан Колбер, по оценке которого дипфейки как технология способны полностью стереть различие между фактами и ложью, что будет иметь разрушительные последствия для демократических институтов и процессов⁴⁹.

⁴⁹ *Many Experts 2020.*

Вопрос институционального ограничения фейковых новостей внутри сетевой демократической системы убеждения сторонников и оппонентов затрагивает, как представляется, не внешнюю оболочку, но собственно ядро системы. В связи с этим в рамках законодательства и практики правоприменения национальных государств и политик глобальных корпораций, владеющих цифровыми медиаплатформами, намечились две тенденции. Первая предполагает движение в сторону ограничения прав (вплоть до удаления аккаунтов) авторов фейковых новостей и отделение активности ботов от активности пользователей-физлиц внутри коммуникационных сетей. Данную логику можно

назвать попыткой точечного демонтажа нежелательного влияния с использованием инструментария цифровых медиаплатформ. Вторая — движение в сторону ограничения доступа пользователей к медиаплатформам на государственном уровне. В этом случае речь идет о попытке полного демонтажа инфраструктуры вместе с элементами нежелательного влияния.

Рассмотрим возможные ответы системы, зависящей от функционирования открытого маркетплейса идей, которые постоянно проверяются гражданами на убедительность и правдивость, на возрастающие риски внутренней и внешней манипуляции.

Конечно, заманчиво подойти к решению вопроса о рисках предельно аналитически и постулировать наличие у политического сообщества свободного выбора вариантов действий внутри своеобразной матрицы: демонтаж/сохранение сетевых структур Агоры — движение в направлении поддержания/подавления агонистичности сообщества. В этой ситуации мы имеем четыре идеальнотипических варианта ответа на вызовы:

- 1) запрещение инфраструктуры Агоры + ставка на гомогенность общества;
- 2) запрещение инфраструктуры Агоры + ставка на гетерогенность общества и управление агонистичностью;
- 3) сохранение инфраструктуры Агоры + ставка на гомогенность общества;
- 4) сохранение инфраструктуры Агоры + ставка на гетерогенность общества и управление агонистичностью.

Однако подобные идеальные типы хороши исключительно для создания умозрительных, утопических моделей. Так, в ответе первого типа отчетливо просматриваются представления Платона об идеальном полисе, да и принципы, на которых строятся все более поздние утопии. В свою очередь ответ второго типа лежит в основе «дивного нового мира» Олдоса Хаксли.

Описанная же система слабо поддается аналитическому контролю и реагирует на внешнюю среду скорее по биологической логике хаотического роста⁵⁰. Направление движения в наибольшей степени определяется двумя векторами силы: собственно силой открытого и состоятельного обсуждения на Агоре, толкающей общество к гетерогенности, и силой культуры и традиции, функцией, которую Толкотт Парсонс обозначил как поддержание образца (pattern maintenance)⁵¹. В конечном итоге выбор является иллюзией. Открытые системы всегда так или иначе вынуждены вырабатывать политику, призванную компенсировать то воздействие, которое оказывает Агора.

Здесь уместно применить дополнительную биологическую метафору, описывающую реакцию организма и работу иммунитета при столкновении с агрессивной внешней средой. Можно выделить три инварианта:

⁵⁰ См. *Gleick 2008*.

⁵¹ *Parsons 1961*.

- изоляция (попытка физического удаления от источника внешнего вмешательства, в крайнем случае — ампутация пораженной части организма);
- иммунный ответ, или адаптация (верная агрессия организма по отношению к вторжению, нейтрализация угрозы и, как следствие, оздоровление, иногда за счет включения части внешней генетической информации в собственный код);
- аутоиммунная реакция (ошибочная агрессия организма — частичное или полное самоуничтожение).

Древнегреческие общества в целом пошли по пути адаптации и сохранения открытой острой конкуренции, даже несмотря на неустойчивость полисной демократии, которая была очевидна мыслителям-современникам. При этом многие полисные и межполисные институты, как то: широкое применение жребия вместо голосования, олимпийские игры и мистерии, были призваны работать на гомогенизацию и сплочение сообщества. Особого внимания в этом плане заслуживает, как представляется, гармонизированный институт изгнания наиболее опасных популистов.

Древние греки разработали интересный механизм/институт регулирования нежелательного и избыточного влияния отдельных личностей на сообщество граждан — остракизм. Первоначально это был инструмент общественного наказания — изгнание⁵², фактически легкая форма коллективных гонений по Рене Жиру⁵³. До реформ Клисфена изгнание в Афинах использовалось в основном аристократическими родами друг против друга в борьбе за политическую власть, использовалось хаотично, бесконтрольно и, по сути, без каких-либо ограничений⁵⁴. Однако в ходе этих реформ остракизм был оформлен как демократический институт в форме ежегодного двухтурового вотирования. Если чьи-то идеи, рассуждения и убеждающие речи не нравились большинству, раз в год можно было провести голосование и отправить соответствующего оратора в 10-летнюю ссылку. Во время ссылки за подвергнутым остракизму сохранялись его имущественные и прочие права, но он не мог больше жить в полисе, а значит, лишался возможности политически влиять на сограждан через устное слово на городской площади.

Процедура остракизма отличалась от прохождения обычного законодательства через собрание граждан. Первый тур определял, необходимо ли, собственно, проводить голосование, второй предполагал внесение конкретных имен на глиняных осколках — остраконах. Проводить подобное голосование чаще чем раз в год было формально запрещено, иногда вопрос о применении процедуры и вовсе не ставился на повестку дня. При всем том сдерживающий эффект данного установления для узурпации власти в чьих-то узких интересах сохранялся в полном объеме, а ограниченный характер санкций удерживал изгнанных аристократов от попыток вернуться силой. В целом редкое и умеренное использование изгнания в конфликтных ситуациях помогает объяснить исключительную стабильность афинской демократии. Ква-

⁵² *Подробнее см. Williams 2002.*

⁵³ *Жиру 2010.*

⁵⁴ *Forsdyke 2005.*

⁵⁵ *Tridimas 2016.*

лифицируя остракизм без дополнительных финансовых или иных наказаний как уникальный для прямой демократии институциональный инструмент разрешения конфликтов, Джордж Тридимас показывает, что он действовал как своего рода негативный референдум о политиках⁵⁵.

Институт остракизма как способ удаления политических акторов с Агоры удивительным образом схож с современной западной культурой отмены и практикой стихийной и внесудебной блокировки аккаунтов политиков в социальных медиа. На примере скандального блокирования аккаунтов Трампа на всех значимых цифровых платформах по итогам событий 6 января 2021 г., когда группа его сторонников, несогласных с итогами президентских выборов, временно захватила Капитолий, можно кратко охарактеризовать возможную суть остракизма применительно к цифровой Агоре.

Согласно одной из версий, Трампа необходимо было отлучить от влиятельной цифровой платформы Twitter и миллионов мобильных устройств, с которых граждане внимали его коротким месседжам, ввиду чрезмерной влиятельности тех идей, которые он распространял. Согласно другой, Трамп просто нарушал принципы политкорректности, негласно действующие внутри политического мейнстрима, допускал проявления hate speech и оскорбления различных групп граждан, что вело к дальнейшей поляризации и било по гомогенности сообщества.

Перенеси мы полностью древнегреческую практику остракизма в наше время, для того чтобы принудительно отрезать политиков/граждан с наибольшим накопленным антирейтингом от средств массовой коммуникации и аудитории, потребовалось бы проводить особые голосования. В современности подобной демократической процедуры нет. IT-гиганты вольны сами решать, кому давать трибуну, а кому нет, каких авторов продвигать, а каких пессимизировать. Национальные же государства в свою очередь могут с тем или иным успехом пытаться блокировать цифровые платформы за неправильную цензурную политику.

Заключение

Я использовал метафору Агоры 2.0, дабы продемонстрировать, что возможность манипулятивного воздействия является неотъемлемой составляющей демократической системы, опирающейся в конечном счете на изменчивое мнение включенных в сетевое сообщество индивидов, обладающих правом голоса. Поскольку функционирование агороцентричных структур предполагает свободу пользования ими с целью влияния, любая идея вне зависимости от ее ложности или обоснованности имеет потенциал распространения среди посетителей Агоры.

Неудивительно, что политические системы сталкиваются с серьезными сложностями, стараясь оградить себя от нежелательного вмешательства. Проблема в том, что эффективные системы коммуникации создают критические уязвимости для публичной сферы и в особенности для представительных институтов (которых полисная система не знала).

Невозможность отличить правду от вымысла в пределе означает невозможность выбрать привычным путем ответственных лидеров. Попытки лишить граждан доступа к внеэфирным средствам массовой коммуникации либо унифицировать ценностные установки вопреки агонистичности нарративов современности будут продолжаться, что само по себе способно перевести эпистемологический кризис в кризис институциональный.

При рассмотрении возможных сценариев ответа на обусловленные существованием цифровой Агоры вызовы весьма продуктивной выглядит биологическая «иммунная» метафора. На данный момент представляется маловероятным, что политики сделают ставку на правильную и долгую работу общественного иммунитета, который рано или поздно совладеет с охватившим общество недугом и ростом недоверия, или найдут способы тонко настроить институты гомогенизации, дабы сохранить творческий потенциал, но ограничить возможности деструктивного информационного вмешательства. Коллапс цифровой Агоры могут приблизить как ее демонтаж сверху, так и сильная и неконтролируемая «аутоиммунная реакция» общества.

Ставка на гомогенность, несомненно, означает по крайней мере частичное блокирование инфраструктуры цифровой Агоры, провоцирующей постоянную борьбу идей. Для описания этого сценария можно безболезненно использовать слово «холизм», которое часто употреблял ниспровергатель врагов открытого общества Карл Поппер⁵⁶. Необходимость борьбы со всяким вмешательством и забота о гомогенности и структурной связанности элементов как главном общественном благе красной нитью проходят через «Республику» Платона. В дальнейшем практически любой утопический проект рисовал общество, в котором развитие остановлено, а социально-политические отношения установлены раз и навсегда без возможности их поменять. Здесь стоит заметить, что ряд положений предвыборной кампании Трампа и его ключевой лозунг-мем MAGA (Make America Great Again) до изумления похожи на призыв к возвращению в Золотой век, в явном виде сформулированный в знаменитом тексте Платона.

Аутоиммунный ответ на влияние Агоры 2.0 будет так или иначе базироваться на принципиальном отторжении демократии как практики и эффективного способа принятия решений. Этот подход вполне может быть поддержан большинством граждан и влиятельными кругами элит. Его следствием станет усиление авторитарных тенденций и ставка на манипуляцию общественным мнением через харизматическое лидерство⁵⁷. В этом сценарии свободная и эгалитарная Агора оборачивается своим «злым близнецом», который покровительствует наиболее беспринципным манипуляторам.

Как могут выглядеть экстремумы в попытках преодолеть кризис посредством усиления конкурентности? Мы можем стать свидетелями борьбы IT-корпораций и союзов национальных государств с корпорациями за создание наиболее необременительного пространства

⁵⁶ Popper 1971.

⁵⁷ Подробнее об аутоиммунности демократии см. Магун 2016.

цифровой Агоры. Но существует и опасность создания директивного пространства Агоры 2.0, превращения ее из свободного рынка идей в жестко контролируруемую монополию или олигополию. Нетрудно представить себе ситуацию, когда в целях гармонизации влияния продвинутого алгоритма AI начнет решать, что является фейком, а что правдой для каждого отдельного человека. Подобный поворот событий не просто подорвет возможность демократического обсуждения общественных вопросов, он разорвет публичную эпистему на миллионы внутренне логичных, но непроницаемых эпистем. Тем самым откроется дверь для еще одной антиутопии — глобального режима управления с помощью алгоритмов, где властный картель технологических компаний будет диктовать свои условия предоставления цифровых сервисов и по своему усмотрению включать «правильные» нарративы и отключать «неправильные».

Библиография

- Видаль-Накэ П. (2001) *Черный охотник: Формы мышления и формы общества в греческом мире*. М.: Ладомир.
- Волков В.В. (2018) *Государство, или Цена порядка*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Жирар Р. (2010) *Козел отпущения*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Золян С., Н.Пробст, Ж.Сладкевич и Г.Тулчинский. (2021) *Фейки: коммуникация, смыслы и ответственность*. СПб.: Алетейя.
- Истомин И.А. (2023) «Иностранное вмешательство во внутренние дела: проблематизация сущностно неопределимого концепта» // *Полис. Политические исследования*, № 2: 120—137. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2023/2/Polis-2023-2-Istomin.pdf> (проверено 17.08.2023).
- Левицкий В.С. (2023) «Онтологическая природа политики» // *Полития*, № 1 (108): 25—39. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-25-39.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-25-39.pdf) (проверено 17.08.2023).
- Магун А.В. (2016) *Демократия, или Демон и гегемон*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Моди Н. (2022) «Наша эра не должна быть эпохой войн» // *Коммерсантъ*, 1.12. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5694436> (проверено 07.08.2023).
- Порецкова А.А. и Н.Ю.Савин. (2021) «На пути к аудиторному представительству: медиатизация политики и новые вызовы для демократий и автократий» // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*, т. 6, № 2: 33—51.
- Рябов А.В. (2022) «О противоречиях и исторических развилках перехода к цифровому обществу» // *Полития*, № 4 (107): 23—39. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4\(107\)-Pages-001-208-23-39.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4(107)-Pages-001-208-23-39.pdf) (проверено 17.08.2023).
- Сергеев В.М. (1999) *Демократия как переговорный процесс*. М.: МОНФ.

Сергеев В.М., А.А.Казанцев и К.Е.Петров. (2017) «Политика „мейнстрима“ и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к „невозможной политике“?» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 8—29. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2017/3/Polis-2017-Sergeyev.pdf> (проверено 17.08.2023).

Фуко М. (2011) *Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977—1978 учебном году*. СПб.: Наука.

Шавеко Н.А. (2023) «Агонистический плюрализм и состязательная модель демократии: проблемы нормативного обоснования» // *Полития*, № 1 (108): 6—24. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-6-24.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-6-24.pdf) (проверено 17.08.2023).

Allcott H. and M.Gentzkow. (2017) «Social Media and Fake News in the 2016 Election» // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 31, no. 2: 211—236. URL: <https://web.stanford.edu/~gentzkow/research/fakenews.pdf> (accessed on 17.08.2023).

Balcer J. (1977) «The Athenian Episkopos and the Achaemenid „King’s Eye“» // *American Journal of Philology*, vol. 98, no. 3: 252—263.

Beus J., de. (2011) «Audience Democracy: An Emerging Pattern in Postmodern Political Communication» // Brants K. and K.Voltmer, eds. *Political Communication in Postmodern Democracy: Challenging the Primacy of Politics*. London: Palgrave Macmillan: 19—38.

Bohman J.F. (1990) «Communication, Ideology, and Democratic Theory» // *American Political Science Review*, vol. 84, no. 1: 93—109.

Brattberg E. and T.Maurer. (2018) «Russian Election Interference: Europe’s Counter to Fake News and Cyber Attacks» // *Carnegie Endowment for International Peace*, 23.05. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/05/23/russian-election-interference-europe-s-counter-to-fake-news-and-cyber-attacks-pub-76435> (accessed on 07.08.2023).

Clarke J., J.Newman, N.Smith, E.Vidler, and L.Westmarland. (2007) *Creating Citizen-Consumers: Changing Publics and Changing Public Services*. London: SAGE Publications.

Dodds E.R. (1951) *The Greeks and the Irrational*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

«Fake News». (2020) // *Cambridge Advanced Learner’s Dictionary & Thesaurus*. Cambridge: Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fake-news> (accessed on 17.08.2023).

Forsdyke S. (2005) *Exile, Ostracism, and Democracy: The Politics of Expulsion in Ancient Greece*. Princeton: Princeton University Press.

Fukuyama F. (2018) *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition*. London: Profile Books.

Funke D. and D.Flamini. (2019) «A Guide to Anti-Misinformation Actions around the World» // *Poynter*. URL: <https://www.poynter.org/ifcn/anti-misinformation-actions> (accessed on 07.08.2023).

- Giddens A. (1991) *The Consequences of Modernity*. Oxford: Polity Press.
- Gleick J. (2008) *Chaos: Making a New Science*. London: Penguin.
- Habermas J. (1985) *The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Life-world and System: A Critique of Functionalist Reason*. Boston: Beacon Press.
- Harari Yu.N. (2014) *Sapiens: A Brief History of Humankind*. New York: Harper.
- Harari Yu.N., T.Harris, and A.Raskin. (2023) «You Can Have the Blue Pill or the Red Pill, and We're out of Blue Pills» // *The New York Times*, 24.03. URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/24/opinion/yuval-harari-ai-chatgpt.html> (accessed on 07.08.2023).
- Helm R.K. and H.Nasu. (2021) «Regulatory Responses to „Fake News“ and Freedom of Expression: Normative and Empirical Evaluation» // *Human Rights Law Review*, vol. 21, no. 2: 302–328.
- Hyland J. (2017) *Persian Interventions: The Achaemenid Empire, Athens, and Sparta, 450–386 BCE*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Kutner S. (2020) *Swiping Right: The Allure of Hyper Masculinity and Cryptofascism for Men Who Join the Proud Boys*. ICCT Research Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/341650411_Swiping_Right_The_Allure_of_Hyper_Masculinity_and_Cryptofascism_for_Men_Who_Join_the_Proud_Boys (accessed on 07.08.2023).
- Lakoff G. (1993) «The Contemporary Theory of Metaphor» // Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. New York: Cambridge University Press: 202–251.
- Lakoff G. and M.Johnson. (2008) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lasswell H. (1948) «The Structure and Function of Communication in Society» // Bryson L., ed. *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers: 37–51.
- Lyotard J. (1984) *The Postmodern Condition*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- «Many Experts Say Digital Disruption Will Hurt Democracy». (2020) // *Pew Research Center*, 21.02. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/02/21/concerns-about-democracy-in-the-digital-age/> (accessed on 07.08.2023).
- McDonald M.P. and J.Samples, eds. (2007) *The Marketplace of Democracy: Electoral Competition and American Politics*. New York: Rowman and Littlefield.
- Miller M.C. (2004) *Athens and Persia in the Fifth Century BC: A Study in Cultural Receptivity*. New York: Cambridge University Press.
- Nietzsche F. (1987) *Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*. Frankfurt-am-Main: Insel Verlag.
- Parsons T. (1961) «An Outline of the Social System» // Parsons T., E.A.Shils, K.D.Naegle, and J.R.Pitts, eds. *Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory*. New York: The Free Press: 30–79.

Persily N. (2017) «The 2016 US Election: Can Democracy Survive the Internet?» // *Journal of Democracy*, vol. 28, no. 2: 63–76.

Popper K.R. (1971) *The Open Society and Its Enemies: The Spell of Plato*. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press.

Resnick B. (2018) «The Stanford Prison Experiment Was Massively Influential. We Just Learned It Was a Fraud» // *Vox*, 13.06. URL: <https://www.vox.com/2018/6/13/17449118/stanford-prison-experiment-fraud-psychology-replication> (accessed on 07.08.2023).

Rid T. (2020) *Active Measures: The Secret History of Disinformation and Political Warfare*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Ridder J., de. (2021) «What's so Bad about Misinformation?» // *Inquiry*, 16.11: 1–23. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/0020174X.2021.2002187?needAccess=true&role=button> (accessed on 17.08.2023).

Sandel M.J. (2020) *Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus and Giroux.

Skinner Q. and B.Stråth, eds. (2003) *States and Citizens: History, Theory, Prospects*. New York: Cambridge University Press.

Staats J.L. (2004) «Habermas and Democratic Theory: The Threat to Democracy of Unchecked Corporate Power» // *Political Research Quarterly*, vol. 57, no. 4: 585–594.

Sterzer Ph. (2022) *Die Illusion der Vernunft: Warum wir von unseren Überzeugungen nicht zu überzeugt sein sollten*. Leipzig: Lagato.

Tilly C. (1985) «Making War and State Making as Organized Crime» // Evans P.B., D.Rueschemeyer, and T.Skocpol, eds. *Bringing the State Back*. Cambridge: Cambridge University Press: 169–191.

Tilly C. (1994) «States and Nationalism in Europe 1492–1992» // *Theory and Society*, vol. 23, no. 1: 131–146.

Tridimas G. (2016) «Conflict, Democracy and Voter Choice: A Public Choice Analysis of the Athenian Ostracism» // *Public Choice*, vol. 169, no. 1–2: 137–159.

Tumber H. and S.Waisbord, eds. (2021) *The Routledge Companion to Media Disinformation and Populism*. London, New York: Routledge.

Waters M. (2014) *Ancient Persia: A Concise History of the Achaemenid Empire, 550–330 BCE*. New York: Cambridge University Press.

Williams K.D. (2002) *Ostracism: The Power of Silence*. New York: Guilford Press.

Yadav K. (2020) «Countering Influence Operations: A Review of Policy Proposals since 2016» // *Carnegie Endowment for International Peace*, 30.11. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/11/30/countering-influence-operations-review-of-policy-proposals-since-2016-pub-83333> (accessed on 09.08.2023).

πολιτικά

K. E. Petrov

CHALLENGES OF AGORA OF DIGITAL SOCIETY

Kirill E. Petrov — Ph.D. in Political Science; Senior Researcher at the Center for the Study of Political Elites, Institute of International Studies, MGIMO-University. Email: originalkir@gmail.com.

Abstract. The article attempts to use the theory of conceptual metaphor to compare distant communicative practices of Ancient Greece and modern times. The author interprets digital communications and social media as Digital Agora, or Agora 2.0. Just as during ancient times the influence of the Agora made the Athenian aristocracy reckon with the demos, the influence of social media has significantly reshaped the modern political process, limiting the former capabilities of the elites. The use of the conceptual metaphor of Agora 2.0 allows the author to clarify similarities in the functioning of open communication systems, within which the mass dissemination of persuasive fake news and/or foreign interference in the electoral process turn out to be essentially insurmountable.

Societies have to adapt in order to compensate for the potentially destructive effects of agorocentric structures. According to the author, it is still an open question of whether the Digital Agora will cope with numerous challenges, or whether the trends causing irreparable damage to democratic institutions will prevail. When examining a potential response to the challenges posed by the existence of the Digital Agora, the author makes use of a biological metaphor of an immune response, employing it to analyze most probable scenarios — from a radical ban on the Agora 2.0's very infrastructure to the introduction of subtle homogenizing institutions that prevent the unchecked growth of populist influence.

Keywords: digital society, populism, fake news, democratic regime, polis democracy, epistemological crisis, Agora, ostracism, information security, elections

References

Allcott H. and M. Gentskow. (2017) "Social Media and Fake News in the 2016 Election" // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 31, no. 2: 211—236. URL: <https://web.stanford.edu/~gentskow/research/fakenews.pdf> (accessed on 17.08.2023).

Balcer J. (1977) "The Athenian Episkopos and the Achaemenid „King's Eye“" // *American Journal of Philology*, vol. 98, no. 3: 252—263.

Beus J., de. (2011) “Audience Democracy: An Emerging Pattern in Postmodern Political Communication” // Brants K. and K.Voltmer, eds. *Political Communication in Postmodern Democracy: Challenging the Primacy of Politics*. London: Palgrave Macmillan: 19—38.

Bohman J.F. (1990) “Communication, Ideology, and Democratic Theory” // *American Political Science Review*, vol. 84, no. 1: 93—109.

Brattberg E. and T.Maurer. (2018) “Russian Election Interference: Europe’s Counter to Fake News and Cyber Attacks” // *Carnegie Endowment for International Peace*, 23.05. URL: <https://carnegieendowment.org/2018/05/23/russian-election-interference-europe-s-counter-to-fake-news-and-cyber-attacks-pub-76435> (accessed on 07.08.2023).

Clarke J., J.Newman, N.Smith, E.Vidler, and L.Westmarland. (2007) *Creating Citizen-Consumers: Changing Publics and Changing Public Services*. London: SAGE Publications.

Dodds E.R. (1951) *The Greeks and the Irrational*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press.

“Fake News”. (2020) // *Cambridge Advanced Learner’s Dictionary & Thesaurus*. Cambridge: Cambridge University Press. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/fake-news> (accessed on 17.08.2023).

Forsdyke S. (2005) *Exile, Ostracism, and Democracy: The Politics of Expulsion in Ancient Greece*. Princeton: Princeton University Press.

Foucault M. (2011) *Bezopasnost’, territorija, naselenie: Kurs lektzij, pročitannykh v Kollezhe de Frans v 1977—1978 uchebnom godu* [Sécurité, territoire, population: Cours au College de France (1977—1978)]. St Petersburg: Nauka. (In Russ.)

Fukuyama F. (2018) *Identity: Contemporary Identity Politics and the Struggle for Recognition*. London: Profile Books.

Funke D. and D.Flamini. (2019) “A Guide to Anti-Misinformation Actions around the World” // *Poynter*. URL: <https://www.poynter.org/ifcn/anti-misinformation-actions> (accessed on 07.08.2023).

Giddens A. (1991) *The Consequences of Modernity*. Oxford: Polity Press.

Girard R. (2010) *Kozel otpushchenija* [Le bouc émissaire]. St Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha. (In Russ.)

Gleick J. (2008) *Chaos: Making a New Science*. London: Penguin.

Habermas J. (1985) *The Theory of Communicative Action. Vol. 2: Lifeworld and System: A Critique of Functionalist Reason*. Boston: Beacon Press.

Harari Yu.N. (2014) *Sapiens: A Brief History of Humankind*. New York: Harper.

Harari Yu.N., T.Harris, and A.Raskin. (2023) “You Can Have the Blue Pill or the Red Pill, and We’re out of Blue Pills” // *The New York Times*, 24.03. URL: <https://www.nytimes.com/2023/03/24/opinion/yuval-harari-ai-chatgpt.html> (accessed on 07.08.2023).

Helm R.K. and H.Nasu. (2021) “Regulatory Responses to „Fake News“ and Freedom of Expression: Normative and Empirical Evaluation” // *Human Rights Law Review*, vol. 21, no. 2: 302—328.

Hyland J. (2017) *Persian Interventions: The Achaemenid Empire, Athens, and Sparta, 450—386 BCE*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Istomin I.A. (2023) “Inostrannoe vmeshatel'stvo vo vnutrennie dela: problematizatsija sushchnostno neopredelimogo kontsepta” [Foreign Interference in Internal Affairs: Deconstruction of an Essentially Indeterminate Concept] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 120—137. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2023/2/Polis-2023-2-Istomin.pdf> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Kutner S. (2020) *Swiping Right: The Allure of Hyper Masculinity and Cryptofascism for Men Who Join the Proud Boys*. ICCT Research Paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/341650411_Swiping_Right_The_Allure_of_Hyper_Masculinity_and_Cryptofascism_for_Men_Who_Join_the_Proud_Boys (accessed on 07.08.2023).

Lakoff G. (1993) “The Contemporary Theory of Metaphor” // Ortony A., ed. *Metaphor and Thought*. New York: Cambridge University Press: 202—251.

Lakoff G. and M.Johnson. (2008) *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.

Lasswell H. (1948) “The Structure and Function of Communication in Society” // Bryson L., ed. *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers: 37—51.

Levytsky V.S (2023) “Ontologicheskaja priroda politiki” [The Ontological Nature of Politics] // *Politeia*, no. 1 (108): 25—39. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-25-39.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-25-39.pdf) (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Lyotard J. (1984) *The Postmodern Condition*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Magun A.V. (2016) *Demokratija, ili Demon i gegemon* [Democracy, or Demon and Hegemon]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

“Many Experts Say Digital Disruption Will Hurt Democracy”. (2020) // *Pew Research Center*, 21.02. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2020/02/21/concerns-about-democracy-in-the-digital-age/> (accessed on 07.08.2023).

McDonald M.P. and J.Samples, eds. (2007) *The Marketplace of Democracy: Electoral Competition and American Politics*. New York: Rowman and Littlefield.

Miller M.C. (2004) *Athens and Persia in the Fifth Century BC: A Study in Cultural Receptivity*. New York: Cambridge University Press.

Modi N. (2022) “Nasha era ne dolzhna byt' epokhoj vojn” [Our Era Should Not Be an Era of Wars] // *Kommersant*, 1.12. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5694436> (accessed on 07.08.2023). (In Russ.)

Nietzsche F. (1987) *Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*. Frankfurt-am-Main: Insel Verlag.

Parsons T. (1961) “An Outline of the Social System” // Parsons T., E.A.Shils, K.D.Naegle, and J.R.Pitts, eds. *Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory*. New York: The Free Press: 30–79.

Persily N. (2017) “The 2016 US Election: Can Democracy Survive the Internet?” // *Journal of Democracy*, vol. 28, no. 2: 63–76.

Popper K.R. (1971) *The Open Society and Its Enemies: The Spell of Plato*. Vol. 1. Princeton: Princeton University Press.

Poretskova A.A. and N.Yu.Savin. (2021) “Na puti k auditornomu predstavitel'stvu: mediatizatsija politiki i novye vyzovy dlja demokratij i avtokratij” [On the Way to Audience Representation: Mediatization of Politics and New Challenges for Democracies and Autocracies] // *Kommunikatsii. Media. Dizajn* [Communications. Media. Design], vol. 6, no. 2: 33–51. (In Russ.)

Resnick B. (2018) “The Stanford Prison Experiment Was Massively Influential. We Just Learned It Was a Fraud” // *Vox*, 13.06. URL: <https://www.vox.com/2018/6/13/17449118/stanford-prison-experiment-fraud-psychology-replication> (accessed on 07.08.2023).

Rid T. (2020) *Active Measures: The Secret History of Disinformation and Political Warfare*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Ridder J., de. (2021) “What’s so Bad about Misinformation?” // *Inquiry*, 16.11: 1–23. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/0020174X.2021.2002187?needAccess=true&role=button> (accessed on 17.08.2023).

Ryabov A.V. (2022) “O protivorechijakh i istoricheskikh razvilkakh perekhoda k tsifrovomu obshchestvu” [About Contradictions and Historical Forks of the Transition to a Digital Society] // *Politeia*, no. 4 (107): 23–39. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4\(107\)-Pages-001-208-23-39.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2022-4(107)-Pages-001-208-23-39.pdf) (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Sandel M.J. (2020) *Tyranny of Merit: What’s Become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus and Giroux.

Sergeyev V.M. (1999) *Demokratija kak peregovornyj protsess* [Democracy as Negotiation Process]. Moscow: MONF. (In Russ.)

Sergeyev V.M., A.A.Kazantzev, and K.E.Petrov. (2017) “Politika „mejnstrima“ i ee al'ternativy v sovremennom zapadmon mire: na puti ot mirovogo ekonomicheskogo krizisa k „nevozmozhnoj politike“?” [The Policy of “Mainstream” and Its Alternatives in the Modern Western World: on the Way from the World Economic Crisis to “Impossible Politics”?] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 8–29. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2017/3/Polis-2017-Sergeyev.pdf> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Shaveko N.A. (2023) “Agonisticheskij pljuralizm i sostjazatel'naja model' demokratii: problemy normativnogo obosnovanija” [Agonistic Pluralism and Competitive Model of Democracy: Problems of Normative Justification] // *Politeia*, no. 1 (108): 6–24. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-6-24.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-6-24.pdf) (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Skinner Q. and B.Stråth, eds. (2003) *States and Citizens: History, Theory, Prospects*. New York: Cambridge University Press.

Staats J.L. (2004) “Habermas and Democratic Theory: The Threat to Democracy of Unchecked Corporate Power” // *Political Research Quarterly*, vol. 57, no. 4: 585—594.

Sterzer Ph. (2022) *Die Illusion der Vernunft: Warum wir von unseren Überzeugungen nicht zu überzeugen sein sollten*. Leipzig: Lagato.

Tilly C. (1985) “Making War and State Making as Organized Crime” // Evans P.B., D.Rueschemeyer, and T.Skocpol, eds. *Bringing the State Back*. Cambridge: Cambridge University Press: 169—191.

Tilly C. (1994) “States and Nationalism in Europe 1492—1992” // *Theory and Society*, vol. 23, no. 1: 131—146.

Tridimas G. (2016) “Conflict, Democracy and Voter Choice: A Public Choice Analysis of the Athenian Ostracism” // *Public Choice*, vol. 169, no. 1—2: 137—159.

Tumber H. and S.Waisbord, eds. (2021) *The Routledge Companion to Media Disinformation and Populism*. London, New York: Routledge.

Vidal-Naquet P.E. (2001) *Chernyj okhotnik: Formy myshlenija i formy obshchestva v grecheskom mire* [Le chasseur noir: Formes de pensée et formes de société dans le monde grec]. Moscow: Lodomir. (In Russ.)

Volkov V.V. (2018) *Gosudarstvo, ili Tsena porjadka* [The State, or the Price of the Order]. St Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)

Waters M. (2014) *Ancient Persia: A Concise History of the Achaemenid Empire, 550—330 BCE*. New York: Cambridge University Press.

Williams K.D. (2002) *Ostracism: The Power of Silence*. New York: Guilford Press.

Yadav K. (2020) “Countering Influence Operations: A Review of Policy Proposals since 2016” // *Carnegie Endowment for International Peace*, 30.11. URL: <https://carnegieendowment.org/2020/11/30/countering-influence-operations-review-of-policy-proposals-since-2016-pub-83333> (accessed on 09.08.2023).

Zolyan S., N.Probst, Zh.Sladkevich, and G.Tulchinsky. (2021) *Fejki: kommunikatsija, smysly i otvetstvennost'* [Fake: Communication, Meanings, and Responsibility]. St Petersburg: Aletheia. (In Russ.)

Д. В. Балашов

ВОЗМОЖНА ЛИ ТЕОРИЯ ДИСТРИБУТИВНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ, ОСНОВАННАЯ НА ЭТИКЕ ДОБРОДЕТЕЛИ?

Дмитрий Викторович Балашов — кандидат юридических наук, старший преподаватель департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: dbalashov@hse.ru.

Аннотация. Проблема социальной справедливости занимает одно из центральных мест в современной политической философии. Активные дискуссии по ее поводу ведутся с 1970-х годов. И хотя социальная справедливость рассматривается во многих аспектах, важнейшим из них остается дистрибутивная (экономическая) справедливость, связанная со справедливым распределением благ в обществе.

Почти все современные теории дистрибутивной справедливости следуют в русле одной из двух классических этических традиций: деонтологической и утилитаристской. Однако со второй половины XX в. стала складываться и третья этическая традиция — этика добродетели, сторонники которой подвергли критике как деонтологию, так и утилитаризм. Акцент на добродетели, лежащий в основе новой традиции, предполагает перенос внимания с универсального для всех правила в сторону индивидуальных решений отдельного человека. Подобное изменение угла зрения существенно затрудняет использование этики добродетели для построения теории социальной справедливости. Тем не менее такие попытки предпринимаются. В их числе — так называемый подход возможностей американского философа Марты Нуссбаум, получивший довольно широкую известность в научном сообществе.

Нуссбаум переосмыслила философию Аристотеля, актуализировав ключевые ее положения для современного мира. Перенеся основной фокус с категории добродетели на категорию возможности, она попыталась обосновать идею «аристотелианского социального государства» с высоким уровнем перераспределения благ в обществе.

Статья посвящена анализу концепции Нуссбаум. Внимательно рассмотрев ключевые ее положения, Д. Балашов показывает, что данный опыт построения политико-философской теории справедливости на базе этики добродетели не увенчался успехом. При этом, будучи заявлен как аристотелианский по духу, подход возможностей в действительности имеет слабое

отношение к учению Аристотеля, что, в частности, указывает на те проблемы, с которыми сталкиваются современные авторы, пытающиеся задействовать наследие далекого прошлого.

Ключевые слова: теории справедливости, деонтологическая этика, утилитаристская этика, этика добродетели, счастье, процветание, базовые возможности, социальное государство

...Свойство добродетели состоит, скорее, в том, чтобы делать добро, а не принимать его, и в том, чтобы совершать прекрасные поступки, более, чем в том, чтобы не совершать постыдных.

Аристотель. Никомахова этика

Введение

Одно из центральных мест в политической философии второй половины XX — начала XXI в. заняла дискуссия о справедливости. Ее развертывание принято отсчитывать с публикации программной работы Джона Ролза «Теория справедливости»¹, увидевшей свет в 1971 г. Но само содержание этой работы указывает на то, что современные споры о справедливости уходят куда глубже в историю, так как существенное внимание в ней уделено полемике с приверженцами утилитаристских взглядов на социальную справедливость.

¹ Ролз 2017.

Работа Ролза стала катализатором появления многочисленных новых договорных теорий, в числе которых, кроме теории самого Ролза, стоит также упомянуть концепции Роберта Нозика² и Рональда Дворкина³. Среди сторонников подобных теорий развернулась широкая полемика, не исчез из дискуссии и утилитаристский подход, который к началу XXI в. вновь выдвинулся на первые роли (о чем свидетельствует, в частности, популярность «эффективного альтруизма» — новой итерации утилитаризма⁴). Первоначально, в соответствии с логикой Ролза, Нозика и Дворкина, главной проблемой в рамках теорий справедливости выступала так называемая дистрибутивная (экономическая) справедливость, то есть справедливое распределение благ в обществе. Однако по мере развития и расширения дискуссии она охватила и многие другие аспекты социальной справедливости, такие как «глобальная справедливость», «межпоколенческая справедливость», «справедливая/несправедливая война» и т.д. Тем не менее, несмотря на расширение спектра исследовательских проблем, вопрос о дистрибутивной справедливости остается актуальным по сей день.

² Нозик 2016.

³ Dworkin 1981a, 1981b.

⁴ Сингер 2018; Макаскилл 2018.

Важно отметить, что идущая уже более полувека дискуссия о справедливости тесно связана с англоязычным академическим сообществом и характерной для него традицией аналитической философии. Отсюда активное использование теоретиками справедливости специфической

методологии, например метода мысленного эксперимента. Другая отличительная черта современных теорий справедливости — прямое сопряжение вопросов справедливости, политико-правовых по своей сути, с основными этическими традициями в западной философии — утилитаризмом и деонтологией. Но если рассматривать данную дискуссию с этих позиций и пытаться соотнести вопросы социальной справедливости с философской этикой, не следует упускать из вида, что в сегодняшней этике принято говорить не о двух, а о трех ключевых традициях. Во второй половине XX в. к утилитаризму и деонтологии добавилась *этика добродетели*, с тех пор приобретшая многочисленных сторонников. С этой линией в этической мысли связаны имена многих выдающихся философов современности, в том числе Элизабет Энском, Бернарда Уильямса, Аласдера Макинтайра, Айрис Мердок и Филлипа Фута.

В отличие от деонтологических и утилитаристских подходов, широко представленных в политической философии и философии права, этика добродетели обсуждается преимущественно на *личностном* уровне. Это обусловлено рядом особенностей данного подхода, в первую очередь его сфокусированностью не на социуме, а на отдельной личности⁵. Вместе с тем предпринимались попытки использовать его для построения концепции социальной справедливости. Одной из них и посвящена настоящая статья. Речь идет о политико-философской теории дистрибутивной справедливости, разработанной американским философом Мартой Нуссбаум. Но прежде чем переходить к ее анализу, целесообразно вкратце остановиться на ключевых постулатах этики добродетели.

⁵ Куренной 2008.

Рождение новой этической традиции

⁶ Anscombe 1958.
Русский перевод
см. Энском 2008.

⁷ Энском 2008: 75.

⁸ Там же.

В 1958 г. английский философ Элизабет Энском опубликовала статью «Современная философия морали»⁶, в которой обрушилась сразу на два ведущих направления современной моральной философии. С ее точки зрения, вся современная этика строится на идее долженствования, или морального обязательства — строгого правила, *внешнего* по отношению к индивиду (что выглядит сомнительным, если проследить историю такого понимания этического). Корни данного подхода Энском видела в религиозных основаниях современной западной цивилизации — «христианстве и присущей ему правовой (law) концепции этики»⁷. Христианство, в свою очередь, «вывело свои этические понятия из Торь»⁸, что впоследствии стало фундаментом как деонтологической, так и утилитаристской этической традиции.

Для иудео-христианской цивилизации подобный угол зрения был полностью оправдан, так как строгое долженствование в этике, выносящее «абсолютный вердикт» поступку, предопределялось наличием высшей инстанции — Бога. Не случайно в концепции права периода высокой схоластики человеческому закону отводилось подчиненное место по сравнению с естественным, божественным и вечным

законами, имеющими прямое и непосредственное отношение к Божией воле.

По мере развития процесса секуляризации, обозначившегося в эпоху Возрождения и продолжившегося в Новое время, этическое должествование, базирующееся на вере в Бога, начало терять свои основания. Однако, как замечала Энском, «если подобная концепция доминирует на протяжении многих столетий, а затем отбрасывается... может оказаться, что такие связанные с природой закона понятия, как обязательство, подчиненность или требование, останутся, хотя и утратят при этом свои корни»⁹. Лишенное корней должествование — важнейший вызов для этической философии, породивший немало попыток найти основания этики в иных категориях.

⁹ Там же: 76.

Вероятно, важнейшей из таких попыток является концепция Иммануила Канта, выводящая этическое требование (*моральный закон*) из философской практики, которая «указывает нам на чистый умопостигаемый мир, более того, положительно определяет этот мир и позволяет нам нечто познать о нем, а именно *некий закон*»¹⁰. Именно деонтология Канта стала этико-философским базисом для упомянутых выше новых договорных теорий. Но в глазах Энском концепция Канта не была убедительной.

¹⁰ Кант 1994: 424.

Сходным образом оценивала Энском и утилитаристскую этическую концепцию, изначально сформулированную Иеремией Бентамом. Сама по себе идея утилитаризма выросла из критики деонтологии. Обосновывая посюсторонние этические требования, Бентам называл характерные для деонтологических построений представления о потусторонних естественных правах «чепухой на ходулях» (*nonsense upon stilts*)¹¹. В противовес им этическая программа утилитаризма делала упор не на поступок *per se*, а на его результат. Идея оказалась крайне популярной — прежде всего ввиду возможности исчисления конечного блага и выстраивания рациональных программ, направленных на его максимизацию. Правда, у подобной переориентации этики с действия на цель была и своя цена. «Нет ни одного рода мотивов, который сам по себе дурен»¹², — утверждал Бентам, тем самым открывая приверженцам деонтологического подхода широкое поле для критики утилитаризма.

¹¹ Bentham 2002: 317.

¹² Бентам 1998: 127.

По мнению Энском, при всей разнице между деонтологической и утилитаристской этикой им присущ один и тот же изъян: и та, и другая исходят из наличия универсальных правил должествования, определяющих поведение человека, и для обеих характерны такие «бессодержательные» понятия, как «должное», «долг», «обязанность» и т.п.¹³

¹³ Артемьева 2003: 172.

Впоследствии к Энском присоединились многие другие исследователи, критиковавшие деонтологию и утилитаризм со сходных позиций. Рассмотрим два ключевых критических аргумента, типичных для сторонников этики добродетели.

Первый аргумент — это присутствие и в деонтологии, и в утилитаризме *универсального морального принципа*. Как отмечает российский

философ Виталий Куренной, «и кантианство, и утилитаризм представляют собой систему моральных правил, формулирующихся как предложения долженствования и основанных на одном, системообразующем моральном принципе — будь то категорический императив или „принцип полезности“»¹⁴.

¹⁴ Куренной 2008: 64.

Второй аргумент — это ориентация обоих подходов на некий *внешний*, объективный критерий: «Обе основные этические доктрины оперируют формами долженствования, выступающими по отношению к конкретному человеку и его обстоятельствам как внешняя, объективная мера, в соответствии с которой и должен поступать человек, несмотря на собственное понимание фактических обстоятельств и ограниченную перспективу. Мир конкретного человека соизмеряется здесь с „объективной“ точкой зрения — будь то мир „царства целей“ Канта или калькулируемый утилитаристом гедонистический результат последствий какого-то поступка»¹⁵.

¹⁵ Там же: 65.

Но что этика добродетели предлагает взамен, когда критикует деонтологию и утилитаризм? Прежде всего необходимо отметить, что одной из отличительных особенностей этой этической традиции является плюрализм. Существует масса версий этики добродетели, что не позволяет говорить о некоей единой концепции. Приверженцев данного подхода роднит скорее критика утилитаризма и деонтологии, тогда как сами теоретические конструкции могут серьезно различаться. Такое положение дел, на наш взгляд, в значительной мере обусловлено широким спектром потенциальных источников вдохновения для подобного рода построений. Для многих сторонников этики добродетели им служит дохристианский период истории западной цивилизации, прежде всего античная философия, в которой можно найти совершенно разные этические концепции. Предпринимаются попытки найти соответствующие идеи и в работах философов Нового времени, например у Фридриха Ницше¹⁶ и Дэвида Юма¹⁷. Наконец, классические — дохристианские — основания этики добродетели позволяют ее адептам обращаться не только к западным этическим доктринам, но и к конфуцианству¹⁸, индуизму¹⁹, буддизму²⁰, что еще больше расширяет набор возможных интерпретаций.

¹⁶ Swanton 2015; Harcourt 2015.

¹⁷ Swanton 2013, 2015.

¹⁸ Yu 2007; Slingerland 2011.

¹⁹ Perrett and Pettigrove 2015.

²⁰ Finnigan and Tanaka 2011; Davis 2014.

Очевидно, что рассмотреть все эти интерпретации в рамках одной статьи заведомо нереально. Поэтому мы остановимся здесь лишь на *аристотелианской* версии этики добродетели, которая в настоящее время относится к числу наиболее влиятельных.

В упомянутой выше статье Энском утверждается, что предметом этического исследования должны быть добродетели. Понятие «добродетель» занимает одно из ключевых мест в античной философии, его активно использовали Платон, Аристотель и многие другие античные авторы. Дать точную дефиницию «добродетели» сложно, вокруг данной категории не затихают дискуссии. Тем не менее в самом общем смысле добродетель в аристотелианском понимании можно определить как отдельное положительное свойство некоего индивида, благоприобретен-

ную черту характера, позволяющую дать оценку его личности. Добродетель, по Аристотелю, не является чем-то врожденным. Как отмечает в предисловии к «Никомаховой этике» Феохарий Кессиди, «Аристотель (впервые в истории этической мысли) связывает этическую добродетель главным образом с желанием, хотением, волей (boylexis)»²¹. То есть добродетель не задана изначально, но развивается посредством воли человека.

²¹ Аристотель
2011: 22.

С добродетелью тесно связана другая категория философии Аристотеля — «фронезис» (практическая мудрость), который можно описать как некий ориентир, позволяющий человеку делать правильный выбор при достижении высшего морального идеала. У фронезиса есть и инструментальная ценность, ибо он открывает путь к достижению блага.

В качестве конечного блага у Аристотеля выступает эвдемония — «духовные (и в умеренных размерах материальные) блага, объективное обладание которыми делает человека счастливым»²². Эвдемония есть результат наивысшего развития отдельных добродетелей, итог совершенствования человека.

²² Там же: 32.

Понятие эвдемонии тоже порождает многочисленные дискуссии. Хотя слово *eudaimōn* чаще всего переводят как «счастье», было бы ошибкой считать данный вариант единственно верным. Особенно это заметно в англоязычных переводах Аристотеля, которые используются в рамках аристотелианской этики добродетели. Констатируя, что «понятие эвдемонии — ключевой термин в древнегреческой моральной философии — обычно переводится как „счастье“ (happiness) или „процветание“ (flourishing), а иногда и как „благополучие“ (well-being)», автор обзорной статьи об этике добродетели в Стэнфордской энциклопедии философии Розалинда Херстхаус обращает внимание на изъяны каждого из этих вариантов: «Проблема с „процветанием“ в том, что процветать могут животные и даже растения, но эвдемония возможна только у разумных существ. Проблема со „счастьем“ в том, что в обыденной речи это слово означает нечто субъективно определенное. *Это мне, а не вам решать, счастлив ли я.* Если я думаю, что счастлив, значит, так оно и есть, — это не то, в чем я могу ошибаться (за исключением случаев серьезного самообмана). Сравните это с утверждениями: „я здоров“ или „я процветаю“. Здесь нам несложно представить ситуацию, когда человек может так считать и при этом быть неправ. В этом отношении „процветание“ — лучший перевод, чем „счастье“»²³.

²³ Hursthouse 2022.

Итак, мы выяснили, что основные претензии приверженцев этики добродетели к деонтологическим и утилитаристским подходам заключаются в (1) акценте последних на универсальном моральном принципе и (2) приписывании индивидам обязанности следовать данному принципу вне зависимости от обстоятельств и без учета особенностей поступка конкретного человека. С точки зрения представителей этого направления, никакого универсального морального принципа не существует, то есть, по выражению Мердок, «человеческая жизнь не имеет

²⁴ Мердок 2008: 118.

заданного извне предназначения (has no external point)²⁴, и этическая сторона жизни заключается прежде всего в культивировании добродетелей отдельным человеком.

В этих условиях едва ли приходится удивляться тому, что подавляющее большинство современных теорий справедливости базируется на деонтологических или утилитаристских установках. Постулат о наличии универсального морального принципа позволяет распространять соответствующий принцип на весь социум, как в теории Ролза, или планировать экономическую/социальную/правовую политику, сообразуясь с идеей конечного блага. В рамках этики добродетели, редуцирующей этическое до конкретных индивидов, разработать концепцию справедливости, применимую ко всему обществу, крайне затруднительно.

²⁵ Нуссбаум 2014; Cline 2015; Snow (ed.) 2015.

Тем не менее попытки рассмотреть через призму этики добродетели отдельные социальные институты предпринимаются. Прежде всего они касаются таких сфер, как образование, психология, теология²⁵. Но есть и случаи использования этики добродетели применительно к политическим институтам. И здесь наибольший интерес, на наш взгляд, представляет упомянутая выше теория дистрибутивной справедливости Нуссбаум, нацеленная на обоснование социально ориентированного эгалитаристского государства путем развития ключевых идей аристотелианской этической и политической философии.

**Аристотелианский
«подход
возможностей»
Марты Нуссбаум**

²⁶ См. Nussbaum 1987a, 1987b, 1990, 2011.

В ходе разработки своей теории справедливости Нуссбаум, по ее собственному признанию²⁶, вдохновлялась философией Аристотеля. Итогом этой работы стала концепция эгалитаристского социального государства, или, как называет его в одной из своих ранних работ сама Нуссбаум, «аристотелианской социальной демократии»²⁷. Но чтобы понять, как Нуссбаум пришла к своим заключениям, целесообразно поэтапно проследить логику философа от трактовки основ человеческой этики до непосредственного обоснования идеи эгалитаристского устройства.

²⁷ Nussbaum 1990.

От добродетелей к индивидуальному опыту. Как уже отмечалось, для этики добродетели характерны две особенности, которые выделяют ее на фоне других этических подходов: отсутствие универсального морального принципа и акцент на личном опыте индивида при совершении морального поступка. В этом отношении Нуссбаум не исключение, так как в ее концепции личный опыт индивида играет принципиальную, если не определяющую роль. Вместе с тем, в отличие от многих других приверженцев этики добродетели²⁸, она довольно специфическим образом трактует данную категорию.

²⁸ См. Макинтайр 2000.

Если обратиться к этике Аристотеля, на которой базируется анализируемая теория, нетрудно заметить, что такой категории, как человеческий *опыт*, в ней уделено весьма скромное внимание (на что ука-

²⁹ Nussbaum 1987b: 33.

зывает и сама Нуссбаум²⁹). Речь в работах античного мыслителя идет прежде всего о других важнейших категориях, особое место среди которых занимают *добродетель* и *порочность*.

Однако, говоря об аристотелевской идее добродетелей, полагает Нуссбаум, ни в коем случае нельзя упускать из вида, что повести себя *добродетельно* или *порочно* индивид может только оказавшись в определенной ситуации — ситуации, которую также можно охарактеризовать через личный опыт (experience). Более того, «в „Политике“ он [Аристотель] настаивает на том, что наши основные этические установки и понятия (такие, как справедливое и несправедливое, благородное и низменное, хорошее и плохое) доступны исключительно для людей, но не для животных или богов, ибо звери неспособны вырабатывать понятия, а богам недостает опыта границ (limit) и конечности (finitude), придающего смысл понятию справедливости»³⁰.

³⁰ Ibid.: 8—9.

Для Нуссбаум состояние личного опыта имеет особое значение. Рассматривая опыт как некую предоснову любых добродетелей, она распределяет добродетели Аристотеля в зависимости от опыта, полученного в определенной ситуации. Так, *храбрость* возможна в ситуации (sphere) «страха перед серьезными увечьями, особенно смертью»³¹, а *справедливость* — в ситуации «перераспределения ограниченных ресурсов»³². Здесь нет необходимости перечислять все коррелирующие пары «ситуация/опыт — добродетель», достаточно отметить, что эта идея является принципиальным поворотным моментом в аристотелианской концепции Нуссбаум. В дальнейшем философ практически перестает обращаться к категориям *добродетели* и *порочности* и концентрируется на ситуациях, формирующих *личный опыт* индивида.

³¹ Ibid.: 5.

³² Ibidem.

От личного опыта к базовым возможностям. Ситуации личного опыта могут быть самыми разными, но есть состояния (параметры), которые характерны для всех как формирующие человека *per se*. Нуссбаум называет их «конститутивными обстоятельствами человеческого бытия» (the constitutive circumstances of the human being) или «контурами человеческой формы жизни» (the shape of the human form of life)³³. К числу таких конститутивных обстоятельств, по мнению Нуссбаум, относятся:

³³ Nussbaum 1990: 219.

- 1) смертность (mortality);
- 2) телесность (the human body)
 - 2.1. голод и жажда, потребность в еде и питье (hunger and thirst, the need for food and drink),
 - 2.2. потребность в жилье (the need for shelter),
 - 2.3. сексуальное желание (sexual desire),
 - 2.4. мобильность (mobility);
- 3) способность испытывать удовольствие и боль (capacity for pleasure and pain);
- 4) когнитивные способности: восприятие, воображение, мышление (cognitive capability: perceiving, imagining, thinking);

- 5) особенности развития в младенческом возрасте (early infant development);
- 6) практический разум (practical reason);
- 7) объединение с другими людьми (affiliation with other human beings);
- 8) связь с другими живыми существами и природой (relatedness to other species and to nature);
- 9) юмор и игра (humor and play);
- 10) обособленность (separateness)³⁴.

³⁴ *Ibid.*: 219—224.

Идея Нуссбаум заключается в том, что счастье, или процветание, по Аристотелю, достижимо, только если в перечисленных *конститутивных обстоятельствах* человек будет иметь возможность полностью реализовать себя в соответствии с тем, что назначено человеческому существу, — например, быть в *безопасности*, иметь *жилище*, находиться *в связи с другими людьми*, а при необходимости *обособиться* от них и т.п. Как отмечает немецкий философ Мануэль Кнолл, «Нуссбаум достигает этического, или нормативного, центра своего подхода... не только путем увязки с доктриной Аристотеля о распределительной справедливости, но и путем присвоения его утверждения, согласно которому природные объекты, существующие в режиме *dunamis*, стремятся к своей *energeia*, то есть к актуализации или реализации собственного потенциала»³⁵. Реализация потенциала человека (процветание), согласно Нуссбаум, требует благоприятных конститутивных обстоятельств.

³⁵ *Knoll 2014*: 215.

Сформулировав свою аристотелианскую концепцию человека и личной этики, Нуссбаум обращается к области политических нормативных требований. Для этого она вводит понятие *возможностей* (capabilities), роль которых в ее построениях сложно переоценить: саму политико-философскую теорию Нуссбаум принято называть подходом возможностей (capability approach). Возможности, с точки зрения Нуссбаум, не следует путать с функционированием (human functionings). Понятие функционирования предполагает дескриптивную характеристику состояния того или иного индивида. Если индивид находится в благоприятных *конститутивных обстоятельствах*, он может должным образом *функционировать*, то есть реализовать заложенный в человеческом существе *потенциал*, и прийти к *процветанию*. В категории «функционирование» отсутствует волевая составляющая, это лишь описание фактического состояния. Индивид может реализовать все свои потенции, но может и отказаться это делать, исходя из личных соображений. В этом есть своя логика, продиктованная этикой Аристотеля, которая изначально постулирует ответственность человека за собственную судьбу и благополучие³⁶. Это оставляет место для воплощения каждым индивидом в жизнь присущих ему добродетелей. Именно поэтому Нуссбаум настаивает на необходимости задействовать категорию возможностей.

³⁶ *Аристотель 2011*: 20.

Возможности обозначают состояние, когда у индивида есть шанс полностью реализовать себя (конститутивные обстоятельства это по-

зволяют) и в результате стать счастливым/процветающим. Но вместе с тем возможности — не более чем рамка, которая гарантирует благоприятные условия для реализации потенциала, но отнюдь не предопределяет такую реализацию, и индивид должен и вправе сам решать, что для него ценно и как он хочет жить. Однако отсюда следует, что рамка *возможностей для всех* имеет внешний по отношению к индивиду характер. Кто-то должен создать и обеспечить соответствующие возможности. Именно таким образом Нуссбаум делает переход с уровня индивидуальной этики к нормативной политико-философской теории справедливого общества.

Продолжая линию с выделением совокупности *конститутивных обстоятельств*, принципиальных для каждого человеческого существа, Нуссбаум предлагает перечень *базовых функциональных возможностей человека* (basic human functioning capabilities), специально оговаривая, что речь идет именно о «возможностях, а не о фактическом функционировании, поскольку... именно возможности, а не фактическое функционирование должны быть целью законодателя»³⁷. Последнее замечание позволяет интерпретировать данный перечень как своего рода набор требований к политико-правовой системе. Всего перечень *базовых возможностей* Нуссбаум включает в себя 11 позиций.

- 1) Возможность дожить до конца полноценной человеческой жизни, не умереть преждевременно.
- 2) Возможность быть здоровым, нормально питаться, иметь надлежащее жилье, получать сексуальное удовлетворение, передвигаться с места на место.
- 3) Возможность избегать ненужной и бесполезной боли и получать приятные переживания.
- 4) Возможность использовать все пять чувств, воображать, мыслить и здраво рассуждать.
- 5) Возможность испытывать привязанность к вещам и другим людям.
- 6) Возможность формировать свои представления о благе и критически оценивать планы на собственную жизнь.
- 7) Возможность жить для других и на благо других, признавать других и проявлять заботу о них, принимать участие в различных формах семейного и социального взаимодействия.
- 8) Возможность жить в мире природы, заботиться о животных, растениях.
- 9) Возможность смеяться, играть, получать удовольствие от рекреационной активности.
- 10) Возможность жить своей собственной, а чьей-то чужой жизнью.
- 11) Возможность жить своей жизнью в собственном окружении и контексте³⁸.

³⁷ Nussbaum 1990: 224.

³⁸ Ibid.: 225.

От базовых возможностей к дистрибутивной справедливости. В приведенном выше перечне базовых возможностей уже просматриваются контуры политической программы, базирующейся на вполне

определенных представлениях о правильном устройстве общества. Очевидно, что обеспечение всех этих возможностей потребует серьезного изменения политических институтов, прежде всего в части перераспределения благ. Идеалом для Нуссбаум является эгалитаристское социальное государство с широкими перераспределительными практиками, гораздо более развитыми, чем, например, в концепции Ролза.

Для подкрепления своей позиции Нуссбаум апеллирует к «Политике» Аристотеля, в которой находит множество подтверждений тому, что античный философ отстаивал идею демократического социального государства. Приведем один из примеров, на которые ссылается Нуссбаум: «мы... стоим на той точке зрения, что земельная собственность не должна быть общей, но что она должна быть предоставлена на дружественных началах в общее пользование и что ни один гражданин не должен быть лишен пропитания. Все согласны в том, что сисситии в благоустроенных государствах — полезное установление... В них должны принимать участие все граждане, хотя неимущим нелегко из своих средств делать установленные взносы и при этом еще поддерживать свое остальное домашнее хозяйство... Далее, расходы на отправление религиозного культа являются общими для всего государства. Следовательно, необходимо поделить всю территорию государства на две части: одна из них должна находиться в общем пользовании, другая — в частном владении. Каждая из этих двух частей, в свою очередь, должна быть разделена на две: одна часть земли, находящейся в общем пользовании, должна идти на служение богам, другая — покрывать расходы на устройство сисситий»³⁹.

³⁹ Аристотель 2011: 253—254; Nussbaum 1990: 203—204.

Таким образом, пройдя путь от аристотелианской концепции человека и его моральной природы до устройства политических институтов, Нуссбаум предприняла амбициозную попытку построить современную теорию социальной справедливости в рамках этики добродетели посредством переосмысления классической античной философии. Результаты этой попытки нельзя оценить однозначно. Практически сразу после того, как Нуссбаум сформулировала свои основные тезисы, ее концепция столкнулась с разнообразной критикой⁴⁰. Рассмотрим ключевые претензии, предъявляемые Нуссбаум ее оппонентами, сфокусировавшись на тех, что связаны с постулируемой автором подходом возможностей преемственностью по отношению к Аристотелю.

⁴⁰ Wallach 1992; Mulgan 2000; Knoll 2014.

Критика концепции Нуссбаум

Возможности вместо добродетелей. Нетрудно заметить, что в своей концепции Нуссбаум сосредоточила внимание не столько на добродетелях, сколько на личном опыте индивида. Это позволило ей решить сразу несколько проблем. Во-первых, вопрос добродетелей в этике Аристотеля — один из самых дискуссионных, тем более что существовавшие в его времена представления о благе зачастую кажутся сегодня архаичными. Во-вторых, и это, наверное, еще важнее, добродетели и их развитие крайне индивидуальны. Они зависят от обстоя-

ательств жизни конкретного человека, что затрудняет выработку каких-либо положений, касающихся политического устройства всего социума. В-третьих, для современного либерального мировоззрения (которого, бесспорно, придерживается и Нуссбаум) идея добродетелей и вытекающие из нее требования к индивиду выглядят слишком патерналистскими, предполагающими несоразмерное вмешательство в частную жизнь.

Благодаря смещению акцентов в ходе интерпретации этики Аристотеля Нуссбаум смогла рассматривать человека как бы со стороны, изучать не внутренние его интенции, а те условия, в которых он делает выбор. Акцент на этих условиях (в дальнейшем трансформировавшихся в возможности) открыл путь к соединению личной этики и нормативных установок политической философии. При этом выведение за рамки анализа самого акта выбора как личного пространства индивида, где он, реализуя свой потенциал, достигает блага и процветания (счастья), позволило перекинуть мост между античной философией и либеральным мировоззрением. Проблема, однако, в том, что это очень вольная интерпретация Аристотеля. В «Никомаховой этике» вопросы добродетели и практической мудрости (фронезиса) занимают ведущее место. Ключевыми являются они и в рамках современной этики добродетели⁴¹. Игнорирование Нуссбаум данных вопросов дает основания утверждать, что и сформулированный ею подход весьма отдаленно связан с философией Аристотеля.

⁴¹ Pieper 1966;
Taylor 2006;
Curzer 2012;
Timpe and Boyd
(eds) 2014.

Перфекционизм и неравенство вместо равного распределения. Помимо слишком вольной интерпретации Аристотеля, Нуссбаум можно упрекнуть и в искажении его идей. Весьма показательна в этом плане ее трактовка известного рассуждения Аристотеля по поводу флейтистов: «В самом деле, из одинаково искусных флейтистов разве следует давать лучшие флейты тем, кто выдается своим благородным происхождением? Ведь они от этого лучше играть не будут. Тому, кто отличается своей игрой на флейте, следует давать и лучший инструмент»⁴². Нуссбаум видит в этом рассуждении один из аргументов в поддержку социального государства, обеспечивающего каждому возможности для раскрытия его потенциала, то есть в конечном счете за предоставление образования всем членам политического сообщества⁴³.

⁴² Аристотель
2011: 114.

⁴³ Nussbaum 1987a:
29.

Примечательно, что похожую ситуацию с флейтистами рассматривает современный английский философ Томас Скэнлон. Только в его модели на флейту претендуют трое детей, один из которых беден и не имеет никакого имущества, второй — превосходный флейтист, а третья сама сделала эту флейту. По мысли Скэнлона, данная ситуация позволяет выявить базовые моральные интуиции того, кто решает, кому отдать флейту. Выбор в пользу первого ребенка указывает на склонность к эгалитаризму, выбор в пользу второго свидетельствует о предрасположенности к утилитаризму, в третьем же случае налицо либертарианские

⁴⁴ Сен 2016: 49. интуиции⁴⁴. Логика приведенного выше рассуждения Аристотеля предполагает, что флейту следует отдать второму ребенку. И хотя применительно к Аристотелю вряд ли можно говорить об утилитаристских интуициях, грань между присущим ему *перфекционизмом* и утилитаризмом трудноуловима. Более того, существует мнение, что перфекционизм по

⁴⁵ См. Ролз 2017: 36. сути является одним из подвидов утилитаризма⁴⁵. Как бы то ни было, утверждение Нуссбаум о продвижении Аристотелем идеи перераспределения благ в рамках социума противоречит общепринятой трактовке его философии.

На данный изъян в построениях автора подхода возможностей обращает внимание, в частности, Кнолл. «Нуссбаум интерпретирует учение Аристотеля о распределительной справедливости в эгалитарном ключе, — отмечает он. — Чтобы убедиться в некорректности такой эгалитаристской интерпретации, достаточно указать на тот факт, что в глазах Аристотеля люди принципиально неравны и обладают неодинаковой значимостью. По его мнению, только немногие способны хорошо играть на флейте или занимать важный политический пост. Первая деятельность требует музыкального таланта, вторая — особых моральных и интеллектуальных качеств и, следовательно, определенного уровня политической добродетели, достичь которого могут лишь единицы»⁴⁶.

⁴⁶ Knoll 2014: 216.

Социальная демократия или элитизм? Сходные возражения вызывает тезис Нуссбаум, согласно которому в философии Аристотеля содержится идея социального государства. Несмотря на многочисленные выдержки из «Политики», приводимые Нуссбаум в поддержку своей позиции, наличие в этой работе данной идеи выглядит как минимум неочевидным. *Полития*, за которую ратует Аристотель, предполагает создание скорее аристократического или элитистского государства. Большие группы проживающих на территории полиса людей — рабы, женщины, мужчины, не имеющие имущества, — оказываются лишены политических и многих других прав.

Парируя подобные замечания, Нуссбаум ссылается на то, что в философии Аристотеля заложена идея развития и совершенствования. Об этом, с ее точки зрения, свидетельствует, в частности, следующее рассуждение: «В первобытные времена греки ходили вооруженные, покупали себе друг у друга жен. Сохраняющиеся кое-где старинные законоположения отличаются вообще большой наивностью. Таков, например, закон относительно убийств в Киме: если обвинитель представит известное число свидетелей из среды своих родственников, подтверждающих факт убийства, то обвиняемый тем самым признается виновным в убийстве. Вообще же все люди стремятся не к тому, что освящено преданием, а к тому, что является благом»⁴⁷.

⁴⁷ Аристотель 2011: 73; Nussbaum 1987b: 10.

Из этого и ряда других пассажей Нуссбаум делает вывод, что в современном мире учение Аристотеля выглядело бы совершенно иначе и разработанный ею подход возможностей демонстрирует, в какой

направлении шла бы его эволюция. Однако, вопреки утверждениям Нуссбаум, в своей аргументации она отходит не только от буквы, но и от духа философии Аристотеля. Учитывая уже упомянутый перфекционизм античного философа, можно констатировать, что его представления об оптимальном устройстве политики носят гораздо более элитистский характер, чем современная социал-демократическая модель⁴⁸.

⁴⁸ Knoll 2014: 220.

В адрес концепции Нуссбаум высказываются и другие возражения. Однако рассмотренные выше аргументы представляют, на наш взгляд, особый интерес, поскольку обнажают те проблемы, с которыми сталкивается современный автор, поставивший перед собой задачу разработать оригинальную политико-философскую теорию, опираясь на наследие древности. Попытка актуализации может привести к потере общего духа того учения, которым он вдохновляется. Как заметил уже цитировавшийся нами Кнолл: «„Аристотелианскую социал-демократию“ Нуссбаум и ее подход возможностей вряд ли можно назвать аристотелианскими»⁴⁹. И с этой оценкой трудно не согласиться.

⁴⁹ *Ibidem*.

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что создание современной политико-философской концепции на основе этики добродетели наталкивается на очень серьезные ограничения. Опыт Нуссбаум, чей подход возможностей, заявленный как аристотелианский по духу, в действительности имеет довольно слабое отношение к реальной философии Аристотеля, — наглядное тому подтверждение.

Поскольку идея добродетелей сильно связана с отдельными индивидами, при переводе этической философии на политический уровень сохранить ее очень сложно. Как следствие, в результате такого перевода сами добродетели могут оказаться отодвинуты на задний план, уступив центральное место чему-то другому (например, возможностям).

Сама же идея добродетелей в современном мире, с одной стороны, крайне сложна для определения, а с другой — предъявляет чрезвычайно высокие требования к человеку, который через добродетели может/должен реализовать свой внутренний потенциал. Подобные требования не только сопряжены со значительной степенью личной ответственности, но и предполагают серьезное вмешательство в частную жизнь, плохо вписывающееся в современную либеральную мировоззренческую парадигму.

В случае концепции Нуссбаум выход был найден в отказе от акцента на добродетелях. Но насколько такое решение совместимо с ключевыми положениями этики добродетели, большой вопрос. Разумеется, это отнюдь не означает, что создание обоснованной и устойчивой к критике политико-философской теории дистрибутивной справедливости невозможно в принципе. Вместе с тем представляется вполне закономерным, что валидные с точки зрения этических осно-

ваний теории дистрибутивной справедливости на сегодняшний день существуют только в рамках деонтологического и утилитаристского подходов.

Библиография

- Аристотель. (2011) *Этика*. М.: АСТ; Астрель.
- Артемьева О. (2003) «У истоков современной этики добродетели» // *Этическая мысль*. Вып. 4. М.: ИФ РАН: 163—181.
- Бентам И. (1998) *Введение в основания нравственности и законодательства*. М.: РОССПЭН.
- Кант И. (1994) «Критика практического разума» // Кант И. *Сочинения: В 8 т.* Т. 4. М.: Чоро: 391—565.
- Куренной В. (2008) «Этика добродетели: предисловие к публикации» // *Логос*, № 1 (64): 59—69. URL: http://intelros.ru/pdf/logos_01_2008/04.pdf (проверено 29.08.2023).
- Макаскилл У. (2018) *Ум во благо: От добрых намерений — к эффективному альтруизму*. М.: Согрус.
- Макинтайр А. (2000) *После добродетели: Исследования теории морали*. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга.
- Мердок А. (2008) «Суверенность блага» // *Логос*, № 1 (64): 117—137. URL: <https://www.hse.ru/data/811/533/1238/%D0%9C%D0%B5%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%BA.pdf> (проверено 29.08.2023).
- Нозик Р. (2016) *Анархия, государство и утопия*. М.: ИРИСЭН; Социум.
- Нуссбаум М. (2014) *Не ради прибыли: Зачем демократии нужны гуманитарные науки*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Ролз Дж. (2017) *Теория справедливости*. М.: УРСС; ЛЕНАНД.
- Сен А. (2016) *Идея справедливости*. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Сингер П. (2018) *Жизнь, которую вы можете спасти: Как покончить с бедностью во всем мире*. М.: Такие дела.
- Энском Э. (2008) «Современная философия морали» // *Логос*, № 1 (64): 70—91. URL: http://intelros.ru/pdf/logos_01_2008/05.pdf (проверено 29.08.2023).
- Anscombe G.E.M. (1958) «Modern Moral Philosophy» // *Philosophy: The Journal of the Royal Institute of Philosophy*, vol. XXXIII, no. 124: 1—19.
- Bentham J. (2002) *Rights, Representation, and Reform: Nonsense upon Stilts and Other Writings on the French Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
- Cline E. (2015) *Families of Virtue: Confucian and Western Views on Childhood Development*. New York: Columbia University Press.
- Curzer H. (2012) *Aristotle and the Virtues*. New York: Oxford University Press.

- Davis L. (2014) «Mindfulness, Non-Attachment and Other Buddhist Virtues» // Hooft S. van, ed. *The Handbook of Virtue Ethics*. London: Routledge: 306–317.
- Dworkin R. (1981a) «What Is Equality? Part 1: Equality of Welfare» // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 3: 185–246.
- Dworkin R. (1981b) «What Is Equality? Part 2: Equality of Resources» // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 4: 283–345.
- Finnigan B. and K.Tanaka. (2011) «Ethics for Madhyamikas» // *Moonshadows: Conventional Truth in Buddhist Philosophy*. Oxford, New York: Oxford University Press: 221–231.
- Harcourt E. (2015) «Nietzsche and the Virtues» // Besser-Jones L. and M.Slote, eds. *History of Virtue Ethics*. New York: Routledge: 165–179.
- Hursthouse R. (2022) «Virtue Ethics» // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 11.10. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-virtue/> (accessed on 29.08.2023).
- Knoll M. (2014) «How Aristotelian Is Martha Nussbaum's „Aristotelian Social Democracy“?» // *Rivista di Filosofia*, vol. CV, no. 2: 207–222.
- Mulgan R. (2000) «Was Aristotle an „Aristotelian Social Democrat“?» // *Ethics*, vol. 111, no. 1: 79–101.
- Nussbaum M. (1987a) *Nature, Function and Capability: Aristotle on Political Distribution*. Wider Working Papers 31. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/WP31.pdf> (accessed on 29.08.2023).
- Nussbaum M. (1987b) *Non-Relative Virtues: An Aristotelian Approach*. Wider Working Papers 32. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/WP32.pdf> (accessed on 29.08.2023).
- Nussbaum M. (1990) «Aristotelian Social Democracy» // Douglass R.B., G.M.Mara, and H.S.Richardson, eds. *Liberalism and the Good*. New York: Routledge: 203–252.
- Nussbaum M. (2011) *Creating Capabilities: The Human Development Approach*. Cambridge (MA), London: Harvard University Press.
- Perrett R. and G.Pettigrove. (2015) «Hindu Virtue Ethics» // Besser-Jones L. and M.Slote, eds. *History of Virtue Ethics*. New York: Routledge: 51–62.
- Pieper J. (1966) *The Four Cardinal Virtues: Prudence, Justice, Fortitude, Temperance*. Notre Dame (IN): University of Notre Dame Press.
- Slingerland E. (2011) «The Situationist Critique and Early Confucian Virtue Ethics» // *Ethics*, vol. 121, no. 2: 390–419.
- Snow N., ed. (2015) *Cultivating Virtue: Perspectives from Philosophy, Theology, and Psychology*. Oxford: Oxford University Press.
- Swanton C. (2013) «A New Metaphysics for Virtue Ethics: Heidegger Meets Hume» // Peters J., ed. *Aristotelian Ethics in Contemporary Perspective*. New York: Routledge: 177–194.
- Swanton Ch. (2015) *The Virtue Ethics of Hume and Nietzsche*. Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell.
- Taylor G. (2006) *Deadly Vices*. Oxford: Oxford University Press.

Timpe K. and C.Boyd, eds. (2014) *Virtues and Their Vices*. New York: Oxford University Press.

Wallach J. (1992) «Contemporary Aristotelianism» // *Political Theory*, vol. 20, no. 4: 613–641.

Yu J. (2007) *The Ethics of Confucius and Aristotle: Mirrors of Virtue*. New York: Routledge.

πολιτικά

D.V.Balashov

THEORY OF DISTRIBUTIVE JUSTICE BASED ON VIRTUE ETHICS: IS IT POSSIBLE?

Dmitry V. Balashov — Ph.D. in Law; Senior Lecturer at the School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, HSE University.
E-mail: dbalashov@hse.ru.

Abstract. The problem of social justice plays one of the central roles in modern political philosophy, and since 1970s it has been subject to vehement debate. Although social justice is a multifaceted phenomenon, distributive (economic) justice, associated with the fair distribution of goods in society, remains its most important aspect.

Almost all modern theories of distributive justice follow one of the two classical ethical traditions: deontological and utilitarian. However, since the second half of the 20th century, a third ethical tradition has started to emerge — virtue ethics, whose proponents criticized both deontology and utilitarianism. The emphasis on virtue that lies at the heart of the new tradition assumes a shift in focus from a universal rule to individual decisions of a separate person. This change in perspective makes it much more difficult to use virtue ethics to construct theories of social justice. Nevertheless, such attempts are being made. Among them is the so-called capabilities approach of the American philosopher Martha Nussbaum, which has become quite widely known in the scientific community.

Nussbaum has reconsidered Aristotle’s philosophy, updating its key provisions for the modern world. By shifting the main focus from the category of virtue to the category of opportunity, she attempted to justify the idea of an “Aristotelian welfare state” with a high level of redistribution of goods in society.

The article is devoted to the analysis of Nussbaum’s concept. Having carefully considered its key tenets, D.Balashov shows that this experience of

building a political and philosophical theory of justice on the basis of virtue ethics was not crowned with success. Although declared as Aristotelian in spirit, the capabilities approach in fact has a weak relation to Aristotle's teachings, which, in particular, points to the problems that modern authors face when they are trying to draw on the heritage of the distant past.

Keywords: theories of justice, deontological ethics, utilitarian ethics, virtue ethics, happiness, prosperity, basic capabilities, social state

References

Anscombe G.E.M. (1958) "Modern Moral Philosophy" // *Philosophy: The Journal of the Royal Institute of Philosophy*, vol. XXXIII, no. 124: 1—19.

Anscombe G.E.M. (2008) "Sovremennaja filosofija morali" [Modern Moral Philosophy] // *Logos*, no. 1 (64): 70—91. URL: http://intelros.ru/pdf/logos_01_2008/05.pdf (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)

Aristotle. (2011) *Etika* [Ethics]. Moscow: AST; Astrel'. (In Russ.)

Artemieva O. (2003) "U istokov sovremennoj etiki dobrodeteli" [The Origin of Modern Virtue Ethics] // *Eticheskaja mysl'* [Ethical Thought]. Issue 4. Moscow: IF RAN: 163—181. (In Russ.)

Bentham J. (1998) *Vvedenie v osnovanija npravstvennosti i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Bentham J. (2002) *Rights, Representation, and Reform: Nonsense upon Stilts and Other Writings on the French Revolution*. Oxford: Oxford University Press.

Cline E. (2015) *Families of Virtue: Confucian and Western Views on Childhood Development*. New York: Columbia University Press.

Curzer H. (2012) *Aristotle and the Virtues*. New York: Oxford University Press.

Davis L. (2014) "Mindfulness, Non-Attachment and Other Buddhist Virtues" // Hooft S. van, ed. *The Handbook of Virtue Ethics*. London: Routledge: 306—317.

Dworkin R. (1981a) "What Is Equality? Part 1: Equality of Welfare" // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 3: 185—246.

Dworkin R. (1981b) "What Is Equality? Part II: Equality of Resources" // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 4: 283—345.

Finnigan B. and K.Tanaka. (2011) "Ethics for Madhyamikas" // *Moonshadows: Conventional Truth in Buddhist Philosophy*. Oxford, New York: Oxford University Press: 221—231.

Harcourt E. (2015) "Nietzsche and the Virtues" // Besser-Jones L. and M.Slote, eds. *History of Virtue Ethics*. New York: Routledge: 165—179.

Hursthouse R. (2022) "Virtue Ethics" // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 11.10. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-virtue/> (accessed on 29.08.2023).

- Kant I. (1994) “Kritika praktičeskogo razuma” [Kritik der praktischen Vernunft] // Kant I. *Sočinenija: V 8 t.* [Works: In 8 Volumes]. Vol. 4. Moscow: Choro: 391—565. (In Russ.)
- Knoll M. (2014) “How Aristotelian Is Martha Nussbaum’s „Aristotelian Social Democracy“?” // *Rivista di Filosofia*, vol. CV, no. 2: 207—222.
- Kurennoj V. (2008) “Etika dobrodeteli: predislovie k publikatsii” [Ethics of Virtue: Preface] // *Logos*, no. 1 (64): 59—69. URL: http://intelros.ru/pdf/logos_01_2008/04.pdf (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)
- MacAskill W. (2018) *Um vo blago: Ot dobrykh namerenij — k effektivnomu al'truizmu* [Doing Good Better: How Effective Altruism Can Help You Make a Difference]. Moscow: Corpus. (In Russ.)
- MacIntyre A. (2000) *Posle dobrodeteli: Issledovanija teorii morali* [After Virtue: A Study in Moral Theory]. Moscow: Akademicheskij proekt; Yekaterinburg: Delovaja kniga. (In Russ.)
- Mulgan R. (2000) “Was Aristotle an „Aristotelian Social Democrat“?” // *Ethics*, vol. 111, no. 1: 79—101.
- Murdoch I. (2008) “Suverenost' blaga” [The Sovereignty of Good] // *Logos*, no. 1 (64): 117—137. URL: <https://www.hse.ru/data/811/533/1238/%D0%9C%D0%B5%D1%80%D0%B4%D0%BE%D0%BA.pdf> (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)
- Nozick R. (2016) *Anarkhija, gosudarstvo i utopija* [Anarchy, State and Utopia]. Moscow: IRISEN; Sotsium. (In Russ.)
- Nussbaum M. (1987a) *Nature, Function and Capability: Aristotle on Political Distribution*. Wider Working Papers 31. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/WP31.pdf> (accessed on 29.08.2023).
- Nussbaum M. (1987b) *Non-Relative Virtues: An Aristotelian Approach*. Wider Working Papers 32. URL: <https://www.wider.unu.edu/sites/default/files/WP32.pdf> (accessed on 29.08.2023).
- Nussbaum M. (1990) “Aristotelian Social Democracy” // Douglass R.B., G.M.Mara, and H.S.Richardson, eds. *Liberalism and the Good*. New York: Routledge: 203—252.
- Nussbaum M. (2011) *Creating Capabilities: The Human Development Approach*. Cambridge (MA), London: Harvard University Press.
- Nussbaum M. (2014) *Ne radi pribyli: Zachem demokratii nuzhny gumanitarnye nauki* [Not for Profit: Why Democracy Needs the Humanities]. Moscow: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Perrett R. and G.Pettigrove. (2015) “Hindu Virtue Ethics” // Besser-Jones L. and M.Slote, eds. *History of Virtue Ethics*. New York: Routledge: 51—62.
- Pieper J. (1966) *The Four Cardinal Virtues: Prudence, Justice, Fortitude, Temperance*. Notre Dame (IN): University of Notre Dame Press.
- Rawls J. (2017) *Teorija spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Moscow: URSS; LENAND. (In Russ.)
- Sen A. (2016) *Ideja spravedlivosti* [The Idea of Justice]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)

- Singer P. (2018) *Zhizn', kotoruju vy mozhete spasti: Kak pokonchit' s bednost'ju vo vsem mire* [The Life You Can Save: Acting Now to End World Poverty]. Moscow: Takie dela. (In Russ.)
- Slingerland E. (2011) "The Situationist Critique and Early Confucian Virtue Ethics" // *Ethics*, vol. 121, no. 2: 390–419.
- Snow N., ed. (2015) *Cultivating Virtue: Perspectives from Philosophy, Theology, and Psychology*. Oxford: Oxford University Press.
- Swanton Ch. (2013) "A New Metaphysics for Virtue Ethics: Heidegger Meets Hume" // Peters J., ed. *Aristotelian Ethics in Contemporary Perspective*. New York: Routledge: 177–194.
- Swanton Ch. (2015) *The Virtue Ethics of Hume and Nietzsche*. Hoboken (NJ): Wiley-Blackwell.
- Taylor G. (2006) *Deadly Vices*. Oxford: Oxford University Press.
- Timpe K. and C.Boyd, eds. (2014) *Virtues and Their Vices*. New York: Oxford University Press.
- Wallach J. (1992) "Contemporary Aristotelianism" // *Political Theory*, vol. 20, no. 4: 613–641.
- Yu J. (2007) *The Ethics of Confucius and Aristotle: Mirrors of Virtue*. New York: Routledge.

Р.Ю.Белькович, С.В.Виноградов
РАВЕНСТВО УДАЧИ:
РАЗВИТИЕ ЭГАЛИТАРНЫХ
КОНЦЕПЦИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В КОНЦЕ XX ВЕКА

Родион Юрьевич Белькович — кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Для связи с автором: rbelkovich@hse.ru.

Сергей Валерьевич Виноградов — преподаватель департамента права цифровых технологий и биоправа, аспирант департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права, стажер-исследователь Лаборатории комплексных междисциплинарных проектов Центра фундаментальных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Для связи с автором: svinogradov@hse.ru.

Аннотация. Со времени выхода в свет «Теории справедливости» Джона Ролза доминирующее положение в академических дискуссиях о проблеме социальной справедливости занимает эгалитарная традиция, связывающая справедливое устройство общества с достижением равенства в том или ином отношении. Статья посвящена анализу эволюции эгалитаризма удачи, ставшего к концу XX в. магистральным направлением в рамках данной традиции. Отправной точкой для аргументации представителей этого направления послужили рассуждения Ролза о лотерее рождения, согласно которым произвольная с моральной точки зрения прихоть фортуны, влияющая на распределение ресурсов в обществе, несправедлива, а потому должна быть компенсирована.

Подход Ролза к минимизации роли удачи в справедливом распределении не гарантировал достаточной компенсации природных неравенств, предполагая одновременно чрезмерную компенсацию «дорогих вкусов». Пытаясь решить эту проблему, Рональд Дворкин разграничил слепую и опциональную удачу, задействовав модель «занавеса неведения», за которым определяется размер справедливой компенсации. Дальнейшее развитие эгалитаризма удачи на рубеже 1980—1990-х годов связано с именами Ричарда Арнесона, Джеральда Коэна, Джона Рёмера и некоторых других авторов,

внесших ряд дополнений и изменений в концепцию незаслуженной удачи и предложивших свои пути нейтрализации ее последствий для общества.

Аргументы сторонников эгалитаризма удачи конца XX в. были нацелены на усиление роли свободного выбора человека и имплантацию этики ответственности в теорию социальной справедливости. В то же время рассмотрение удачи в качестве истинной «валюты равенства» поставило вопрос справедливого распределения в зависимости от согласия относительно пределов способности людей к систематическому воспитанию добродетелей и границ пространства ответственности индивида за свою судьбу.

Ключевые слова: социальная справедливость, равенство возможностей, эгалитаризм удачи, Джон Ролз, Рональд Дворкин

Введение

Одной из центральных проблем современной политико-правовой мысли является социальная справедливость — вопрос о принципах институционального устройства общества, позволяющих обеспечивать справедливое распределение ресурсов. В 1971 г. Джон Ролз в своей книге «Теория справедливости», сделавшей его одним из самых цитируемых философов наших дней, назвал справедливость «первой добродетелью общественных институтов», отметив, что «законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы»¹.

¹ Ролз 2017: 19.

Благодаря Ролзу наиболее популярным подходом к поиску оснований социальной справедливости в рамках западной политической философии стал эгалитаризм, связывающий справедливое институциональное устройство с достижением равенства в каком-либо отношении — в доходах, богатстве, благосостоянии, возможностях и т.д. Повышенное внимание к борьбе с неравенством собрало под знаменем эгалитарной справедливости очень разнородные теории. Как заметил в начале 1990-х годов Амартия Сен, «любая нормативная теория справедливости, получившая в последнее время поддержку и признание, похоже, требует равенства в чем-то — в том, что в этой теории считается особенно важным»².

² Sen 1992: 12.

Магистральным направлением «эгалитарной» дискуссии стала линия рассуждений (объединившая концепции Рональда Дворкина, Ричарда Арнесона, Джеральда Коэна, Джона Рёмера и ряда других авторов), позднее названная Элизабет Андерсон эгалитаризмом удачи (luck egalitarianism)³. Данное направление исходило из необходимости общественной компенсации гражданам эгалитарного политического сообщества последствий несправедливой прихоти фортуны посредством программ перераспределения через сбор налогов и выплату социальных пособий.

³ Anderson 1999: 289.

Не так давно на русском языке был представлен анализ критики эгалитаризма удачи извне эгалитарной традиции⁴. Настоящая статья призвана познакомить отечественного читателя с эволюцией академи-

⁴ Сепеда 2021.

ческой дискуссии по вопросам социальной и природной удачи, которая велась в конце XX в. в рамках самой этой традиции. Экспликация логики этой внутренней борьбы позволяет выявить ключевые идеи, повлиявшие на развитие эгалитарных теорий, а тем самым и на современное состояние соответствующего проблемного поля.

**Эгалитаризм:
социальное
неравенство
и лотерея
рождения**

Эгалитаризм, как несложно заключить из этимологии самого этого слова⁵, предполагает особое внимание к равенству людей. Однако равенство какого рода? В самом широком смысле эгалитарная традиция исходит из тезиса о *фундаментальном моральном равенстве* людей: каждый человек должен относиться к другому как к равному, всякий имеет равную моральную ценность, равное достоинство. Этот этический тезис влечет за собой политико-правовое требование *равного демократического гражданства* — гарантию равного набора прав и свобод для всех, недопущение социальной дискриминации и равный доступ граждан к участию в политической жизни. В социально-экономической сфере из морального равенства людей вытекает требование *равенства возможностей*: если все человеческие судьбы в равной степени ценны, любое основанное на различиях между людьми неравенство жизненных перспектив должно быть признано морально произвольным, а следовательно, несправедливым. Задача справедливого общества — борьба с неравенством возможностей людей прожить достойную и счастливую жизнь.

⁵ *Égalité* (фр.) — равенство.

Нужно заметить, что в подобной формулировке требование равенства оказывается буквально общим местом в постпросвещенческой философской мысли, а потому использование термина «эгалитаризм» в столь широком значении практически бесполезно для ориентации в современной политической теории. В связи с этим в литературе данный термин, как правило, употребляется в узком смысле, исключая из числа эгалитарных мыслителей сторонников свободного рынка (анархо-капиталистов, либертарианцев, классических либералов и т.п.) и охватывающем лишь левую политическую мысль, отстаивающую идею перераспределения доходов. Водоразделом между правой и левой эгалитаристскими традициями выступает трактовка равенства возможностей: если приверженцы первой довольствуются формальным равенством гражданских прав на свободном рынке, то представители второй настаивают на более честном равенстве возможностей, ключ к которому видят в государственном перераспределении через систему налогов и пособий. После выхода в свет «Теории справедливости» Ролза, с появлением которой Уилл Кимлика связывает начало «возрождения нормативной политической философии»⁶, спор о надлежащем понимании равенства возможностей разгорелся с новой силой.

⁶ *Кимлика 2010: 27.*

В своем труде Ролз формулирует принципы справедливого распределения первичных благ, которые, по его мнению, выбрал бы рациональный индивид в «исходном положении за занавесом неведения».

Однако помимо договорной аргументации, отсылающей к гипотетическому согласию, Ролз обращается и непосредственно к эгалитарным аргументам. Обрушиваясь на несправедливость неравного стартового положения людей, он отстаивает идею *честного* равенства возможностей, которое позволило бы не только гарантировать открытость трудовых вакансий и свободу предпринимательства, но и обеспечить всем индивидам, независимо от их социального положения, реальные шансы на экономическое благополучие⁷.

⁷ Ролз 2017: 84—89.

Предлагаемое классическим либерализмом формальное равенство возможностей Ролз обличает как недостаточное, ибо при таком подходе слишком много зависит от природных неравенств и слишком мало от решений самих людей. С его точки зрения, в справедливом обществе реализация человеком своих жизненных целей должна быть следствием свободного личного выбора, а не случайных обстоятельств. В обществах, понимающих равенство как равный доступ к «карьерам, открытым талантам», существует значимое неравенство в благосостоянии, обусловленное разницей в стартовых позициях — социальном положении при рождении и степени одаренности талантами, высоко оцениваемыми на рынке⁸. Считая подобное неравенство несправедливым, Ролз отвергает представление о том, что более старательные и талантливые индивиды заслуживают большего благосостояния. Исходное распределение талантов и положение при рождении трактуются им как «естественные случайности», которые не могут оправдывать неравенство⁹.

⁸ Там же: 75.

⁹ Там же: 96.

Ролз признает, что «естественная лотерея с розыгрышем природных дарований» есть факт объективной реальности и сама по себе не может рассматриваться как несправедливая. Однако институты справедливого общества не должны исходить при распределении благ из произвольного с моральной точки зрения распределения талантов и материально поощрять кого-либо столь безосновательным образом — это противоречило бы базовой для эгалитаризма идее о фундаментальном моральном равенстве людей¹⁰. При этом различного рода радикальные способы исправления последствий случайности рождения (например, изъятие детей из бедных семей либо та или иная форма евгенистической политики) несовместимы с первым из сформулированных Ролзом принципов справедливости — наделением людей «равным правом в отношении наиболее общей системы равных свобод»¹¹. Поэтому решение проблемы лотереи рождения должно лежать в сфере экономического устройства, где роль справедливости как нормативного требования к институтам распределения состоит в «смягчении естественных случайностей и социальных обстоятельств»¹².

¹⁰ Там же: 98—100.

¹¹ Там же: 267.

¹² Там же: 96.

Рассмотрим гипотетическую ситуацию с двумя девушками — Анной и Яной, первая из которых родилась талантливой и в богатой семье, а вторая инвалидкой и в семье бедной. Эгалитаризм в трактовке Ролза отрицает за Анной право на более высокий уровень благосостояния на протяжении всей ее жизни, если он обусловлен благоприятными обстоя-

ательствами рождения. Согласно Ролзу, «неравенства происхождения и природных дарований не заслуженны, эти неравенства должны быть как-то компенсированы... общество должно уделять больше внимания тем, кто родился в менее благоприятном социальном положении»¹³.

¹³ Там же: 97.

**Строгий
эгалитаризм,
принцип
различия и
«дорогие вкусы»**

Наиболее радикальным способом устранения такого рода неравенства социальной удачи является строгий эгалитаризм (strict egalitarianism), предполагающий достижение полного материального равенства посредством отказа от рыночной экономики или постоянного перераспределения доходов (так называемый рыночный социализм в версии Джозефа Каренса¹⁴). К приверженцам данного подхода относится, в частности, Брюс Экерман, провозгласивший строгое равенство долей в общественных благах моральной презумпцией, из которой следует исходить ввиду отсутствия веских моральных оснований для ее отклонения¹⁵. Аргументы в пользу строгого эгалитаризма можно найти также у Кристофера Эйка¹⁶ и Кая Нильсена¹⁷.

¹⁴ Подробнее см. Carens 1981.

¹⁵ Ackerman 1983.

¹⁶ Ake 1975.

¹⁷ Nielsen 1979, 1985.

¹⁸ Подробнее см. Holtug 1998.

¹⁹ Ролз 2017: 84.

Проблема строгого равенства заключается, однако, в том, что оно чревато «общим ухудшением» (levelling-down)¹⁸ и итогом внедрения подобного распределения благ, по сути исключающего какие-либо материальные стимулы к труду, скорее всего, окажется равенство в бедности. В связи с этим Ролз признает необходимость материальных стимулов для более талантливых членов общества, формулируя *принцип различия*, допускающий такое неравенство, которое способствует достижению максимальной ожидаемой выгоды для наименее преуспевших¹⁹. Иначе говоря, хотя в справедливом обществе Ролза распределение первичных благ не зависит от социальных условий, в которых находится человек (тем, кто родился в небогатой семье, компенсируются изъятия их социального происхождения), в нем сохраняются частная собственность и рыночная экономика как институты, стимулирующие продуктивное производство.

В то же время теория Ролза не предполагает прямой компенсации природных неравенств — различий в состоянии здоровья, интеллектуальных и физических способностях, творческой одаренности. Признавая, что «никто не заслуживает своего места в распределении природных задатков больше, чем он заслуживает своего исходного стартового места в обществе», Ролз тем не менее не видит необходимости в создании институтов для компенсации подобных неравенств²⁰. Будучи нацелен на улучшение материального положения людей с природными недостатками²¹, принцип различия не принимает во внимание «внутренние ресурсы» благосостояния индивида. В соответствии с этим принципом все наименее обеспеченные (в материальном отношении) граждане должны быть выгодополучателями перераспределения, независимо от наличия у них особых потребностей (например, потребности в специальном уходе). Между тем компенсация расходов, вызванных природными недостатками, является важным условием не только рав-

²⁰ Там же: 274.

²¹ Термин «недостаток» в эгалитарной дискуссии о природных талантах не носит оценочного характера, а лишь указывает на неравенство шансов на благополучие.

ной конкуренции, но и равенства возможностей для достойной жизни, декларируемого Ролзом. Более того, в рисуемом им обществе одаренные от природы люди смогут претендовать на большую долю в общем доходе, так как именно на стимулирование их продуктивности направлен принцип различия: «В справедливости как честности люди соглашаются *быть подвластными случайностям* природы и социальных обстоятельств только тогда, когда это идет во благо общества. Два принципа представляют собой честный путь *воспрепятствовать произволу фортуны* (курсив наш. — Р.Б., С.В.)»²².

²² Ролз 2017: 98.

Подобная половинчатость в стремлении к равенству закономерно подверглась критике слева — строгие эгалитаристы объявили концепцию Ролза недостаточно соответствующей духу равного отношения к людям²³. В частности, комментируя принцип различия Ролза, Коэн сформулировал так называемый аргумент похитителя. По его мнению, поскольку решение не работать в отсутствие финансовых стимулов находится во власти одаренных индивидов, модель эффективного неравенства является скорее не способом компенсации социальной неудачи, а формой вымогательства со стороны более талантливых, ультимативно требующих материальной выгоды за свою природную удачу в распределении способностей²⁴.

²³ Nielsen 1979: 211.

²⁴ Cohen 2008: 39—41. Подробнее о критике Коэна и внутренних противоречиях в теории Ролза см. Белькович и Виноградов 2021.

При этом стремление Ролза компенсировать (не)удачу парадоксальным образом предстает одновременно интуитивно чрезмерным, наталкиваясь на проблему «дорогих вкусов» (*expensive tastes*). Предположим, что упомянутые выше Анна и Яна рождаются в справедливом обществе Ролза, где Яне в качестве компенсации ее стартовой неудачи передается половина состояния Анны. Взрослея, более старательная и талантливая Анна инвестирует свои ресурсы в бизнес и усердно трудится, удовлетворяя потребности других людей и преумножая свое начальное благосостояние. Яна же предпочитает потратить полученную ею компенсацию не на образование и лечение, а на отдых и развлечения. Понятно, что в условиях конкурентного рынка Анна рано или поздно окажется успешнее и богаче Яны, даже с учетом стартового перераспределения ресурсов в пользу последней. Если следовать принципу различия Ролза, то перераспределение денег в пользу Яны должно продолжаться до тех пор, пока неравенство не перестанет быть полезным для обеих (или, как подсказывает Коэн, пока Анна не откажется работать из-за низких материальных стимулов).

²⁵ Критики справа сочли бы аргумент Ролза о произвольности талантов «принижаящим автономность человека и его ответственность за свои действия» (Нозик 2016: 268).

Ролз, наверное, возразил бы, что Яне просто не повезло родиться недостаточно старательной с повышенной склонностью к развлечениям, но самые базовые эгалитарные интуиции подсказывают, что описанная ситуация противоречит идеалу морального равенства. Люди не рождаются с заданным раз и навсегда набором предпочтений — многие вкусы суть результат сознательного выбора людей, их работы над собственными привычками и стремлениями²⁵. И ведь Яну нельзя даже обвинить в «неправильных» вкусах — она вполне может иметь отличные от Анны издержки и предпочитать отдых и недорогие развлечения труду

и богатству. Проблема заключается в том, что принцип различия Ролза оказывается нечувствительным к жизненным предпочтениям Яны, автоматически относит ее к числу менее обеспеченных и обязывает Анну оплачивать чужие вкусы своим трудом, выравнивая благосостояние в обществе. Именно в качестве ответа на эту проблему в 1980-е годы сформировалось направление, названное позднее эгалитаризмом удачи, сторонники которого предприняли попытку разграничить морально случайные способности людей и их сознательные, а потому морально значимые решения.

**Эгалитаризм
удачи:
компенсация
и ответственность**

²⁶ *Dworkin 1981a,
1981b.*

Начатая Ролзом борьба за честное равенство возможностей, свободное от воздействия лотереи рождения, была продолжена Дворкиным. В своей классической статье 1981 г. «Что такое равенство?»²⁶ он указывает, что устранение влияния прихоти фортуны на распределение требует не просто равенства первичных благ, но равенства всех ресурсов человека, то есть состояния, в котором внешние (материальные) ресурсы компенсируют недостаток ресурсов внутренних (талантов, здоровья и т.п.). При этом люди должны нести ответственность не за свою ресурсную одаренность, а за свои предпочтения — справедливая система распределения должна быть «нечувствительна к природным способностям» и в то же время «чувствительна к стремлениям», чтобы поддерживать людей с инвалидностью, но не поощрять «дорогие вкусы»²⁷.

²⁷ *Dworkin 1981b:
311.*

Для прояснения вопроса о путях достижения равенства ресурсов Дворкин прибегает к мысленному эксперименту, рисуя гипотетический аукцион, на котором имеющиеся в обществе материальные ресурсы распределяются в максимальном соответствии с предпочтениями людей. Представим, что каждый имеет равную долю каждого внешнего ресурса, а затем обменивается с другими, отдавая более нужное другому в обмен на необходимое для себя. В определенный момент все возможные сделки будут совершены, а итоговые доли человека в различных ресурсах пройдут «тест на зависть»: никто не предпочтет чужой набор ресурсов собственному (при одинаковых затратах и возможностях приобретения), так как уже имеет наилучшую комбинацию, учитывающую его предпочтения в условиях равенства долей²⁸. Согласно Дворкину, в результате все получают равное внимание к тем потребностям, которые имеют от рождения. Как отмечает по этому поводу Кимлика, подобного рода «тест на зависть» не предполагает равного благополучия — он лишь удостоверяет, что тот, кто в силу своих предпочтений оказался несчастнее других, был бы еще несчастнее, обладая набором ресурсов любого другого человека²⁹.

²⁸ *Ibid.: 285.*

²⁹ *Кимлика 2010:
109.*

Итак, Дворкин разграничивает сознательные предпочтения, вкусы, амбиции человека и случайные обстоятельства (такие, как таланты или врожденные проблемы со здоровьем). Недостаток внутренних ресурсов должен компенсироваться только применительно к случайным

³⁰ Dworkin 1981b: 293.

обстоятельствам, относимым к «слепой удаче» (brute luck), поскольку человек не может нести ответственность за прихоти фортуны. Остальные обстоятельства признаются «опциональной удачей» (option luck), то есть следствием сознательного риска, за который человек должен нести материальную ответственность³⁰. При таком подходе соблюдается моральное равенство индивидов, но сглаживается «слепая удача», не связанная с выбором человека. Неравенство же, возникшее в результате добровольного выбора, не считается несправедливым.

Но способен ли смоделированный Дворкином аукцион гарантировать успешное прохождение «теста на зависть»? Очевидно, что жертвы «слепой удачи», например инвалиды, вполне могут предпочесть чужой стартовый набор ресурсов своему. Поскольку, наряду со схожими с другими потребностями, они имеют специфические нужды, удовлетворение которых требует большего количества внешних ресурсов, многие из них, вероятно, выбрали бы чужой набор ресурсов, менее отвечающий их потребностям, но при этом не связанный с тратами на возмещение природных недостатков. В этой ситуации было бы справедливым сначала покрыть из общего «котла» все затраты нуждающихся, тем самым компенсировав им дефицит природных ресурсов, а затем поделить остаток поровну и тогда уже проводить описанный аукцион. Только такой подход отвечает ключевой идее эгалитаризма удачи: если негативные следствия прихоти фортуны признаются случайными с моральной точки зрения, то затраты на их возмещение должны быть в равной степени распределены среди всех членов общества. После подобной процедуры достигнутое на аукционе распределение действительно прошло бы тест на зависть.

Однако главная проблема заключается в том, что полное уравнивание ресурсов недостижимо — внешние ресурсы плохо конвертируются во внутренние. Материальная компенсация не в состоянии полностью устранить все природные недостатки людей, пострадавших от «слепой удачи». Так, никакие деньги не возместят обездвиженному человеку отсутствие способности ходить³¹. Тем не менее каждая последующая единица материальных ресурсов приносит прирост внутренних ресурсов, хотя и с убывающей эффективностью (например, покупка недорогого кресла для передвижения в значительной мере облегчит положение человека с инвалидностью, тогда как дорогостоящая операция на спинном мозге не дает никаких гарантий и может быть просто опасной). В предельном случае общество вынуждено было бы потратить все ресурсы на максимальное удовлетворение подобных нужд — лишением внутренних изъянов пришлось бы пренебречь даже основными своими потребностями ради небольшого улучшения положения тех, кому «не повезло»³². Дворкин называет такую ситуацию «рабством талантливых», признавая, что полностью покрыть весь недостаток внутренних ресурсов в обществе невозможно³³.

В связи с этим необходимо оценить, какую долю природных недостатков должно компенсировать справедливое общество, основан-

³¹ Критику внимания к благам как таковым, а не к возможностям, которые те представляют людям, см. Sen 1979.

³² Dworkin 1981b: 300.

³³ Ibid.: 322.

ное на равенстве. Для решения этой задачи Дворкин прибегает к другому мысленному эксперименту, задействуя модифицированную идею Ролза о тонком занавесе неведения. По ту сторону «занавеса» люди не знают, какие природные способности получают в реальном мире (и потому исходят из равной вероятности оказаться в тех или иных условиях), но при этом знают свои жизненные предпочтения, неразрывно связанные с их личностью. После того как «занавес неведения» опускается, всем предоставляется равная доля ресурсов и устраивается аукцион страховок, в ходе которого каждый индивид должен решить (опираясь на знание о своих предпочтениях), какую часть своих ресурсов он готов потратить на страхование от риска природных недостатков. В итоге определяется общая сумма «страхового покрытия», которую общество считает обоснованным направить на компенсации людям, пострадавшим от «слепой неудачи» и имеющим природные недостатки³⁴.

³⁴ *Ibid.*: 296—299.

В приведенном выше примере с двумя девушками Дворкин, по всей видимости, призвал бы Анну компенсировать Яне изначальное неравенство их внутренних ресурсов (инвалидность, относящуюся к следствиям «слепой неудачи») — но только в том размере, в котором за «занавесом неведения» она сочла бы необходимым застраховать свой риск оказаться на месте Яны. Любовь к развлечениям и предпочтение отдыха труду неразрывно связаны с личностью Яны и ее жизненным выбором, а потому не должны компенсироваться Анной.

Валюта равенства и пределы ответственности

Аргументы, выдвинутые Ролзом и Дворкиным в поддержку идеи компенсации несправедливой прихоти фортуны, вызвали бурную дискуссию среди сторонников эгалитарного подхода к социальной справедливости. Ряд видных экономистов и политических философов, в том числе Арнесон, Коэн, Рёмер, Эрик Раковски и др., сформулировали свои версии нейтрализации последствий «слепой удачи» для общества.

Теории справедливости Ролза и Дворкина объединяет то, что они направлены против неравенства как такового — независимо от абсолютного благосостояния бедных. Расхождения между ними во многом обусловлены тем, что Ролз ставил во главу угла равенство благосостояния, измеряемого первичными благами, а Дворкин — равенство ресурсов. Иную интерпретацию эгалитарного идеала и метрику для оценки равенства людей предложил Арнесон — в основе его концепции лежит равенство возможностей для благополучия (equality of opportunity for welfare)³⁵.

³⁵ *Arneson 1989*.

³⁶ *Арнесон особо отмечает, что решение вопроса о свободе воли с позиций жесткого каузального детерминизма свело бы его теорию к равенству благополучия (Ibid.: 88).*

Критикуя Дворкина за попытку провести границу эгалитарной справедливости по линии ресурсы/предпочтения, где первые признаются случайными и компенсируются, а вторые считаются морально значимым выбором человека, Арнесон подчеркивает, что, поскольку многие предпочтения человека связаны с воспитанием³⁶ и не находятся

- ³⁷ *Ibid.*: 78—80. под полным его контролем, было бы несправедливо целиком возлагать на индивида сопряженные с ними издержки³⁷. Базовой идее Дворкина о компенсации фактора «слепой удачи», с его точки зрения, больше отвечает равенство возможностей по достижению благополучия, то есть шансов человека получить то благо, к которому он стремится. При этом Арнесон разграничивает наилучшие предпочтения первого и второго порядка (*first-best* и *second-best preferences*)³⁸. Наилучшие предпочтения первого порядка отражают базовую функцию полезности для человека (благополучия) в условиях полной рациональности и доступа к информации — они отличаются от реальных предпочтений индивида в той мере, в которой он пересмотрел бы последние при большем объеме знаний и развитии благоразумии. Наилучшие предпочтения второго порядка отличаются от предпочтений первого порядка в той мере, в которой индивид оказывается неспособен переучиться и воспитать в себе потребности, которые выбрал бы, будучи полностью рациональным. Именно наилучшие предпочтения второго порядка, согласно Арнесону, должны учитываться при выравнивании возможностей для благополучия индивидов. Впрочем, как признает сам Арнесон, ввиду заведомой неполноты информации о предпочтениях индивидов и степени их ответственности за эти предпочтения расхождения между его теорией и теориями Ролза и Дворкина на практике трудноразличимы³⁹.

В гипотетической ситуации с Анной и Яной Арнесон призвал бы Анну не только компенсировать Яне изначальное неравенство природных ресурсов, связанное с инвалидностью, но и оплатить ей курс по воспитанию трудолюбия. При этом в той степени, в которой Яна окажется неспособна воспитать в себе добродетели усидчивости и скромности, она может претендовать и на компенсацию своих предпочтений по части отдыха и развлечений.

- ⁴⁰ *Cohen 1989*. Сходные претензии к теориям справедливости Дворкина и Ролза высказывает и Коэн⁴⁰. Обращаясь к предпочтениям людей, которые основоположники эгалитарного подхода относят к «дорогим вкусам», он указывает на внутреннюю противоречивость их позиций по данному вопросу. В частности, Ролз утверждает, что усилия людей не в полной мере являются следствием целенаправленного выбора, а частично зависят от талантов и способностей и потому не должны вознаграждаться⁴¹. Однако в отношении «дорогих вкусов» он исходит из того, что ввиду частичной моральной ответственности индивида за подобные предпочтения он не вправе претендовать на их компенсацию⁴². То есть в первом случае *частичное* влияние фактора фортуны служит аргументом в пользу случайности и незаслуженности плодотворных усилий индивидов, во втором же *частичная* ответственность признается достаточной, чтобы возложить на индивида вытекающие из нее последствия.

Не устраивает Коэна и теория равенства ресурсов Дворкина, не вполне последовательно, с его точки зрения, проводящая границу

между ответственностью и случайностью. Так, когда речь идет о выборе человеком профессии, Дворкин считает вкусы и предпочтения других людей случайными и высказывается за перераспределение доходов лиц, предоставляющих более ценимые на рынке услуги, в пользу тех, кому не повезло трудиться в менее востребованных областях⁴³. В то же время применительно к предпочтениям в сфере досуга он придерживается иной позиции. Приводя пример гурмана, намеренно культивирующего в себе любовь к дорогим еде и напиткам, он отказывает ему в праве на компенсацию данных предпочтений (так как они культивируются и не являются следствием «слепой удачи»), даже если переход на более экономное питание будет означать резкое сокращение его благополучия⁴⁴.

⁴³ *Dworkin 1981b*: 308.

⁴⁴ *Dworkin 1981a*: 229—234.

В целом соглашаясь с выводами Дворкина, Коэн ставит под вопрос критерии, применяемые им при определении границ эгалитарной справедливости: в проводимых Дворкиным мысленных экспериментах эгалитарные интуиции подкрепляет не желание выровнять ресурсы людей, а стремление связать распределение с ответственностью за добровольный выбор. Для иллюстрации своей мысли Коэн приводит пример двух индивидов, один из которых предпочитает в качестве досуга дорогостоящее фотографирование, а другой — более доступную рыбалку⁴⁵. В соответствии с позицией Дворкина мы не должны компенсировать фотографу его не относящиеся к ресурсам «дорогие вкусы», пусть даже он не культивировал их намеренно и от природы не склонен получать удовольствие от рыбной ловли. Между тем, как и в ситуации выбора профессии, при выборе досуга человек сталкивается с внешней для него рыночной стоимостью оказываемых услуг или понесенных издержек, что, по мнению Коэна, делает необоснованным компенсацию предпочтений исключительно в первом случае⁴⁶.

⁴⁵ *Cohen 1989*: 923.

⁴⁶ *Ibid.*: 932—933.

Сторонников использования в качестве «валюты равенства» категории благосостояния (в частности, Арнесона) Коэн критикует за оправдание публично навязанных неравенств особенностями характера жертвы «слепой удачи»⁴⁷. В нашем примере эгалитаристы вроде Арнесона вынуждены были бы отказать Яне в инвалидной коляске, если девушка «чрезмерно» счастлива и без нее, но в то же время выделить компенсацию и без того богатой Анне, если в силу ворчливого характера та крайне недовольна жизнью и вечно угрюма. С точки зрения Коэна, это прямо противоречит здравым эгалитарным интуициям.

⁴⁷ *Ibid.*: 917—918.

Альтернативу равенству благосостояния и равенству ресурсов Коэн видит в равенстве доступа к преимуществам (equality of access to advantage)⁴⁸. Равенство этого типа отчасти сходно с равенством возможностей для благополучия Арнесона, но преимущество в трактовке Коэна шире, чем благополучие (в частности, оно включает свободу от эксплуатации), а доступ — шире, чем возможность (например, должны компенсироваться глупость или слабость, мешающие человеку использовать свои возможности). В соответствии с этим подходом, Яне должен быть обеспечен равный доступ к времяпрепровождению в виде

⁴⁸ *Ibid.*: 916—917.

прогулок в местном парке, даже если высокий уровень ее благополучия можно обеспечить и без этого. В связи с этим Анну следует обложить специальным налогом, направленным на строительство пандусов, пусть даже уровень ее счастья значительно ниже среднего по причине пессимистичности натуры.

Заключение

В эволюции эгалитарных теорий справедливости последней трети XX в. можно выделить три основных этапа. В 1971 г. Ролзом была сформулирована концепция честного равенства возможностей, требовавшая смягчить влияние лотереи рождения на материальное благополучие граждан справедливого сообщества. Аргумент Ролза о необходимости компенсировать морально случайное неравенство путем перераспределения стал поворотной точкой в развитии эгалитарных интуиций и в начале 1980-х годов был углублен в теории Дворкина, на основе которой сформировалось крайне влиятельное направление мысли — эгалитаризм удачи. К концу 1990-х годов представители этого направления (Дворкин, Арнесон, Коэн и др.), казалось, окончательно увязли в спорах о границах ответственности человека за свой выбор⁴⁹ и пределах компенсации «слепой удачи», и ресурс эгалитаризма удачи как объяснительной модели для построения нормативной теории справедливости был исчерпан.

Разъедавшие эгалитаризм удачи внутренние противоречия сделали его объектом агрессивной критики со стороны приверженцев «демократического равенства», видевших главную цель эгалитарной традиции в борьбе за уважение к человеческому достоинству, а не в попытках устранить материальное неравенство, обусловленное лотереей рождения⁵⁰. Тем не менее в XXI столетии эгалитаристы удачи смогли не только «перегруппироваться» и дать бой многочисленным критикам⁵¹, но и воспитать новое поколение сторонников данного подхода, ставшего, по словам одного из них, «наиболее обсуждаемой постролзовской теорией распределительной справедливости»⁵². Однако развитие эгалитаризма удачи на современном этапе (равно как и его влияние на публичную политику) требует самостоятельного исследования.

⁴⁹ По мнению ряда критиков, попытка провести такие границы была заведомо обречена на провал (см., напр. Shapiro 1996: 64—69, 73—75).

⁵⁰ Anderson 1999.

⁵¹ Обзор соответствующих аргументов см. Середа 2021: 277—281.

⁵² Knight 2013: 925.

Библиография

Белькович Р.Ю. и С.В.Виноградов. (2021) «Спасение Ролзовской справедливости: совместимо ли братство с принципом различия?» // *Полития*, № 1 (100): 60—74. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-60-74.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-60-74.pdf) (проверено 9.09.2023).

Кимлика У. (2010) *Современная политическая философия: Введение*. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики.

Нозик Р. (2016) *Анархия, государство и утопия*. М.: ИРИСЭН; Социум.

Ролз Дж. (2017) *Теория справедливости*. М.: УРСС; ЛЕНАНД.

Серета Д. (2021) «Эгалитаризм удачи: два направления критики» // *Социологическое обозрение*, т. 20, № 2: 273–289. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2021/06/29/1428739754/SocOboz_20_2_273-289_Sereta.pdf (проверено 9.09.2023).

Ackerman B.A. (1983) «Comment on Fried on Getting What We Don't Deserve» // *Social Philosophy and Policy*, vol. 1, no. 1: 60–70.

Ake C. (1975) «Justice as Equality» // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 5, no. 1: 69–89.

Anderson E.S. (1999) «What Is the Point of Equality?» // *Ethics*, vol. 109, no. 2: 287–337.

Arneson R.J. (1989) «Equality and Equal Opportunity for Welfare» // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, vol. 56, no. 1: 77–93.

Carens J.H. (1981) *Equality, Moral Incentives, and the Market: An Essay in Utopian Politico-Economic Theory*. Chicago: University of Chicago Press.

Cohen G.A. (1989) «On the Currency of Egalitarian Justice» // *Ethics*, vol. 99, no. 4: 906–944.

Cohen G.A. (2008) *Rescuing Justice and Equality*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Dworkin R. (1981a) «What Is Equality? Part 1: Equality of Welfare» // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 3: 185–246.

Dworkin R. (1981b) «What Is Equality? Part 2: Equality of Resources» // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 4: 283–345.

Holtug N. (1998) «Egalitarianism and the Leveling Down Objection» // *Analysis*, vol. 58, no. 2: 166–174.

Knight C. (2013) «Luck Egalitarianism» // *Philosophy Compass*, vol. 8, no. 10: 924–934.

Nielsen K. (1979) «Radical Egalitarian Justice: Justice as Equality» // *Social Theory and Practice*, vol. 5, no. 2: 209–226.

Nielsen K. (1985) *Equality and Liberty: A Defense of Radical Egalitarianism*. Totowa (NJ): Rowman and Allanheld.

Rawls J. (1982) «Social Unity and Primary Goods» // Sen A. and B. Williams, eds. *Utilitarianism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press: 159–185.

Sen A. (1979) «Equality of What?» // McMurrin S.M., ed. *The Tanner Lectures on Human Values*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press: 197–220.

Sen A. (1992) *Inequality Reexamined*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Shapiro I. (1996) «Justice and Workmanship in a Democracy» // Shapiro I. *Democracy's Place*. Ithaca, London: Cornell University Press: 53–78.

R.Yu. Belkovich, S.V. Vinogradov
EQUALITY OF LUCK:
EVOLVEMENT OF EGALITARIAN
THEORIES OF JUSTICE
IN THE LATE 20TH CENTURY

Rodion Yu. Belkovich — Ph.D. in Law; Associate Professor at the School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, HSE University.
 E-mail: rbelkovich@hse.ru.

Sergey V. Vinogradov — Lecturer at the School of Digital Law and Bio-Law; Ph.D. Candidate at the School of Theory of Law and Comparative Law; Junior Research Fellow at the Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects, Centre for Fundamental Research; HSE University.
 E-mail: svinogradov@hse.ru.

Abstract. Since the publication of John Rawls's *Theory of Justice*, the egalitarian tradition, which associates fair institutional structure with reaching equality in one aspect or another, has started to play a central role in academic discussions of the social justice problem. The article is devoted to the analysis of the evolution of egalitarianism of luck, which by the end of the 20th century has become the main direction in the framework of this tradition. The proponents of this direction in their argument depart from Rawls's idea about the lottery of birth, according to which a game played by a fortune, being arbitrary from the moral point of view and affecting the distribution of resources in society, is unfair, and therefore should be compensated.

Rawls's approach to minimizing the role of luck in a fair distribution did not guarantee sufficient compensation for natural inequalities, assuming at the same time excessive compensation for "expensive tastes". Trying to solve this problem, Ronald Dworkin distinguished between brute and option luck, using the model of the "veil of ignorance", behind which the amount of fair compensation is determined. Further development of egalitarianism of luck at the turn of the 1980—1990s is associated with the names of Richard Arneson, Gerald Cohen, John Roemer and some other authors who made a number of amendments and changes to the concept of undeserved luck and proposed their own ways to neutralize its consequences for society.

The arguments of proponents of luck egalitarianism at the end of the 20th century aimed at strengthening the role of an individual's freedom of choice and implantation of the ethics of responsibility into the theory of social justice. At the same time, the interpretation of luck as a true "currency of equality"

made the question of fair distribution conditional upon the consensus on the limits of human capacity for systematic cultivation of virtues and the scope of individual responsibility for one's own destiny.

Keywords: social justice, equality of opportunities, luck egalitarianism, John Rawls, Ronald Dworkin

References

- Ackerman B.A. (1983) "Comment on Fried on Getting What We Don't Deserve" // *Social Philosophy and Policy*, vol. 1, no. 1: 60–70.
- Ake C. (1975) "Justice as Equality" // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 5, no. 1: 69–89.
- Anderson E.S. (1999) "What Is the Point of Equality?" // *Ethics*, vol. 109, no. 2: 287–337.
- Arneson R.J. (1989) "Equality and Equal Opportunity for Welfare" // *Philosophical Studies: An International Journal for Philosophy in the Analytic Tradition*, vol. 56, no. 1: 77–93.
- Belkovich R.Yu. and S.V.Vinogradov. (2021) "Spasenie Rolzovskoj spravedlivosti: sovместimo li bratstvo s printsipom razlichija?" [Rescuing Rawlsian Justice: Are Fraternity and Difference Principle Compatible?] // *Politeia*, no. 1 (100): 60–74. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1\(100\)-60-74.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2021-1(100)-60-74.pdf) (accessed on 9.09.2023). (In Russ.)
- Carens J.H. (1981) *Equality, Moral Incentives, and the Market: An Essay in Utopian Politico-Economic Theory*. Chicago: University of Chicago Press.
- Cohen G.A. (1989) "On the Currency of Egalitarian Justice" // *Ethics*, vol. 99, no. 4: 906–944.
- Cohen G.A. (2008) *Rescuing Justice and Equality*. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Dworkin R. (1981a) "What Is Equality? Part 1: Equality of Welfare" // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 3: 185–246.
- Dworkin R. (1981b) "What Is Equality? Part 2: Equality of Resources" // *Philosophy and Public Affairs*, vol. 10, no. 4: 283–345.
- Holtug N. (1998) "Egalitarianism and the Leveling Down Objection" // *Analysis*, vol. 58, no. 2: 166–174.
- Knight C. (2013) "Luck Egalitarianism" // *Philosophy Compass*, vol. 8, no. 10: 924–934.
- Kymlicka W. (2010) *Sovremennaja politicheskaja filosofija: Vvedenie* [Contemporary Political Philosophy: An Introduction]. Moscow: Izdatel'skij dom Gosudarstvennogo universiteta — Vyshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Nielsen K. (1979) "Radical Egalitarian Justice: Justice as Equality" // *Social Theory and Practice*, vol. 5, no. 2: 209–226.
- Nielsen K. (1985) *Equality and Liberty: A Defense of Radical Egalitarianism*. Totowa (NJ): Rowman and Allanheld.
- Nozick R. (2016) *Anarkhija, gosudarstvo i utopija* [Anarchy, State and Utopia]. Moscow: IRISEN; Sotsium. (In Russ.)

Rawls J. (1982) “Social Unity and Primary Goods” // Sen A. and B. Williams, eds. *Utilitarianism and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press: 159—185.

Rawls J. (2017) *Teorija spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Moscow: URSS; LENAND. (In Russ.)

Sen A. (1979) “Equality of What?” // McMurrin S.M., ed. *The Tanner Lectures on Human Values*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press: 197—220.

Sen A. (1992) *Inequality Reexamined*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

Sereda D. (2012) “Egalitarizm udachi: dva napravlenija kritiki” [Luck Egalitarianism: Two Lines of Critique] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 20, no. 2: 273—289. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2021/06/29/1428739754/SocOboz_20_2_273-289_Sereda.pdf (accessed on 9.09.2023). (In Russ.)

Shapiro I. (1996) “Justice and Workmanship in a Democracy” // Shapiro I. *Democracy’s Place*. Ithaca, London: Cornell University Press: 53—78.

Г.А. Борщевский
**ТРАДИЦИОННЫЕ
РОССИЙСКИЕ ЦЕННОСТИ:
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Георгий Александрович Борщевский — доктор политических наук, государственный советник РФ, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Для связи с автором: ga.borshchevskiy@igsu.ru.

Аннотация. В статье представлены результаты институционального исследования официального российского нарратива о традиционных ценностях, направленного на выявление степени их интеграции в систему правовых норм. Используя методы сравнительного правового, тезаурусного и контент-анализа, а также аналогии, автор попытался оценить оптимальность выбора традиционных ценностей в России с точки зрения конституционных норм и постулатов мировых религий и определить, в какой степени данные ценности инкорпорированы в документы политического целеполагания. В качестве традиционных рассматривались ценности, зафиксированные в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных указом президента в 2022 г., которые были сопоставлены с ценностями Конституции, базовыми моральными императивами христианства, ислама, буддизма и иудаизма, а также с ценностями, обозначенными в стратегических документах и национальных целях развития РФ.

Исследование показало, что официально объявленные традиционные духовно-нравственные ценности не в полной мере совпадают с конституционными и при этом в большей мере ориентированы на светскую этику, чем на установки мировых религий. Одновременно обнаружилась их рассогласованность с документами целеполагания верхнего уровня и национальными проектами. По оценке автора, в нынешних условиях такая рассогласованность, ослабляющая эффект от действий законодателя, может оказаться предпочтительнее последовательного и системного внедрения ценностей, конвенциональность которых не очевидна. Фиксация социально значимых норм возможна только после детального и предметного изучения общественного мнения, лонгитюдных трендов, политических и экономических процессов. В противном случае нормативное закрепление способно послужить не столько консолидации общества, сколько дальнейшей его поляризации.

Ключевые слова: традиционные ценности, идеология, консерватизм, стратегическое планирование, общегражданская идентичность

Нарастающее противостояние между Россией и странами Запада наблюдается не только в военно-политической сфере и экономике, но и в аксиологической плоскости. Размежевание все чаще описывается обеими сторонами как «экзистенциальный», «ценностный», «цивилизационный» конфликт. Затяжной характер вовлекает в него все более деполитизированных акторов, в частности детей и молодежь. Наряду с классическими пропагандистскими инструментами, все шире используются идеология, культура, образование.

Идеологическая платформа Российской Федерации формируется вокруг так называемых традиционных ценностей, которые стали предметом правового регулирования и научного изучения.

Официальный дискурс о традиционных ценностях имеет сравнительно давнюю историю. Так, Борис Ельцин часто использовал в выступлениях слово «традиция»¹, а Владимир Путин еще в 1999 г. обозначил четыре ключевые ценности — патриотизм, державность, солидарность и государственничество². Спустя 10 лет партия «Единая Россия» в своем программном документе «Россия: сохраним и приумножим!» выделила пять базовых ценностей — патриотизм, крепкая семья, здоровый образ жизни, профессионализм и солидарность³. В Послании Федеральному Собранию 2012 г. прозвучало выражение «духовные скрепы»⁴, обозначившее консервативный поворот в идеологии⁵. В принятой в 2015 г. Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. представлен перечень из восьми традиционных ценностей (честь, совесть, воля, вера в добро, справедливость, достоинство, человеколюбие, моральные обязательства перед семьей и Отечеством)⁶. В утвержденной в том же году Стратегии национальной безопасности РФ зафиксированы другие шесть российских духовно-нравственных ценностей — патриотизм, суверенитет, гуманизм, мир, единство культур, уважение семейных и религиозных традиций⁷. Ряд традиционных ценностей получил закрепление в Конституции РФ в редакции 2020 г. и обновленной Стратегии национальной безопасности РФ 2021 г.⁸

В 2021 г. в Научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева, подведомственном Министерству культуры РФ, был подготовлен проект «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее — Основы). Его обсуждение на портале оценки регулирующего воздействия вызвало дискуссию (за принятие проголосовало 100 тыс. человек, против — около 80 тыс.), которая продолжилась в Общественной палате. В итоге проект был отозван и позднее (в феврале 2022 г.) утвержден указом президента РФ уже без широкого обсуждения.

¹ Каспэ 2022: 11.

² Путин 1999. Обращает на себя внимание отсутствие в этом перечне ценности семьи.

³ Россия 2009.

⁴ Послание 2012.

⁵ Robinson 2020.

⁶ Стратегия развития воспитания 2015.

⁷ Стратегия национальной безопасности 2015.

⁸ Стратегия национальной безопасности 2021.

Основы включают следующие ценности: 1) жизнь, 2) достоинство, 3) права и свободы человека, 4) патриотизм, 5) гражданственность, 6) служение Отечеству и ответственность за его судьбу, 7) высокие нравственные идеалы, 8) крепкая семья, 9) созидательный труд, 10) приоритет духовного над материальным, 11) гуманизм, 12) милосердие, 13) справедливость, 14) коллективизм, 15) взаимопомощь и взаимопочтение, 16) историческая память и преемственность поколений, 17) единство народов России⁹.

⁹ Основы 2022: п. 5.

В документе приводится определение традиционных ценностей, которые характеризуются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹⁰. Дано развернутое описание рисков и угроз традиционным ценностям, целей и задач политики по их сохранению и укреплению, а также инструментов этой политики в сфере образования и воспитания, культуры, науки, национальной, международной, информационной политики и безопасности.

¹⁰ Там же: п. 4.

Публикация Основ вызвала острую дискуссию в научном мире и стимулировала обсуждение концепта традиционных ценностей применительно к современной российской практике с позиций политологии, социологии, права и других дисциплин. Оценки используемого набора ценностей и способов трансляции их обществу предельно неоднозначны.

В связи с этим мы сочли целесообразным обратиться к институциональному исследованию официального нарратива о традиционных ценностях, позволяющему выявить степень их интеграции в систему формальных норм и неформальных социальных практик. Результаты этого исследования и представлены в настоящей статье. В ходе его проведения мы сосредоточили внимание на том, чтобы (а) оценить оптимальность выбора традиционных ценностей в России и (б) определить, в какой степени данные ценности инкорпорированы в документы целеполагания верхнего уровня.

Обзор литературы

Общественные ценности с трудом поддаются идентификации, и их изучение примыкает к направлению нового институционализма, фокусирующему внимание на соотношении формальных и неформальных норм и правил. Широко известные компаративные методики Рональда Инглхарта, Гирта Хофстеда, Шаломы Шварца и подобные им объединяет явная или латентная дихотомия либеральных и консервативных ценностей.

Проблематика консерватизма и традиции затрагивалась в трудах Макса Вебера, Эдварда Шилза, Шмуэля Айзенштадта, Эрика Хобсбау-

ма, Петра Штомпки, Энтони Гиденса и ряда других известных ученых. Современный дискурс о консервативных (традиционных) ценностях и связанных с ними идеологиях «вызван страхом перед утратой идентичности в глобализующемся мире»¹¹. Идет «поиск единой теории общественной ценности в сложных и плюралистических условиях на фоне внутренних противоречий»¹².

В России фиксируется «консервативный»¹³ и «моральный»¹⁴ поворот, «дискурсивный сдвиг»¹⁵, формирование «нового идеологического нарратива»¹⁶. По мнению Гленна Дизена, консерватизм естественен для России, поскольку ее историю пронизывает деструктивный процесс искоренения прошлого ради современности¹⁷. Эмиль Эденборг соотносит генезис этого идейного направления с православной религиозной мыслью, интеллектуальной традицией XIX в. и дискурсом о суверенитете, безопасности и стабильности. Согласно его оценке, современная «консервативная мобилизация в России объединяет целый ряд акторов, включая Православную церковь, исламское и еврейское духовенство, родительские организации, академические круги и политические партии от ультранационалистов до правящей „Единой России“ и коммунистов»¹⁸.

Пол Робинсон говорит о четырех конкурирующих версиях российского консерватизма: православной, цивилизационной, изоляционистской и официально-государственной¹⁹. При этом, как отмечает Юлия Карпич, «неправомерно отождествление ценностей православия и официального традиционализма»²⁰.

Противоречивость официального консерватизма обусловлена его антизападной направленностью при одновременном признании европейской идентичности России²¹ и попытками выстроить «традицию», опираясь на отчасти вымышленный этос имперской России и СССР²².

Исследователи выделяют несколько ключевых паттернов в официальном дискурсе о традиционных ценностях. Во-первых, это акцент на ценностях безопасности и обороны, истоки которого видят в богословской концепции катехона, защищающего мир от пришествия Антихриста, постсоветской рецепции политической теологии Карла Шмитта, а также в набирающей силу секьюритизации, то есть, согласно теории Копенгагенской школы, инструментальном конструировании угроз в пространстве общественного мнения для расширения властных полномочий²³. Во-вторых, особое внимание к традиционным семейным ценностям, которые «занимают центральное место в риторике»²⁴. В-третьих, упор на «единение и согласие, преодолевающее разобщенность»²⁵.

Правовая фиксация аксиологического нарратива интерпретируется двояким образом — в позитивном и негативном ключе. Позитивные оценки связывают ее с объективным процессом построения гражданской религии, так как, по Шмитту, все политические концепты представляют собой секуляризованные версии богословских понятий²⁶. Кроме того, утверждается, что «традиционные духовно-нравственные

¹¹ *Lofius 2019: 15.*

¹² *Warner, Brown, and Cherney 2021: 857.*

¹³ *Robinson 2020: 10.*

¹⁴ *Østbø 2017: 200.*

¹⁵ *Wilkinson 2014: 363.*

¹⁶ *Stepanova 2023: 111.*

¹⁷ *Diesen 2021: 15.*

¹⁸ *Edenborg 2021: 175.*

¹⁹ *Robinson 2020: 11–12.*

²⁰ *Карпич 2023: 145.*

²¹ *Laruelle 2016: 275.*

²² *Agadjanian 2017: 50.*

²³ *См. Østbø 2017; Бислер 2023.*

²⁴ *Agadjanian 2017: 39.*

²⁵ *Rousselet 2020: 38.*

²⁶ *См. Шмитт 2000.*

ценности должны определять ценностное значение всех отраслей права»²⁷, и отмечается, что «поворот к морали позволил установить тесные связи с консервативными группировками на Западе»²⁸. В свою очередь негативные оценки фокусируют внимание на противоречии между продвижением традиционных ценностей и конституционным запретом на государственную идеологию, а также на том, что «внедрение традиционных ценностей как концепта превращает частную жизнь и семью в полигон для экспериментов по изменению современной системы ценностей»²⁹. По мнению Александра Чернявского, «попытки присвоить приоритетное значение тем или иным ценностям, без учета их реально-го соотношения в обществе, заранее обречены на неудачу»³⁰. Подчеркивается, что такие ценности, как приоритет духовного над материальным и коллективизм, не релевантны для современного социума и являются «реликтами коммунистической идеологии»³¹.

²⁸ Laruelle 2016: 280.

²⁹ Murayeva 2014: 625.

³⁰ Чернявский 2021: 26.

³¹ Галяшина и Богатырев 2022: 148.

³² Пушкарева 2022.

³³ Седаев, Устинкин и Кочкуров 2022.

³⁴ Авцинова и Воронина 2023.

³⁵ Шатилов, Волхонская и Осинина 2023.

³⁶ Харичев и др. 2022.

³⁷ Попова и Гришин 2023: 140.

³⁸ Тихонова 2021: 159.

³⁹ Stepanova 2023: 97.

⁴⁰ Каснэ 2022: 27.

Главная проблема измерения публичной ценности состоит в отсутствии надежных критериев³². Так, в структуре традиционных российских ценностей различными авторами выделяются: соборность, державность³³; равенство, гуманизм³⁴; патриотизм, общность с народом, уважение к традициям и истории, жертвенность, справедливость³⁵; человек, семья, общество, государство, страна³⁶. Обращает на себя внимание широта спектра предлагаемых классификаций, причем все они лишь в минимальной степени соотносятся с набором ценностей из Основ.

Для молодежи характерно преобладание ценностей справедливости и свободы; согласно данным одного из социологических исследований, проведенных осенью 2022 г., к консерваторам себя относят только 9% россиян в возрасте до 35 лет³⁷. При этом ни в одной возрастной когорте число сторонников приоритетности интересов государства не превышает числа тех, кто ставит на первое место права человека. Более того, за период с 2017 по 2021 г. доля первых сократилась с 29 до 23%, тогда как доля вторых выросла с 33 до 41%³⁸.

В целом следует констатировать, что в российском обществе просматривается выраженная тенденция к размыванию образов прошлого и будущего при неконгруэнтности образов настоящего. Вместе с тем «не хватает достоверных данных, позволяющих оценить реальное влияние традиционных ценностей на россиян и количество их разделяющих»³⁹, причем «установить, что именно является традицией с точки зрения масс (периферий, „глубинного народа“), затруднительно»⁴⁰.

Методология и данные

Как уже говорилось, *первая из поставленных в настоящем исследовании задач* заключалась в оценке оптимальности выбора традиционных ценностей. Для ее решения мы прежде всего сопоставили, с применением методов сравнительного правового анализа и аналогии, наборы ценностей, закрепленные в действующей редакции Конституции РФ и в Основах. Основаниями для такого сопоставления послужи-

ли, во-первых, ценностный характер Конституции как источника национальной правовой системы, во-вторых, прямая отсылка к Конституции в тексте Основ⁴¹. Данная процедура позволила установить, какие из закрепленных в Конституции ценностей авторы Основ не считают традиционными.

⁴¹ *Основы 2022:*
п. 2.

Затем мы сравнили набор ценностей из Основ с базовыми принципами традиционных религий. При выполнении этой операции использовались методы аналогии и тезаурусного анализа (определение точных значений слов и пределов их сопоставимости). Основанием для сравнения здесь выступало прямое указание на то, что «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан»⁴². В итоге мы получили возможность проследить, в какой мере ценности, отраженные в Основах, традиционны для ключевых религий.

⁴² *Там же:* п. 6.

Традиционные религии по-разному подходят к структурированию базовых ценностей, хотя их этические положения во многом тождественны. В священных текстах можно найти моральные предписания на все случаи жизни, но каждое вероучение содержит совокупность специфических этических принципов, обязательных для исполнения всей массой верующих, а не только знатоками и аскетами. В иудаизме более шестисот религиозных предписаний (перечисленных в Торе), главные из которых соответствуют Закону Моисея (десять заповедей), признаваемому также христианами. В христианстве источником учения помимо Священного Писания является также Священное Предание. Однако, поскольку оно не признается протестантами, в качестве наиболее специфических и общепринятых для этой религии следует рассматривать ценности Нового Завета, сформулированные в Нагорной проповеди (девять заповедей блаженства).

В исламе выделяются пять столпов веры, которые не перечислены непосредственно в Коране, а известны из хадиса Пророка. Их признают как сунниты, так и шииты⁴³. Моральная доктрина ислама абсорбировала положения более древних авраамических религий, поэтому указанные пять принципов не отрицают, а скорее дополняют их, будучи при этом специфическими для данной религии.

⁴³ *Moret 2021.*

Буддизм представляет собой синкретический набор множества учений с разветвленной системой нравственных императивов. Наиболее распространенные направления буддизма тхеравада и махаяна признают пять обетов (панчашила), каждый из которых содержит запретительную и обязывающую норму⁴⁴, которые можно считать аналогами «заповедей».

⁴⁴ *De Silva 2016.*

Постановка вопроса о том, в какой степени традиционные ценности инкорпорированы в документы целеполагания верхнего уровня (*вторая задача исследования*), в свою очередь связана с необходимо-

стью придания системности аксиологической политике российского руководства, на что претендуют Основы.

⁴⁵ *Стратегия национальной безопасности 2021.*

⁴⁶ *Доктрина 2016.*

⁴⁷ *Стратегия противодействия экстремизму 2020.*

⁴⁸ *Стратегия государственной национальной политики 2018.*

⁴⁹ *Основы государственной культурной политики 2023.*

⁵⁰ *Стратегия развития информационного общества 2017.*

⁵¹ *Национальные цели 2020.*

В п. 3 Основ прямо говорится, что они направлены на конкретизацию положений семи стратегических документов: Стратегии национальной безопасности РФ (указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400)⁴⁵, Доктрины информационной безопасности РФ (указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646)⁴⁶, Стратегии противодействия экстремизму в РФ (указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344)⁴⁷, Стратегии государственной национальной политики РФ (указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 в ред. от 06.12.2018 № 703)⁴⁸, Основ государственной культурной политики (указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 в ред. от 25.01.2023 № 35)⁴⁹, Стратегии развития информационного общества в РФ (указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203)⁵⁰ и Национальных целей развития РФ (указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 в ред. от 21.06.2020 № 474)⁵¹. Согласно Федеральному закону «О стратегическом планировании в РФ», все они относятся к документам целеполагания федерального уровня.

Методом контент-анализа по тезаурусным словам в перечисленных актах были выделены упоминания ценностей, которые затем были сопоставлены с содержанием Основ. Поиск ценностей осуществлялся по ключевым словам-маркерам в действующих на момент написания статьи редакциях документов.

Результаты исследования

Оценка оптимальности выбора традиционных ценностей.

В Конституции РФ нашли прямое отражение не менее тридцати общественных ценностей. Часть из них закреплена в гл. 1 «Основы конституционного строя», другие — в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина». Поправками 2020 г. дополнительно введен ряд аксиологических норм в гл. 3 «Федеративное устройство» и ряд последующих.

Результаты сопоставления ценностей Конституции с ценностями из Основ представлены в *табл. 1*.

Как видно из *табл. 1*, в Конституции РФ в той или иной мере нашли отражение все традиционные ценности, поэтому Основы можно считать принятыми в ее развитие. Вместе с тем детализация ценностей в Конституции неравномерна. Более подробно в ней описаны ценности прав и свобод человека, крепкой семьи и исторической памяти, относительно менее детализированы ценности справедливости, коллективизма, гражданственности. Наконец, ряду традиционных ценностей не хватает правовой определенности (чем обусловлена приблизительность соотношения).

В свою очередь в Основах отсутствуют многие ценности Конституции, например демократия (ст. 1, 32), суверенитет (ст. 4), идеологическое многообразие (ст. 13, 29), свобода совести (ст. 14, 28), равноправие мужчин и женщин (ст. 19), личная неприкосновенность (ст. 22), неприкосновенность жилища (ст. 25, 40), родной язык (ст. 26, 29, 68), свобода передвижения (ст. 27), свобода мысли и слова (ст. 29), свобода

Таблица 1 Отражение традиционных ценностей в Конституции РФ⁵²

⁵² Здесь и далее составлено автором.

<i>Ценности из Конституции РФ</i>	<i>Ценности из Основ</i>
Достойная жизнь (ст. 7); право на жизнь (ст. 20)	Жизнь
Достоинство личности, человеческое достоинство (ст. 21); защита достоинства граждан (ст. 75.1)	Достоинство
Человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2); каждый гражданин обладает всеми правами и свободами (ст. 6); гарантируются права и свободы человека и гражданина (ст. 17) и др.	Права и свободы человека
Воспитание патриотизма и гражданственности в детях (ст. 67.1)	Патриотизм
	Гражданственность
Защита Отечества является долгом и обязанностью граждан (ст. 59)	Служение Отечеству и ответственность за его судьбу
Создание условий для нравственного воспитания детей (ст. 67.1)	Высокие нравственные идеалы
Государственная поддержка семьи (ст. 7); семья находится под защитой государства (ст. 38); брак как союз мужчины и женщины (ст. 72); сохранение традиционных семейных ценностей (ст. 114)	Крепкая семья
Охраняется труд (ст. 7); труд свободен (ст. 37); РФ уважает труд граждан (ст. 75); уважение человека труда (ст. 75.1) и др.	Созидательный труд
Создание условий для духовного воспитания детей; значимость веры в Бога (ст. 67.1)	Приоритет духовного над материальным
Формирование в обществе ответственного отношения к животным (ст. 114)	Гуманизм
Гарантии социальной защиты (ст. 7); гарантируется социальное обеспечение и поощряется благотворительность (ст. 39); гарантируется пенсионное обеспечение на основе справедливости и адресная социальная поддержка граждан (ст. 75)	Милосердие
	Справедливость
Обеспечивается социальное партнерство и солидарность (ст. 75.1)	Коллективизм
	Взаимопомощь и взаимоуважение
Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия (ст. 44); РФ сохраняет память предков, чтит память защитников Отечества, защищает историческую правду (ст. 67.1)	Историческая память и преемственность поколений
Многонациональный союз равноправных народов (ст. 68); государство защищает культурную самобытность всех народов (ст. 69)	Единство народов России

собраний (ст. 30, 31), свобода предпринимательства (ст. 34, 35), здоровье (ст. 41), благоприятная окружающая среда (ст. 42, 58), образование (ст. 43), творчество (ст. 44), правовая защита (ст. 46). Либо, по мнению разработчиков Основ, эти ценности не являются традиционными и не нуждаются в сохранении и укреплении, либо они входят в состав других ценностей, но терминологическая неопределенность мешает это понять. Так, неясно, можно ли трактовать конституционную поддержку конкуренции (ст. 8) и право на бесплатное высшее образование на конкурсной основе (ст. 43) в смысле ценности справедливости, или нет.

Таким образом, можно констатировать, что все ценности из Основ так или иначе представлены в Конституции (особенно с учетом поправок 2020 г.), однако многие конституционные ценности в Основах не отражены.

Посмотрим теперь, как ценности из Основ соотносятся со специфическими ценностями традиционных религий. Результаты их сопоставления приведены в *табл. 2*. Сразу отметим, что прочерки в таблице означают не отрицание той или иной ценности конкретной религией, а лишь отсутствие эквивалентов среди ключевых принципов («заповедей») данного вероучения.

По итогам сопоставления религиозных и традиционных российских ценностей обращает на себя внимание вполне ожидаемая концентрация религиозных учений на духовных ценностях и соответствующих им практиках. Обратной стороной этой тенденции является игнорирование мировыми религиями «гражданских» и «патриотических» ценностей. Отсутствуют эквиваленты ценностей прав и свобод человека, достоинства, патриотизма, гражданственности, служения Отечеству, единства народов. Вероучения культивируют скорее противоположные ценности — смирение и отказ от привязанностей, в том числе национальных. Не продвигают они и коллективизм, равнодушны к созидательному труду, не фокусируются на взаимопомощи и преемственности поколений. Последнее может объясняться укладом обществ, в которых происходило формирование мировых религий, где такое поведение было естественным и не нуждалось в дополнительном культивировании.

Только шесть из семнадцати фигурирующих в Основах ценностей соответствуют ценностям трех и более религий, пять согласуются с постулатами одной или двух, а остальные шесть вообще никак с ними не связаны. Таким образом, ценности из Основ лишь в малой степени базируются на ценностях мировых религий.

Инкорпорация традиционных ценностей в документы целеполагания. Основы являются «документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности»⁵³ и воспроизводят набор традиционных ценностей, приведенный в п. 91 Стратегии национальной безопасности⁵⁴. Их содержание в целом повторяет содержание раздела 8 «Защита традиционных российских духовно-нрав-

⁵³ Основы 2022: п. 1.

⁵⁴ Стратегия национальной безопасности 2021.

Таблица 2 Сопоставление ценностей из Основ с ценностями традиционных религий

Основы	Иудаизм	Христианство	Ислам	Буддизм
Жизнь	Не убивай	Блаженны миротворцы	—	Отказ от убийства живых существ
Высокие нравственные идеалы	Не кради	Блаженны чистые сердцем	—	Отказ от воровства
Крепкая семья	Не прелюбодействуй	—	—	Отказ от супружеской неверности
Созидательный труд	—	—	—	Праведный заработок
Приоритет духовного над материальным	Не делай себе кумира	Блаженны нищие духом	Паломничество (хадж)	Отказ от страстных желаний
		Блаженны кроткие		Спокойствие и умиротворение
	Не произноси имени Господа напрасно	Блаженны плачущие	Молитва (намаз)	Медитация
Гуманизм Милосердие	Помни день субботний	Блаженны алчущие и жаждущие правды	Пост (саум)	Отказ употреблять вещества, затуманивающие сознание
	Да не будет у тебя других богов	Блаженны, когда будут ... злословить вас за Бога	Исповедание елинобожия (шахада)	
	—	Блаженны милостивые	Милостыня (закят)	Доброта и сострадание
Справедливость	Не произноси ложного свидетельства	Блаженны изгнанные за правду	—	Отказ от лжи, грубости и пустословия
Взаимопомощь и взаимоуважение	Не желай ничего, что у ближнего твоего	—	—	—
Историческая память и ответственность поколений	Почитай отца твоего и мать твою	—	—	—

ственных ценностей, культуры и исторической памяти» Стратегии. По этой причине наполнение ценностей в данных документах можно считать идентичным. Аксиологические связи между Основами и остальными документами целеполагания верхнего уровня представлены в *табл. 3*.

Только одна ценность из Основ («единство народов России») фигурирует во всех рассмотренных документах, три упомянуты в четырех из них, семь — в трех. Ценности коллективизма, созидательного труда и справедливости отражены в двух документах каждая, при этом они наполняются там неодинаковым содержанием, что делает их сопоставление во многом условным. «Достоинство» присутствует лишь в Стратегии государственной национальной политики, «милосердие» — в Основах государственной культурной политики, а ценность «жизнь» не нашла отражения ни в одном из документов целеполагания.

В то же время в этих документах представлен ряд ценностей, отсутствующих в Основах. Например, в трех документах идет речь о поддержке русского языка и о демократии, в двух — о свободе творчества и доступе к культурным ценностям. Встречаются упоминания о свободе передвижения, свободе совести и вероисповедания, неприкосновенности частной жизни, семейной и личной тайне, развитии науки и просвещения, доступе к достоверной информации. В Стратегии государственной национальной политики есть отсылки к конституционным ценностям федерализма, стабильного и суверенного развития; в Основах государственной культурной политики — к гармонизации развития регионов.

Что касается таких конституционных ценностей, как идеологическое многообразие, равноправие мужчин и женщин, личная неприкосновенность, неприкосновенность жилища, свобода мысли и слова, свобода собраний, свобода предпринимательства, здоровье, благоприятная окружающая среда и правовая защита, то каких-либо отсылок к ним обнаружить не удалось.

Проведенный анализ позволяет говорить о неполной гармонизации состава и содержания традиционных ценностей в документах целеполагания верхнего уровня. Зафиксировано также фрагментарное отражение в них ряда конституционных ценностей. Хотя полученные результаты не лишены погрешностей, обусловленных многозначностью используемых понятий, и могут быть уточнены в будущих исследованиях, симптоматично существование институциональных разрывов в правовом обеспечении традиционных ценностей.

Для более точного выявления степени интеграции традиционных ценностей в систему правовых норм полезно сопоставить их с национальными целями развития РФ. Результаты такого сопоставления приведены в *табл. 4*.

С традиционными ценностями могут быть соотнесены четыре из пяти национальных целей. При этом с индикаторами таких целей так или иначе сопоставимы все ценности из Основ, кроме ценности «Права

Таблица 3 Традиционные ценности в стратегических документах (начало)

<i>Основы</i>	<i>Доктрина информационной безопасности</i>	<i>Стратегия противодействия экстремизму</i>	<i>Стратегия государственной национальной политики</i>	<i>Основы государственной культурной политики</i>	<i>Стратегия развития информационного общества</i>
1	2	3	4	5	6
Права и свободы человека	Защита конституционных прав и свобод человека	—	Обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина	Защита прав и свобод человека	—
Патриотизм	—	Воспитание патриотизма, гражданской ответственности	Формирование патриотизма, гражданской ответственности	Поддержка фильмов, направленных на нравственное, гражданско-патриотическое развитие	—
Гражданственность					
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	Традиции защиты Отечества	—	—	Увеличение числа граждан, стремящихся жить и работать на родине	Продвижение российских стандартов, позволяющих обеспечить конкурентоспособность отечественных технологий
Высокие нравственные идеалы	—	Содействие духовно-нравственному развитию личности	Воспитание духовных и нравственных ценностей	Поддержка деятельности, направленной на сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей	Проведение мероприятий в области духовно-нравственного воспитания граждан
Крепкая семья	—	Организация досуга детей, семейного досуга	Возрождение семейных ценностей	Защита семейных ценностей и интересов детей	Обеспечение безопасной информационной среды для детей
Созидательный труд	—	—	Обеспечение прав трудовых мигрантов	—	Повышение производительности труда, эффективности производства

Таблица 3 Традиционные ценности в стратегических документах (окончание)

1	2	3	4	5	6
Приоритет духовного над материальным	—	Содействие духовно-нравственному развитию личности	Обеспечение духовного и культурного потенциала народа	Создание системы сохранения нематериального культурного наследия	—
Гуманизм	—	—	Повышение роли гуманитарного образования	Инвестиции в человека	Развитие гуманитарного значения интернета
Справедливость	Справедливое, основанное на принципах доверия управление интернетом	—	Реализация принципов социальной справедливости и равноправия граждан	—	—
Коллективизм	—	—	Мониторинг отношений в воинских коллективах; организация гастролей творческих коллективов	—	Граждане имеют возможность направить в электронной форме коллективные обращения
Взаимопомощь и взаимоуважение	—	—	Преимущество исторических традиций солидарности и взаимопомощи	Предоставление доступной педагогической и психологической помощи	Помощь в предупреждении угроз информационной безопасности
Историческая память и преемственность поколений	—	Сохранение исторической памяти		Передача от поколения к поколению традиционных ценностей и норм; сохранение традиционной народной культуры	Противодействие попыткам искажения исторических фактов
Единство народов России	Применение информационных технологий в интересах многонационального народа	Формирование общероссийской гражданской идентичности	Укрепление гражданского единства	Укрепление единства и сплоченности российского общества	Сохранение культуры и общероссийской идентичности народов

Таблица 4 Традиционные ценности и национальные цели развития

<i>Ценности из Основ</i>	<i>Национальная цель</i>	<i>Целевой показатель</i>	<i>Федеральный проект</i>	<i>Значение показателя к 2030 г.</i>
Жизнь	Сохранение населения, здоровье и благополучие людей	Повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет	Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни	Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни, — 14,5%
Достоинство	Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство	Обеспечение темпа устойчивого роста доходов населения и уровня пенсионного обеспечения не ниже инфляции	Единый план	Реальные располагаемые денежные доходы населения — 102,5% к предыдущему году
Созидательный труд		Обеспечение темпа роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового при сохранении макроэкономической стабильности	Единый план	Темп роста ВВП — 103%
Крепкая семья	Комфортная и безопасная среда для жизни	Улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно и увеличение объема жилищного строительства не менее чем до 120 млн м ² в год	Жилье	Количество семей, улучшивших жилищные условия, — 5 млн
		Формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся	Успех каждого ребенка	Индекс формирования эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи — 100%
Справедливость				

Взаимопомощь и взаимоуважение	Увеличение доли граждан, занимающихся волонтерской (добровольческой) деятельностью или вовлеченных в деятельность волонтерских (добровольческих) организаций, до 15%	Социальная активность	Общая численность граждан РФ, вовлеченных центрами (сообществами, объединениями) поддержки добровольчества (волонтерства) на базе образовательных организаций, НКО, государственных и муниципальных учреждений в добровольческую (волонтерскую) деятельность, — 20,6 млн чел.		
Гуманизм					
Милосердие	Возможности для самореализации и развития талантов	Патриотическое воспитание	Доля граждан, вовлеченных в систему патриотического воспитания, — 36%		
Патриотизм					
Гражданственность	Создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций	Творческие люди	Число посещений мероприятий, проведенных НКО и направленных на сохранение и развитие духовно-нравственных и культурных ценностей, — 2250 тыс.		
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу					
Приоритет духовного над материальным					
Высокие нравственные идеалы					
Историческая память и ответственность поколений					
Единство народов России					
Коллективизм				Цифровая культура	Охват молодежной аудитории интернет-контентом, направленным на укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей, — 8281 млн просмотров

и свободы человека» (то есть 16 из 17-ти). Некоторые ценности трудно однозначно связать с национальными целями, и они образуют своего рода блоки. Самый крупный их них соответствует национальной цели «Возможности для самореализации и развития талантов» и включает одиннадцать ценностей, соотносимых с пятью федеральными проектами. В частности, с целевым показателем «Создание условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов РФ, исторических и национально-культурных традиций» согласуются восемь ценностей в рамках трех федеральных проектов.

Вместе с тем нельзя не отметить, что установленные федеральными проектами показатели носят относительно частный и процедурный характер, и даже полная и своевременная их реализация не обеспечит сохранения и укрепления соответствующих ценностей. Можно предположить, что при формировании национальных целей и направленных на их развитие проектов традиционные ценности специально не анализировались.

Обсуждение

Исследование выявило следующие особенности ценностей из Основ и публичного их позиционирования.

1. *Секьюритизация ценностей*, которую отмечают многие авторы⁵⁵, ориентирована на стабильность, вследствие чего ценящие развитие граждане оказываются вне сферы влияния официального нарратива. При этом секьюритизация вписывается в общемировой тренд как своеобразная «реакция компенсации» на малопонятные массам социальные и технологические изменения⁵⁶. Копенгагенская школа трактует безопасность как искусственный конструкт, формируемый речевым поведением акторов и направленный на решение инструментальной задачи борьбы за полномочия⁵⁷. На наш взгляд, подобная интерпретация справедлива и в российском контексте.

2. Аксиологические исследования предлагают широкий спектр ценностей, претендующих на то, чтобы именоваться традиционными и российскими⁵⁸. Не все они отражены в Основах, а представленный там набор ценностей не обоснован. Некоторые ценности, по сути, дублируют друг друга (гуманизм и милосердие, патриотизм и гражданственность). В то же время в Основах отсутствуют такие значимые ценности, как мир, здоровье, правда, свобода, красота, творчество, наука, образование, природа. Ряд ценностей имеют спорные наименования, затрудняющие однозначное их понимание (приоритет духовного над материальным, высокие нравственные идеалы).

3. Ценности из Основ *недостаточно связаны с конституционными*. Налицо отсутствие конституционных эквивалентов для ценностей созидательного труда, приоритета духовного над материальным, коллективизма, гуманизма и милосердия⁵⁹. На наш взгляд, соответствия им в тексте Конституции найти можно, но в Основах остались неохва-

⁵⁵ См., напр. Østbo 2017.

⁵⁶ Loftus 2019.

⁵⁷ Бислер 2023: 277—278.

⁵⁸ Седаев, Устинкин и Кочкуров 2022; Харичев и др. 2022; Авицнова и Воронина 2023; Шатилов, Волхонская и Осинина 2023.

⁵⁹ Галашина и Богатырев 2022.

ченными конституционные ценности равенства, законности, конкуренции, свободы совести, безопасности.

4. Преемственность имманентна сути традиционных ценностей, однако ценности из Основ *слабо согласуются с положениями мировых религий*. По своему содержанию этот документ ближе к Моральному кодексу строителя коммунизма — своду моральных принципов, входившему в Третью программу и Устав КПСС, принятые в 1961 г. По нашим подсчетам, 92% пунктов Кодекса соответствуют ценностям из Основ. То есть их разработчики в меньшей степени воплощали подход мировых религий и в большей — советское представление о ценностях. Похоже, мы сталкиваемся в данном случае с практической реализацией теории дискурсивных коалиций Маартена Хайера, согласно которой общие сюжетные линии позволяют преодолевать идеологические различия⁶⁰. Здесь также справедливо заключение Святослава Каспэ: «Политическое использование традиции в высокой степени индифферентно к содержанию тех политических программ и курсов, защитой которых призвано служить»⁶¹.

⁶⁰ Edenborg 2021: 177—178.

⁶¹ Каспэ 2022: 21.

5. Основы отсылают к Федеральному закону «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Основам государственной политики в сфере стратегического планирования в РФ. Первый документ устанавливает такие принципы, как целостность, реалистичность, измеримость целей, преемственность⁶², которые в Основах проигнорированы. Второй требует ориентироваться на стратегические национальные приоритеты⁶³. Однако в ходе исследования выявлено *рассогласование Основ с документами целеполагания* верхнего уровня и национальными проектами. Это заставляет вспомнить слова Пола Робинсона о том, что «поворот к консерватизму лишь частично решает проблемы неопатримониализма, ибо не ставит внутренних трансформационных задач»⁶⁴.

⁶² Федеральный закон 2014: ст. 7.

⁶³ Основы государственной политики 2021: п. 3.

⁶⁴ Robinson 2020: 17.

6. В п. 8 Основ постулируется «осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности», в п. 27 упомянуты научно-аналитические инструменты осуществления политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, а п. 29 предусматривает мониторинг реализации Основ с использованием статистической информации и социологических исследований. В представленном виде *традиционные ценности не могут быть измерены и оценены*. Без выработки инструментария оценки выраженности ценностей действенная политика в области ценностей невозможна⁶⁵.

⁶⁵ Пушкарева 2022.

Заключение

Проведенное исследование является едва ли не первой попыткой институционального анализа официального набора традиционных ценностей РФ.

Анализируя оптимальность выбора традиционных ценностей, мы сопоставили их с ценностями Конституции РФ и выяснили, что,

с одной стороны, все они более или менее адекватно там отражены, но, с другой, значительная часть конституционных ценностей произвольно исключена разработчиками Основ из числа традиционных.

Соотнесение с базовыми моральными императивами мировых религий показало, что уровень их соответствия традиционным ценностям РФ составляет 41% для иудаизма, 35% для христианства, 18% для ислама и 47% для буддизма (в среднем 35%, то есть чуть более трети)⁶⁶. Сравнение, правда, проводилось лишь на уровне наиболее общих и специфических для каждой из конфессий правил, и при желании в священных текстах можно обнаружить эквиваленты для большего числа ценностей. И все же не вызывает сомнений, что российские традиционные духовно-нравственные ценности в большей мере ориентированы на светскую этику, нежели на постулаты мировых религий.

Рассмотрев уровень интеграции традиционных ценностей в документы целеполагания верхнего уровня, мы выяснили, что они полностью (на 100%) отвечают положениям Стратегии национальной безопасности РФ, на 77% — положениям Стратегии государственной национальной политики, на 65% — положениям Основ государственной культурной политики, на 53% — положениям Стратегии развития информационного общества в РФ, на 41% — положениям Стратегии противодействия экстремизму и на лишь 24% — положениям Доктрины информационной безопасности РФ (в среднем степень соответствия равна 60%). Отражение традиционных ценностей в национальных проектах номинально достигает 100%, однако напрямую эти ценности в них не упоминаются. Углубленный анализ продемонстрировал, что 71% всех ценностей соответствует одной национальной цели и пяти федеральным проектам, в которых заложены показатели, не позволяющие оценить реальный прогресс в сохранении и укреплении традиционных ценностей.

Конечно, к полученным результатам следует относиться с осторожностью, так как они базируются на тезаурусном анализе, имеющим серьезный субъективный компонент. Тем не менее можно с уверенностью говорить о наличии широкого поля для инкорпорации традиционных ценностей в нормативные документы, что является необходимым условием их имплементации в правоприменительную практику. В противном случае ценности останутся на уровне деклараций.

В завершение можно сформулировать ряд обобщающих выводов.

1. Ценностные установки и практики современного общества плюралистичны и носят во многом антагонистический характер. Следовательно, нормативная фиксация определенного набора ценностей может привести к конфликту правовой конструкции, выстроенной властью, с моральными практиками общества. Избежать этого позволило бы широкое общественное и экспертное обсуждение набора ценностей, что в данном случае не было сделано. Самое традиционное в Основах — не сами ценности, а способ их «дарования» общественности: сверху, без предварительного обсуждения и внятного разъяснения.

⁶⁶ Здесь и далее см. Приложение.

2. Как показывают исследования социологов, значительная часть россиян не ориентирована на традиционные ценности, поэтому их нормативное закрепление способно послужить не столько консолидации общества, сколько дальнейшей его поляризации. В связи с этим слабая интегрированность Основ с документами целеполагания и иными подзаконными актами, ослабляющая эффект от действий законодателя, может оказаться предпочтительнее последовательного и системного внедрения не конвенциональных для общества ценностей.

3. Фиксация социально значимых норм возможна только после детального и предметного изучения общественного мнения, лонгитюдных трендов, политических и экономических процессов, иных весомых факторов. Имеющиеся опросные методики выявления ценностей должны быть дополнены адекватным статистическим инструментарием их оценки, в том числе с применением искусственного интеллекта и больших данных. Современные тенденции «доказательного регулирования» не должны обходить стороной такую существенную для всего общества сферу, как политика в области ценностей.

Библиография

Авцинова Г.И. и Е.Ю.Воронина. (2023) «Трансформация ценностей в глобальном мире в эпоху цифровизации» // *PolitBook*, № 1: 46—57.

Бислер М.А. (2023) «Традиционные ценности как составляющая российской безопасности: исследование президентского дискурса 2012—2022 годов» // *Политическая наука*, № 2: 273—294.

Галяшина Е.И. и К.М.Богатырев. (2022) «Понятие „традиционные российские духовно-нравственные ценности“ в контексте обеспечения медиабезопасности в интернет-среде» // *Русский закон*, т. 75, № 10: 138—151.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. (2016) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (проверено 17.09.2023).

Карпич Ю.В. (2023) «Православие и консерватизм: политические установки религиозных россиян» // *Полития*, № 1 (108): 141—160. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-141-160.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-141-160.pdf) (проверено 17.09.2023).

Каспэ С. (2022) «В этом шкафу много скелетов: политическое использование традиции в современной России» // *Социологическое обозрение*, т. 21, № 1: 9—37. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2022/03/28/1795804487/SocOboz_21_1_9-37_Kaspe.pdf (проверено 17.09.2023).

Кропачев Н.М. и В.В.Архипов. (2023) «Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*, т. 14, № 2: 294—306. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/41589/1/01.pdf> (проверено 17.09.2023).

Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года. (2020) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (проверено 17.09.2023).

Основы государственной культурной политики. (2023) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (проверено 17.09.2023).

Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации. (2021) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (проверено 17.09.2023).

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. (2022) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (проверено 17.09.2023).

Попова О.В. и Н.В.Гришин. (2023) «Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов» // *Политическая наука*, № 2: 140—162.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации: О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства. (2012) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (проверено 17.09.2023).

Путин В.В. (1999) «Россия на рубеже тысячелетий» // *Независимая газета*, 30.12. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (проверено 17.09.2023).

Пушкарева Г.В. (2022) «Ценностное измерение публичной политики» // *Политическая наука*, № 3: 15—35.

Россия: сохраним и приумножим! Программный документ партии «Единая Россия». (2009) URL: <http://www.agitclub.ru/center/part/progr/edro2009.htm> (проверено 17.09.2023).

Седаев П.В., С.В.Устинкин и А.С.Кочкуров. (2022) «Традиционные ценности соборности и державности как одна из основ формирования российской государственности» // *Власть*, т. 30, № 4: 43—46.

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. (2018) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (проверено 17.09.2023).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (2015) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (проверено 17.09.2023).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (2021) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (проверено 17.09.2023).

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. (2020) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (проверено 17.09.2023).

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. (2015) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (проверено 17.09.2023).

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы. (2017) URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf> (проверено 17.09.2023).

Тихонова Н.Е. (2021) «Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства: эмпирический анализ» // *Политические исследования*, № 6: 155—170. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/6/Polis-2021-6-Tikhonova.pdf> (проверено 17.09.2023).

Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». (2014) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (проверено 17.09.2023).

Харичев А.Д., А.Ю.Шутов, А.В.Полосин и Е.Н.Соколова. (2022) «Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации)» // *Журнал политических исследований*, т. 6, № 3: 9—19. URL: <https://naukaru.ru/temp/13139fb730ab6c6065a89176fbc2ca8e.pdf> (проверено 17.09.2023).

Чернявский А.Г. (2021) «Право как регулятор отношений по поводу ценностей: теоретико-правовые аспекты» // *Государство и право*, № 1: 26—35.

Шатилов А.Б., З.И.Волхонская и Д.Д.Осинина. (2023) «Приоритетные ценности „генетического кода“ российской государственности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Политология*, т. 25, № 1: 97—112.

Шмитт К. (2000) *Политическая теология*. М.: Кучково поле.

Agadjanian A. (2017) «Tradition, Morality and Community: Elaborating Orthodox Identity in Putin's Russia» // *Religion, State and Society*, vol. 45, no. 1: 39—60.

De Silva P. (2016) *Environmental Philosophy and Ethics in Buddhism*. London: Palgrave Macmillan.

Diesen G. (2021) *Russian Conservatism: Managing Change under Permanent Revolution*. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield.

Edenborg E. (2021) «Anti-Gender Politics as Discourse Coalitions: Russia's Domestic and International Promotion of „Traditional Values“» // *Problems of Post-Communism*, vol. 70, no. 2: 175—184.

Laruelle M. (2016) «Russia as an Anti-Liberal European Civilization» // Kolstø P. and H.Blakkisrud, eds. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000—15*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 275—297.

Loftus S. (2019) *Insecurity and the Rise of Nationalism in Putin's Russia*. Cham: Palgrave Macmillan.

Moret R. (2021) «Religious Ethics and Empirical Ethics» // *Journal of Religious Ethics*, vol. 49, no. 1: 33—67.

Murayeva M. (2014) «Traditional Values and Modern Families: Legal Understanding of Tradition and Modernity in Contemporary Russia» // *Journal of Social Policy Studies*, vol. 12, no. 4: 625—638.

Østbø J. (2017) «Securitizing „Spiritual-Moral Values“ in Russia» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 3: 200—216.

Robinson P. (2020) «Russia's Emergence as an International Conservative Power» // *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no. 1: 10—37.

Rousselet K. (2020) «Dukhovnost' in Russia's Politics» // *Religion, State and Society*, vol. 48, no. 1: 38—55.

Stepanova E.A. (2023) «„Everything Good against Everything Bad“: Traditional Values in the Search for New Russian National Idea» // *Zeitschrift für Religion. Gesellschaft und Politik*, vol. 7, no. 1: 97—118.

Warner S., P.R.Brown, and L.Cherney. (2021) «Public Values in Pluralistic and Complex Settings — Are Agonistic Ideas the Answer?» // *International Journal of Public Administration*, vol. 44, no. 10: 857—866.

Wilkinson C. (2014) «Putting „Traditional Values“ into Practice: the Rise and Contestation of Antihomopropaganda Laws in Russia» // *Journal of Human Rights*, vol. 13, no. 3: 363—379.

ПОЛИТИКА

G.A.Borshchevskiy

TRADITIONAL RUSSIAN VALUES: INSTITUTIONAL ANALYSIS

George A. Borshchevskiy — Doctor of Political Science; State Advisor of the Russian Federation; Professor at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: ga.borshchevskiy@igsu.ru.

Abstract. The article presents the results of an institutional study of the official Russian narrative about traditional values, which is aimed at identifying the degree of their integration into the system of legal norms. Using methods of comparative legal, thesaurus and content analysis, as well as the analogy method, the author attempts to assess the optimality of the choice of traditional values in Russia from the point of view of constitutional norms and postulates of the world religions and determine to what extent these values are incorporated into the documents of political goal-setting. The author treats as traditional the values recorded in the “Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values” approved by the presidential decree in 2022, and compares them with the values of the Constitution, the basic moral imperatives of Christianity, Islam, Buddhism, and Judaism, as well as with the values outlined in the strategic documents and national development goals of the Russian Federation.

The study shows that the officially declared traditional spiritual and moral values do not fully coincide with the constitutional ones and, at the same time, are more focused on secular ethics than on the principles of the world religions. Simultaneously, the author reveals their inconsistency with the top-level goal-setting documents and national projects. According to the author, in the current conditions, such a discrepancy, which weakens the effect of a legislator's actions, may be preferable to the consistent and systematic introduction of values with their conventionality being questionable. Revealing socially significant norms is possible only after conducting a detailed and substantive study of public opinion, longitudinal trends, political and economic processes. Otherwise, normative entrenchment can cause further polarization of the society rather than its consolidation.

Keywords: traditional values, ideology, conservatism, strategic planning, civic identity

References

- Agadjanian A. (2017) "Tradition, Morality and Community: Elaborating Orthodox Identity in Putin's Russia" // *Religion, State and Society*, vol. 45, no. 1: 39–60.
- Avtsinova G.I. and E.Yu.Voronina. (2023) "Transformatsija tsennostej v global'nom mire v epokhu tsifrovizatsii" [Transformation of Values in the Global World in the Era of Digitalization] // *PolitBook*, no 1: 46–57. (In Russ.)
- Bisler M.A. (2023) "Traditsionnye tsennosti kak sostavljajushchaja rossijskoj bezopasnosti: issledovanie prezidentskogo diskursa 2012–2022 godov" [Traditional Values as a Component of Russian Security: A Study of Presidential Discourse in 2012–2022] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 2: 273–294. (In Russ.)
- Chernyavsky A.G. (2021) "Pravo kak reguljator otnoshenij po povodu tsennostej: teoretiko-pravovye aspekty" [Law as a Regulator of Relations about Values: Theoretical and Legal Aspects] // *Gosudarstvo i parvo* [State and Law], no. 1: 26–35. (In Russ.)
- De Silva P. (2016) *Environmental Philosophy and Ethics in Buddhism*. London: Palgrave Macmillan.
- Diesen G. (2021) *Russian Conservatism: Managing Change under Permanent Revolution*. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield.
- Doktrina natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii* [Information Security Doctrine of the Russian Federation]. (2016) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)
- Edenborg E. (2021) "Anti-Gender Politics as Discourse Coalitions: Russia's Domestic and International Promotion of „Traditional Values“" // *Problems of Post-Communism*, vol. 70, no. 2: 175–184.
- Federal'nyj zakon ot 28.06.2014 g. No. 172-FZ "O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federatsii"* [Federal Law No. 172-FZ of June 28,

2014 “On Strategic Planning in the Russian Federation”]. (2014) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Galyashina E.I. and K.M.Bogatyrev. (2022) “Ponjatie „traditsionnye rossijskie dukhovno-nravstvennye tsennosti“ v kontekste obespechenija mediabezopasnosti v internet-srede” [The Concept of “Traditional Russian Spiritual and Moral Values” in the Context of Ensuring Media Security on the Internet] // *Russkij zakon* [Lex Russica], vol. 75, no. 10: 138—151. (In Russ.)

Karpich Yu.V. (2023) “Pravoslavie i konservatizm: politicheskie ustanovki religioznykh rossijan” [Orthodoxy and Conservatism: Political Attitudes of Religious Russians] // *Politeia*, no. 1 (108): 141—160. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1\(108\)-Pages-001-210-141-160.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2023-1(108)-Pages-001-210-141-160.pdf) (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Kaspe S. (2022) “V etom shkafu mnogo skeletov: politicheskoe ispol'zovanie traditsii v sovremennoj Rossii” [Many Skeletons in This Closet: The Political Use of Tradition in Modern Russia] // *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], vol. 21, no. 1: 9—37. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2022/03/28/1795804487/SocOboz_21_1_9-37_Kaspe.pdf (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Kharichev A.D., A.Yu.Shutov, A.V.Polosin, and E.N.Sokolova. (2022) “Vosprijatie bazovykh tsennostej, faktorov i struktur sotsial'no-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovanij i aprobatsii)” [Perception of Basic Values, Factors and Structures of Socio-Historical Development of Russia (Based on Research and Testing Materials)] // *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Political Research], vol. 6, no. 3: 9—19. URL: <https://naukaru.ru/temp/13139fb730ab6c6065a89176fbc2ca8e.pdf> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Kropachev N.M. and V.V.Arhipov. (2023) “Traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti v kontekste tsifrovoj transformatsii obshchestva: teoretiko-pravovye aspekty” [Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of Digital Transformation of Society: Aspects of Legal Theory] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Vestnik of Saint Petersburg University. Law], vol. 14, no. 2: 294—306. URL: <https://dspace.spbu.ru/bitstream/11701/41589/1/01.pdf> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Laruelle M. (2016) “Russia as an Anti-Liberal European Civilization” // Kolstø P. and H.Blakkisrud, eds. *The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000—15*. Edinburgh: Edinburgh University Press: 275—297.

Loftus S. (2019) *Insecurity and the Rise of Nationalism in Putin's Russia*. Cham: Palgrave Macmillan.

Moret R. (2021) “Religious Ethics and Empirical Ethics” // *Journal of Religious Ethics*, vol. 49, no. 1: 33—67.

Murayeva M. (2014) “Traditional Values and Modern Families: Legal Understanding of Tradition and Modernity in Contemporary Russia” // *Journal of Social Policy Studies*, vol. 12, no. 4: 625—638.

Natsional'nye tseli razvitiya Rossijskoj Federatsii na period do 2030 goda [National Development Goals of the Russian Federation for the Pe-

riod up to 2030]. (2020) URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63728> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Osnovy gosudarstvennoj kul'turnoj politiki [Fundamentals of State Cultural Policy]. (2023) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Osnovy gosudarstvennoj politiki po sokhraneniju i ukrepleniju traditsionnykh rossijskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostej [Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values]. (2022) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Osnovy gosudarstvennoj politiki v sfere strategicheskogo planirovaniya v Rossijskoj Federatsii [Fundamentals of State Policy in the Field of Strategic Planning in the Russian Federation]. (2021) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Østbø J. (2017) “Securitizing „Spiritual-Moral Values“ in Russia” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 3: 200–216.

Popova O.V. and N.V.Grishin. (2023) “Politicheskaja identichnost' rossijskoj molodezhi v samoosenkakh i otsenkakh ekspertov” [Political Identity of Russian Youth in Self-Assessments and Experts' Assessments] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 2: 140–162. (In Russ.)

Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federatsii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federatsii: O polozhenii v strane i osnovnykh napravlenijakh vnutrennej i vneshnej politiki gosudarstva [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation: On the Situation in the Country and the Main Directions of Domestic and Foreign Policy of the State]. (2012) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Pushkareva G.V. (2022) “Tsennostnoe izmerenie publichnoj politiki” [Value Measuring Public Policy] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 15–35. (In Russ.)

Putin V.V. (1999) “Rossija na rubezhe tysjacheletij” [Russia at the Turn of the Millennium] // *Nezavisimaya gazeta*, 30.12. URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Robinson P. (2020) “Russia’s Emergence as an International Conservative Power” // *Russia in Global Affairs*, vol. 18, no. 1: 10–37.

Rossija: sokhranim i priumnozhim! Programmnyj dokument partii “Edinaja Rossija” [Russia: We Will Save and Multiply! Program Document of the United Russia Party]. (2009) URL: <http://www.agitclub.ru/center/part/progr/edro2009.htm> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Rousselet K. (2020) “Dukhovnost' in Russia’s Politics” // *Religion, State and Society*, vol. 48, no. 1: 38–55.

Schmitt C. (2000) *Politicheskaja teologija* [Politische Theologie]. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russ.)

Sedayev P.V., S.V.Ustinkin, and A.S.Kochkurov. (2022) “Traditsionnye tsennosti sobornosti i derzhavnosti kak odna iz osnov formirovaniya rossijskoj gosudarstvennosti” [Traditional Values of Conciliarity and Sovereignty as One

of the Foundations for the Formation of Russian Statehood] // *Vlast'* [The Authority], vol. 30, no. 4: 43—46. (In Russ.)

Shatilov A.B., Z.I.Volkhonskaya, and D.D.Osinina. (2023) “Prioritetnye tsennosti „geneticheskogo koda“ rossijskoj gosudarstvennosti” [Priority Values of the “Genetic Code” of the Russian Statehood] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Politologija* [RUDN Journal of Political Science], vol. 25, no. 1: 97—112. (In Russ.)

Stepanova E.A. (2023) “„Everything Good against Everything Bad“: Traditional Values in the Search for New Russian National Idea” // *Zeitschrift für Religion. Gesellschaft und Politik*, vol. 7, no. 1: 97—118.

Strategija gosudarstvennoj natsional'noj politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda [Strategy of the State National Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025]. (2018) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Strategija natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii [National Security Strategy of the Russian Federation]. (2015) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Strategija natsional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federatsii [National Security Strategy of the Russian Federation]. (2021) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Strategija protivodejstvija ekstremizmu v Rossijskoj Federatsii do 2025 goda [Strategy of Countering Extremism in the Russian Federation until 2025]. (2020) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45555> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Strategija razvitija informacionnogo obshchestva v Rossijskoj Federatsii na 2017—2030 gody [Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017—2030]. (2017) URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Strategija razvitija vospitanija v Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda [Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the Period up to 2025]. (2015) URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Tikhonova N.E. (2021) “Dinamika predstavlenij rossijan o sootnoshenii interesov individa i gosudarstva: empiricheskij analiz” [Perceptions of the Relationship between the Individual and State Interests: an Empirical Analysis of Dynamics] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 155—170. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/6/Polis-2021-6-Tikhonova.pdf> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Warner S., P.R.Brown, and L.Cherney. (2021) “Public Values in Pluralistic and Complex Settings — Are Agonistic Ideas the Answer?” // *International Journal of Public Administration*, vol. 44, no. 10: 857—866.

Wilkinson C. (2014) “Putting „Traditional Values“ into Practice: the Rise and Contestation of Antihomopropaganda Laws in Russia” // *Journal of Human Rights*, vol. 13, no. 3: 363—379.

Место традиционных ценностей в системе норм и социальных практик

	Религии				Нормативные акты							
	Иудаизм	Христианство	Ислам	Буддизм	Конституция	Стратегия национальной безопасности	Доктрина информационной безопасности	Стратегия противодействия экстремизму	Стратегия государственной национальной политики	Основы государственной культурной политики	Стратегия развития информационного общества	Нацпроекты
<i>Ценности из Основ</i>												
Жизнь	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+
Достоинство	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
Права и свободы человека	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
Патриотизм	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
Гражданственность	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
Служение Отечеству и ответственность за его судьбу	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
Высокие нравственные идеалы	+	+	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+
Крепкая семья	+	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+
Созидательный труд	-	-	-	+	+	+	-	-	-	-	-	+
Приоритет духовного над материальным	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+
Гуманизм	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+
Милосердие	-	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+
Справедливость	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	+
Коллективизм	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
Взаимопомощь и взаимоуважение	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
Историческая память и преемственность поколений	+	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
Единство народов России	-	-	-	-	+	+	-	-	-	-	-	+
Уровень соответствия, %	41	35	18	47	100	100	24	41	77	65	53	100

М.О.Шибкова, А.С.Гулюки
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ
В РЕГИОНЕ
БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Мария Олеговна Шибкова — кандидат политических наук, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России. Для связи с автором: m.shibkova@inno.mgimo.ru.

Алина Сергеевна Гулюки — бакалавр зарубежного регионоведения МГИМО МИД России. Для связи с автором: a.guliuki@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена определению места Большого (или, в итальянской версии, расширенного) Средиземноморья в современной внешнеполитической доктрине Италии. В теоретической части исследования представлен комплексный анализ концепта «Большое Средиземноморье» посредством последовательного рассмотрения его интерпретаций в качестве макрорегиона, комплекса региональной безопасности, пространства-времени (месторазвития) и подсистемы международных отношений (международно-политического региона). Практическую часть открывает экскурс в историю проникновения данного понятия в итальянскую политическую мысль, показывающий, что оно претерпело существенную эволюцию. Первые попытки посмотреть на Средиземноморье вне его географических пределов были связаны с противостоянием Великобритании и поиском теоретических обоснований «оборонительного империализма» режима Муссолини. В годы холодной войны расширенное Средиземноморье рассматривалось как территория, от которой непосредственно зависит национальная безопасность Италии.

Становление геополитической концепции расширенного Средиземноморья в ее нынешнем виде приходится на 1980-е годы. Первоначально соответствующее понятие использовалось преимущественно в экспертных разработках, но во втором десятилетии XXI в. оно получило закрепление в военно-стратегических документах страны, все чаще заменяя собой формулировку «Европейско-Средиземноморский регион». Расширенное Средиземноморье трактуется в этих документах как приоритетная зона национальных стратегических интересов, геополитическое пространство, где Италия должна играть ведущую роль в борьбе с вызовами и угрозами, а также в на-

лаживании сотрудничества с региональными игроками. Однако такое позиционирование Рима сопряжено со сложностями как экономического, так и политического характера, в том числе связанными с членством страны в ЕС и НАТО.

Ключевые слова: Большое Средиземноморье, Италия, внешняя политика, региональный комплекс безопасности, Европейский союз

**Интерпретации
концепта
«Большое Среди-
земноморье»**

На средиземноморском направлении своей внешней политики Италия опирается на концепт *расширенного Средиземноморья* (*Mediterraneo allargato*), что является италоязычной версией общеизвестного *Greater Mediterranean*, или *Большого Средиземноморья*. В связи с этим на данном понятии следует остановиться подробнее. В целом Большое Средиземноморье не имеет однозначной дефиниции, это социальный конструкт, чье содержательное наполнение во многом зависит от задач, которые ставит перед собой тот, кто его использует. В одних случаях оно трактуется как макрорегион, в других — как комплекс региональной безопасности, в третьих — как пространство-время (месторазвитие), в четвертых — как подсистема международных отношений (международно-политический регион).

В известной мере Большое Средиземноморье подпадает под определение, которое на разных этапах российские ученые давали понятию «регион». Так, Артем Мальгин называет регионом «совокупность явлений международной жизни, протекающих в определенных территориально-временных координатах и объединенных общей логикой таким образом, что эта логика и координаты ее существования являются взаимообусловленными»¹. Энрид Алаев характеризует его как «территорию (геоторию), по совокупности насыщающих ее элементов отличающуюся от других территорий и обладающую единством, взаимосвязанностью составляющих элементов, целостностью, причем эта целостность — объективное условие и закономерный результат развития данной территории»². В свою очередь Алексей Воскресенский утверждает, что регион — это «определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаками наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в специфической однородности географических, природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию»³. Применительно к Большому Средиземноморью стоит уточнить, что оно относится к категории трансконтинентальных макрорегионов⁴, поскольку его границы пересекают сразу два материка — Евразию и Африку.

Важно, однако, отметить, что попытки установить набор параметров, которые бы объединяли образующие этот макрорегион страны и,

¹ Торкунов и Мальгин (ред.) 2012: 106.

² Алаев 1983: 67.

³ Воскресенский (ред.) 2002: 5.

⁴ Окунев 2019: 51.

соответственно, служили основанием для его выделения в качестве самостоятельного и объективно существующего феномена, пока не увенчались успехом. В частности, математический анализ политических, экономических, демографических, социальных и культурно-ценностных индикаторов говорит о наличии не некоего единого большого кластера, а скорее нескольких отдельных, примыкающих друг к другу по периметру Средиземного моря⁵.

⁵ *Окунев и Захарова 2022: 33.*

Но, несмотря на явную гетерогенность и фрагментированность пространства Большого Средиземноморья, входящие в него страны «стягивает» географическая близость, исторические отношения сотрудничества и соперничества, взаимодействие и взаимовлияние культур⁶, а также общие проблемы развития и безопасности. Последние дают возможность говорить о Большом Средиземноморье как о комплексе региональной безопасности в том смысле, который вкладывается в это понятие в теории, разработанной Барри Бузаном совместно с Оле Вейвером и Япом де Уайлдом⁷, то есть как о «группе акторов, чьи процессы секьюритизации и/или десекуритизации переплетены настолько плотно, что вопросы, связанные с их безопасностью, не могут быть

⁶ *Там же: 35.*

⁷ *Buzan, Waever, and Wilde 1998.*

⁸ *Buzan and Waever 2003: 44.*

адекватно проанализированы или решены в отрыве друг от друга»⁸. Однако если Бузан, Вейвер и де Уайлд в качестве оснований для идентификации такого комплекса рассматривают в первую очередь паттерны дружественности/враждебности между входящими в него акторами и потому относят средиземноморские страны к двум разным комплексам — Европейскому и Ближневосточному, то Яннис Стивахтис обращается к более широкому кругу факторов, принципиальных для национальной безопасности, что позволяет ему выделить Средиземноморье в самостоятельный комплекс. В частности, речь идет о таких факторах, как внутренняя нестабильность (политическая и экономическая) формирующих регион стран и сопряженные с ней проблемы — экстремизм, радикализм, терроризм, распространение оружия, культурная и религиозная нетерпимость, незаконная миграция, торговля людьми и т.д.⁹ Наличие же в регионе государств, способных проецировать свою мощь за его пределы (Франция, Израиль, Турция), указывает на его принадлежность к комплексам безопасности верхнего уровня¹⁰, а присутствие великих держав зачисляет в разряд тех, что имеют существенное значение для обеспечения безопасности и на глобальном уровне¹¹.

⁹ *Stivachtis 2021: 427.*

¹⁰ *Ibid.: 423.*

¹¹ *Агазаде 2021: 437.*

Макрорегион Большого Средиземноморья является предметом изучения в целом ряде научно-исследовательских центров, причем не только в охватываемых им, но и в географически удаленных от него странах. Это, например, Институт средиземноморских исследований в Пусанском университете (Республика Корея) и в Университете Васэда (Япония) и Исследовательский центр по изучению древнего Средиземноморья Университета Ла Троба (Австралия). Схожие экспертно-аналитические структуры имеются также в США и Канаде¹².

¹² *Clement 2012.*

При этом в международном научном сообществе отсутствует единый подход к проведению границ региона. Так, бóльшая часть запад-

ных исследователей понимает под Большим Средиземноморьем прежде всего Южную Европу, Ближний Восток и Северную Африку, в то время как российские авторы считают неотъемлемой его частью Черноморский регион, Кавказ и бассейн Каспийского моря. Расхождения связаны и с самим термином «Большое Средиземноморье», который в русскоязычной литературе употребляется чаще, чем *Greater Mediterranean* в англоязычной, где предпочтение отдается более привычной сокращенной версии — *Mediterranean*. Именно эта версия фигурирует в названиях упомянутых выше зарубежных исследовательских центров, тогда как аналогичная структура, созданная несколько лет назад в Севастопольском государственном университете, именуется Научно-образовательным центром политических и международных исследований *Большого Средиземноморья*¹³.

¹³ Чихарев и Ярмач 2019: 106.

При всем разнообразии подходов у большинства мировых аналитических центров есть общая черта: включение в рамки региона более широкой совокупности стран, нежели те, которые непосредственно омываются Средиземным морем (что лишний раз подтверждает оправданность использования понятия «Большое Средиземноморье»). К примеру, Европейский институт Средиземноморья в Испании учитывает Западные Балканы, в том числе удаленные от побережья Сербию, Северную Македонию и Косово, а ежегодно проводимая международная конференция «Средиземноморские диалоги» — страны Сахеля и Персидского залива¹⁴. В свою очередь в сферу изучения Средиземноморского института региональных исследований в Ираке целиком попадают Африканский континент и Азия, а также деятельность в регионе России и США¹⁵.

¹⁴ URL: <https://med.ispionline.it>.

¹⁵ URL: <https://www.mirs.co/policy-part.aspx?type=1>.

Новое прочтение понятия «регион», а вместе с ним и концепта Большого Средиземноморья было предложено Михаилом Ильиным и Владимиром Нечаевым. В их интерпретации любой регион — это «пространственно-временное образование, или месторазвитие, соединяющее земные (гео- и биосферные) миры... с человеческими мирами, социальными и геополитическими порядками... в едином пространстве-времени на разных уровнях и в разных масштабах»¹⁶. Таким многомерным комплексным феноменом им видится и Большое Средиземноморье.

¹⁶ Ильин и Нечаев 2022: 14.

Согласно Ильину и Нечаеву, более мелкие месторазвития в совокупности с подобными им более крупными образуют особую фрактальную структуру¹⁷. В полном соответствии с этим регион Большого Средиземноморья представляет собой «сложное единство напластований разных времен и пространств»¹⁸. Но накопленные культурные слои не есть нечто полностью застывшее, они «разворачиваются и пульсируют в эволюции, истории и современности», «воздействуя и на становящиеся ныне явления, и на будущее»¹⁹.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же: 9.

¹⁹ Там же: 10—11.

Таким образом, если в рамках традиционного «плоскостного» регионализма регион трактуется как некоторое пространство с четкими границами в избранный период времени, то с позиции комплексного

регионоведения, предлагаемого авторами, это «динамический феномен длительности (*durée*) безгранично расширяющегося (выходящего из себя) и сжимающегося (углубляющегося в себя) единого пространства-времени»²⁰. Вместо того чтобы сводить Большое Средиземноморье к «плоской проекции узкого географического, политического, экономического, демографического или иного свойства»²¹, Ильин и Нечаев выступают за его разномасштабное и разностороннее изучение с привлечением большого числа дисциплин.

²⁰ Там же: 19.

²¹ Там же: 9.

Наконец, Большое Средиземноморье может рассматриваться как региональная подсистема международных отношений, или «совокупность специфических взаимодействий подсистемного типа, в основе которых лежит общая регионально-географическая, социально-историческая и политико-экономическая принадлежность»²². Ввиду заметных различий в уровне развития и геополитическом влиянии стран региона эта подсистема носит асимметричный характер. «Водораздел» в ней проходит по линии Север—Юг: к Северному Средиземноморью относятся страны Южной Европы или, шире, всего Европейского союза, к Южному — прибрежные страны Северной Африки и Ближнего Востока.

²² Воскресенский (ред.) 2022: 149.

**Происхождение
и эволюция
концепта
расширенного
Средиземноморья
в итальянском
политическом
дискурсе**

Хотя сам термин *Mediterraneo allargato* появился лишь в 1980-е годы, тенденция смотреть шире традиционного «географического» Средиземноморья прослеживается в итальянской геополитической мысли еще с первых десятилетий XX в. Одной из важных предпосылок для ее появления послужило завершение во второй половине XIX в. строительства Суэцкого канала, в результате чего Средиземное море приобрело статус открытого, связывающего Атлантический и Индийский океаны. При этом, как и сегодня, открытый характер моря не только расширял возможности Италии, но и бросал ей серьезный вызов, сделав регион объектом повышенного внимания со стороны внешних держав.

В 20—40-е годы прошлого столетия в Италии силами интеллектуальной элиты шло становление национальной геополитической школы. Ее адепты, преимущественно географы (Эрнесто Масси, Джорджио Ролетто, Паоло д'Агостино Орсини, Луиджи де Марчи и др.), объявили Средиземноморье «жизненным пространством» Италии, где ей как наследнице двух империй, ядру мирового католицизма и центральной державе в регионе суждено быть доминантой. В их понимании Италии предстояло сформировать вокруг себя автаркичный геополитический блок, включающий в себя северо-восток Африки, Машрик, противоположный берег Адриатики с Далмацией и Албанией, Ниццу, Савойю, Корсику и Мальту²³. Проекты «Mare Nostrum» (Наше море) и «Евроафрика» ложились на благодатную почву ирредентистских настроений, получивших распространение в итальянском обществе еще в эпоху Рисорджименто и усилившихся после «изувеченной победы» (*vittoria mutilata*) в Первой мировой войне.

²³ Шепелев 2017: 331.

На пути законного, в глазах итальянских геополитиков, расширения страны в Средиземноморье стояла Великобритания, главный, наряду с Францией, бенефициар Версальско-Вашингтонской системы, получивший контроль над основными морскими проходами — Гибралтаром и Суэцем. Национальная геополитическая школа делала акцент на том, что, в противовес Великобритании, чей интерес к Средиземноморью вызван исключительно соображениями транзита и ресурсов, Италия видит в нем единое самобытное пространство (то, что Фернан Бродель позднее назовет Средиземноморским миром²⁴) и потому стремится выстроить «теплые отношения» с прибрежными народами²⁵.

²⁴ Braudel 1949.

²⁵ Шенелев 2017: 334.

Наработки итальянских геополитиков почти не оказывали влияния на внешнеполитический курс Бенито Муссолини, выступая скорее оправданием экспансионизма дуче (оккупация Корфу, завоевание Эфиопии, основание колоний Эритрея и Сомали на Африканском Роге, агрессия против Албании, ведение «параллельной войны» вместе с нацистской Германией), нежели руководством к действию.

После установления в Италии республиканского строя геополитика как наука на несколько десятилетий была предана забвению, а на ее классиков легла тень идеологической ангажированности. Тем не менее многие из выдвинутых ими принципов, если рассматривать их в очищенном от симпатий к фашизму виде, справедливы и для нынешней Италии, так как детерминированы не изменчивой политической конъюнктурой, а относительно устойчивыми категориями, такими как географическое положение, баланс сил, суверенитет и т.д. В частности, речь идет о концепции «оборонительного империализма» Масси, увязывающей тренд на расширение зоны итальянского присутствия с императивом национальной безопасности²⁶.

²⁶ Del Monte 2022.

В годы холодной войны роль Италии в Средиземноморском регионе сводилась главным образом к обеспечению безопасности южного фланга НАТО перед лицом угрозы, исходившей от стран Варшавского договора. Это объяснялось среди прочего тем, что Италия находилась на границе между западным и восточным блоками, занимая при этом выгодное центральное положение в Средиземном море. Не случайно именно итальянские города были выбраны для размещения штаб-квартир командования союзными силами в Южной Европе (Неаполь), а также военно-воздушного (Флоренция, позднее Виченца), морского (Неаполь) и наземного (Верона) командования²⁷.

²⁷ NATO in Italy 2019.

Хотя евроатлантизм неизменно оставался непреложным приоритетом для Италии, стремившейся избежать маргинализации внутри Североатлантического альянса, итальянские политические и военные круги осознавали, что Италия должна проводить самостоятельную политику на средиземноморском направлении. Этот императив обуславливался прежде всего тем, что для Италии, чья экономика строилась (и строится) на переработке импортного сырья, поставляемого на полуостров главным образом по воде, свобода судоходства в Средиземном море всегда имела стратегическое значение. Подрывавшая эту свободу

внутренняя нестабильность в регионе в форме вооруженных конфликтов, терроризма, пиратства ставила под угрозу безопасность страны и ее граждан, требуя активной вовлеченности итальянской дипломатии в решение возникающих проблем в свойственной ей манере посредника и миротворца. Кроме того, ввиду зависимости итальянской экономики от зарубежных поставок энергоносителей ее интересам отвечало подержание партнерских отношений с ключевыми экспортерами, такими как арабские страны — члены ОПЕК, особенно с учетом их возросшего влияния, которое продемонстрировал энергетический кризис 1970-х годов. Наиболее яркими проявлениями самостоятельности Италии на средиземноморском направлении стали экономическая дипломатия главы энергетического холдинга ENI Энрико Маттеи, бросившего вызов «семи сестрам» — доминировавшему на мировом нефтяном рынке картелю из семи крупнейших компаний²⁸, а также события на Сигонелле (октябрь 1985 г.) и Лампедузе (апрель 1986 г.)²⁹.

²⁸ *Зонова 2016:*
206—207.

²⁹ *Там же:*
234—235.

³⁰ *Zampieri 2019.*

Возможность проведения подобного курса была связана, наряду с прочим, с увеличившейся мощью национального флота, модернизированного после принятия в 1975 г. Морского закона (*Legge Navale*)³⁰. Впоследствии ВМФ Италии показал свою эффективность уже за пределами Гибралтара и Суэца, приняв в 1979 г. участие в операции по спасению вьетнамских беженцев в Южно-Китайском море и присоединившись в 1982 г. к Многонациональным силам и наблюдателям на Синае в Тиранском проливе³¹.

³¹ *Ramoino 2012:*
74.

Новые реалии требовали переосмысления прежней итальянской геополитической концепции, на смену которой и пришел концепт расширенного Средиземноморья. Сам этот термин был введен в оборот в начале 1980-х годов контр-адмиралом Пьером Паоло Рамоино, преподававшим курс морской стратегии в Институте морской войны в Ливорно³². В разработку концепта внесли вклад и внешние эксперты, в том числе историк Джорджо Джорджерини и замминистра обороны Карло Мария Санторо³³. Понятие получило закрепление в стратегических документах итальянских военных ведомств в значении «лимитированного географического пространства, в отношении которого военно-морскому флоту Италии надлежит иметь четкое видение»³⁴. Со временем его стали все чаще использовать в политических и дипломатических кругах для обозначения зоны прямых национальных интересов Республики.

³² *Sapienza 2021: 4.*

³³ *Ibid.: 19.*

³⁴ *Ramoino 1999:*
42.

В первоначальной трактовке расширенное Средиземноморье было ограничено с запада меридианом, проходящим через Канарские острова, с востока — меридианом, пересекающим Аравийское море, охватывая, таким образом, Гвинейский залив, Сахель, Африканский рог, Ближний Восток и Персидский залив³⁵. Однако границы региона оставались подвижными и зависели от текущих политических задач и возможностей страны³⁶. Уже на рубеже веков сотрудники Института морской войны Роберто Домини, Франческо Дзампери и Андреа Лирорси сформулировали концепт «за пределами расширенного Сре-

³⁵ *La Spina 2022.*

³⁶ *Di Cecco 2004:*
30.

земноморья» (oltre il Mediterraneo allargato), предполагавший смещение границ региона дальше в сторону Латинской Америки и Индийского океана³⁷. В 2002 г. этот концепт нашел отражение в Морской доктрине Италии. Не так давно Марцио Праттеллези из Центра геополитических исследований и морской стратегии высказался за переход к концепту бесконечного Средиземноморья (Infinito Mediterraneo) — от Исландии до Антарктиды и от Южной Америки до Юго-Восточной Азии, — позволяющему преодолеть ограничения предыдущих версий³⁸. По мысли Праттеллези, такое видение в большей степени соответствует актуальному положению Италии как средней региональной державы с глобальными экономическими интересами и учитывает новые обстоятельства, например потепление в Арктике³⁹.

Как и конструкт Большого Средиземноморья в целом, его итальянская версия не лишена изъянов. Так, остается открытым вопрос об автономности действий Италии внутри региона, учитывая его частичное совпадение с зоной ответственности НАТО и ЕС и ограниченный потенциал страны, не позволяющий гарантировать повсеместное присутствие ее военно-морских сил. Дополнительные трудности связаны с неготовностью стран региона признать себя его частью и отсутствием у них соответствующей идентичности⁴⁰.

Географический принцип полностью оправдывает себя и при анализе внешней политики Италии: центральное место в программных документах страны отведено Средиземноморью. Поскольку в Италии не принято утверждать единую Концепцию внешней политики или Стратегию национальной безопасности, этот вывод базируется на изучении сразу нескольких официальных источников.

В 2022 г. итальянское Министерство обороны опубликовало три документа, где обозначило ключевые направления деятельности военного аппарата и распределения бюджетных средств на ближайшие три года: Директиву о национальной военной политике⁴¹, Руководящий закон о запуске интегрированного цикла стратегического планирования и формирования проекта бюджета⁴² и Стратегию безопасности и обороны для Средиземноморья⁴³. Эти документы легли в основу изданной позднее Концепции обороны на 2022—2024 гг.⁴⁴

В отличие от других документов, выпускаемых оборонным ведомством с четко установленной периодичностью, Стратегия безопасности и обороны для Средиземноморья представляет собой обновленную версию действовавшей до этого Стратегии обороны для Средиземноморья⁴⁵. Уже сам факт пересмотра Стратегии дает основания говорить об изменениях в подходе итальянского руководства к региону. В частности, заметно, как начиная с 2019 г., а именно с назначения на пост министра обороны Лоренцо Гуэрини, понятие «расширенное Средиземноморье»⁴⁶ выходит в программных документах на первый план, все чаще заменяя собой формулировку «Европейско-Средиземноморский

³⁷ Poddighe 2020.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Intervista 2021.

⁴⁰ Ramoino 2020.

⁴¹ Ministero della Difesa 2022b.

⁴² Ministero della Difesa 2021a.

⁴³ Ministero della Difesa 2022d.

⁴⁴ Ministero della Difesa 2022c.

⁴⁵ Mazzotti Di Celso 2022.

Расширенное Средиземноморье в итальянских стратегических документах

⁴⁶ К расширенному Средиземноморью Министерство обороны Италии относит континентальную Европу, включая Балканы и акваторию Черного моря, Ближний Восток (в том числе страны Аравийского полуострова и Персидского залива), север Африки, Сахель, Гвинейский залив и частично Арктику, которая становится все более доступной для неарктических государств из-за глобального потепления.

регион». Особенно важно, что при Гуэрини за расширенным Средиземноморьем закрепляется статус «приоритетной зоны национальных стратегических интересов»⁴⁷.

⁴⁷ *Audizione 2019.*

Регион назван основным местом проецирования итальянской военной мощи и главным направлением международного сотрудничества страны⁴⁸ в силу его значимости для национальной безопасности и экономического развития Италии, благополучия и благосостояния ее граждан. Через Средиземное море — кратчайший путь из Индо-Тихоокеанского региона в Атлантический океан — проходит 20% мирового товарооборота, а Италия, чья экономика базируется преимущественно на переработке импортного сырья и полуфабрикатов (*economia di trasformazione*), занимает первое место в Европе по объему морского импорта. Всего «морская экономика» и связанные с ней отрасли создают около 3% ВВП страны⁴⁹.

⁴⁸ *Ministero della Difesa 2022d.*

⁴⁹ *Ministero della Difesa 2022c: 6—7.*

Помимо объективных причин, предопределяющих пристальное внимание Италии к Средиземноморью, повышенный интерес к нему в последние годы, видимо, вызван и рядом новых тревожных тенденций. По словам того же Гуэрини, «Средиземноморье сегодня больше не такое, как прежде»⁵⁰. В целом свойственная региону нестабильность продолжает усиливаться, конфронтация становится перманентной, подменяя собой состояние мира в цепочке «мир—кризис—конфликт». Балансируя на грани открытого столкновения в форме гибридных войн и «серых зон», соперничество между государствами размывает границы между внутренней и международной безопасностью, самой безопасностью и обороной. Нарастает активность крупных глобальных игроков, в том числе держав, стремящихся увеличить или реанимировать утраченное влияние в Средиземноморье. Речь идет прежде всего о России, Китае и Турции, расширение экономического и военного присутствия которых в регионе воспринимается с откровенным беспокойством. Фиксируется также рост активности негосударственных акторов, по своему геополитическому весу нередко превосходящих отдельные государства. Примечательно, что перечисленные тенденции в итальянском Министерстве обороны объясняют среди прочего частичной переориентацией США на Индо-Тихоокеанский регион, ослаблением позиций в Средиземноморье западноцентричных альянсов и общемировым трендом на многополярность⁵¹.

⁵⁰ *Pioppi 2021.*

⁵¹ *Ministero della Difesa 2022c: 3.*

К числу конкретных вызовов и угроз, ставящих под удар безопасность Италии и ее партнеров по ЕС и НАТО, равно как и внутриблочную солидарность, в новой версии Стратегии отнесены нелегальная миграция, конкуренция за ресурсы, «территоризация» Средиземного моря, международный терроризм, транснациональная преступность, локальные конфликты. Среди последних упомянуты гражданская война в Ливии, политический кризис в Тунисе, противоречия между Марокко и Алжиром, спор вокруг Западной Сахары, деградация безопасности в Сахеле, проблема пиратства в Гвинейском заливе, конфликт между Эфиопией и Эритреей из-за региона Тыграй, война в Йемене, неустой-

чивое положение на Балканах, в Ливане и Ираке, кризис в Сирии и на сирийско-турецкой границе, рост напряженности в Персидском заливе. Кроме того, напряженную ситуацию в сфере средиземноморской безопасности усугубляют такие факторы, как последствия пандемии COVID-19, мультипликативный эффект изменения климата, бедность, голод, дефицит водных ресурсов и др.⁵²

⁵² *Ministero della Difesa 2022d: 5—6.*

Несмотря на меняющийся геополитический ландшафт в Средиземноморье поставленные итальянским Министерством обороны военно-политические цели и задачи во многом остаются прежними. Подтверждается, что усилия Италии должны быть сконцентрированы на обеспечении свободы судоходства, безопасности морских проходов (*colli di bottiglia*), в первую очередь критически важных Суэцкого канала, Ормузского, Баб-эль-Мандебского и Сицилийского проливов, надежности газо- и нефтепроводов и пролегающих по морскому дну кабелей, а также на стабилизации политической обстановки внутри входящих в регион стран и гармонизации отношений между ними⁵³. С тех пор как в 2021 г. итальянским парламентом был одобрен Закон об исключительной экономической зоне⁵⁴, в круг приоритетов также входит защита ее границ.

⁵³ *Ibid. : 3.*

⁵⁴ *Legge 2021.*

Преимственность сохраняется и с точки зрения методов решения поставленных задач. Вместо запуска новых инициатив предпочтение отдается систематизации и повышению эффективности уже действующих механизмов. В их числе:

- «военная дипломатия», то есть помощь региональным странам-партнерам в укреплении их потенциала и институтов через конкретные планы сотрудничества (в частности, путем обучения и тренинга местных сил обеспечения национальной безопасности);
- участие в двусторонних и многосторонних миссиях, операциях и региональных инициативах;
- непрерывный мониторинг и присутствие в зонах нестабильности, обеспечивающие возможность своевременного вмешательства в случае обострения кризиса (к 2026 г. планируется создать национальные Силы быстрого реагирования — *Forza di intervento rapido nazionale*⁵⁵);
- кооперация с другими министерствами и ведомствами для обмена информацией и координации действий;
- углубление интеграции различных подразделений вооруженных сил для ведения мультидоменных операций;
- развитие оборонной промышленности, в том числе для удовлетворения спроса стран-партнеров на вооружения⁵⁶.

⁵⁵ *Difesa 2021.*

⁵⁶ *Ministero della Difesa 2022d: 11.*

В программных документах прямо сказано, что Италия должна играть ведущую роль в расширенном Средиземноморье, залогом чего призвана служить современная армия⁵⁷. Не случайно на протяжении последних 10 лет доля военных расходов в бюджете страны неуклонно росла и в 2022 г. вновь превысила показатель предшествующего года, составив 26 млрд евро (1,38% ВВП). Если рассматривать общий (обо-

⁵⁷ *Ministero della Difesa 2022b.*

ронный) бюджет (Bilancio Integrato), куда входят и средства, выделяемые Министерством экономического развития и Министерством экономики и финансов, эта цифра возрастет до 29 млрд евро. То же значение получится, если оценивать оборонный бюджет по критериям НАТО, то есть включая в него расходы на участие итальянских карабинеров в миссиях за рубежом и на выплату пенсий военнослужащим⁵⁸.

⁵⁸ *Ministero della Difesa 2022c: 156—162.*

Что касается распределения финансирования, то во главу угла ставится инновационность. По данным за 2022 г., из 18 млрд евро, предназначенных для нужд непосредственно обороны, порядка трети попадают в категорию инвестиций (5,4 млрд евро), что на 34,3% больше, чем в 2021 г.⁵⁹

⁵⁹ *Ibid.: 166—170.*

Вместе с тем аналитики указывают и на определенные трудности, с которыми, вероятнее всего, предстоит столкнуться Министерству обороны. Во-первых, проект бюджета предусматривает постепенное снижение военных расходов (до 25,5 млрд евро в 2023 г. и до 25 млрд евро в 2024 г.). Согласно официальным заявлениям, ожидать выполнения Италией требования НАТО о направлении на оборону не менее 2% ВВП следует не раньше 2028 г.⁶⁰ Во-вторых, уже длительное время наблюдается серьезный дисбаланс в распределении средств в ущерб комплексу мероприятий, направленных на поддержание вооруженных сил в заданной степени готовности. Дополнительные сложности создает повышение среднего возраста военнослужащих и высокая нагрузка на находящиеся в распоряжении Министерства ресурсы⁶¹.

⁶⁰ *Ibid.: 195.*

⁶¹ *Liaci and Ricciardi 2022.*

Перечисленные проблемы носят внутренний характер, но наряду с ними существуют и внешние. Поскольку Италия идентифицирует себя с евроатлантическим сообществом, ее желание приобрести большую самостоятельность в регионе расширенного Средиземноморья трактуется как стремление способствовать укреплению позиций НАТО и ЕС — главных гарантов национальной безопасности — на южном фланге. Однако в свете текущего кризиса на Украине и смещения центра мировой силы в Азию прикрывать южное направление ей будет все сложнее. Кроме того, чтобы успешно продвигать средиземноморский вектор внутри ЕС, Италия должна вносить ощутимый вклад в общую политику безопасности и обороны Европейского союза, а итальянский военный потенциал, как отмечалось выше, ограничен.

* * *

В настоящее время интерес Италии к Средиземноморскому региону обусловлен прежде всего необходимостью поиска альтернативных России поставщиков энергоресурсов, и здесь Рим действует в рамках неоднократно опробованной им стратегии *ad hoc* альянсов⁶². Теми же соображениями руководствуется и Евросоюз, включивший Средиземноморье в свой «Стратегический компас» в качестве одного из регионов, где к 2030 г. он должен быть готов действовать автономно от НАТО

⁶² *Шибкова 2021.*

⁶³ *A Strategic Compass 2022.*

в случае возникновения кризисной ситуации⁶³. Очевидно, эта установка связана с постепенным отходом НАТО от роли ведущего игрока в Средиземноморье, начавшимся еще при Бараке Обаме и продолжающимся до сих пор, в том числе ввиду расширения альянса на север и, как следствие, переноса фокуса внимания с южного фланга на северный. В связи с этим все чаще высказывается мнение, что в рамках евроатлантического сообщества восполнить образовавшийся вакуум силы должна консолидированная Европа в лице ЕС.

Тем не менее дискуссионность идеи стратегической автономии ЕС и восприятие Средиземноморья рядом европейских стран как арены для преследования собственных интересов рискуют создать препятствия выработке консенсусных решений. Осознавая это, Италия будет использовать действующие механизмы ЕС и новые, вводимые «Стратегическим компасом» (например, трехлетний «Анализ угроз ЕС»), с тем чтобы чувствительный для нее регион должным образом был учтен Евросоюзом, уделяя при этом первостепенное внимание и самостоятельным инициативам.

Библиография

Агазаде М.М. (2021) «Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность?» // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, т. 21, № 3: 429—440.

Алаев Э.Б. (1983) *Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь*. М.: Мысль.

Воскресенский А.Д., ред. (2002а) *Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений*. М.: РОССПЭН.

Воскресенский А.Д., ред. (2022б) *Мировое комплексное регионоведение: Введение в специальность*. М.: Магистр.

Зонова Т.В. (2016) *История внешней политики Италии: Учебник*. М.: Международные отношения.

Ильин М.В. и В.Д.Нечаев. (2022) «Вызовы и перспективы изучения Большого Средиземноморья» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 8—23. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2022/3/Polis-2022-3-Ilyin.pdf> (проверено 27.08.2023).

Окунев И.Ю. (2019) *Политическая география: Учебное пособие для вузов*. М.: Аспект Пресс.

Окунев И.Ю. и Е.А.Захарова. (2022) «Большое Средиземноморье как макрорегион: опыт пространственного анализа» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 24—37. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2022/3/Polis-2022-3-Okunev.pdf> (проверено 27.08.2023).

Торкунов А.В. и А.В.Мальгин, ред. (2012) *Современные международные отношения: Учебник*. М.: Аспект Пресс.

Чихарев И.А. и О.В.Ярмак. (2019) «Большое Средиземноморье в дискурсе исследовательских и экспертно-аналитических центров» // *Вестник РУДН. Серия: Политология*, т. 21, № 1: 99—109.

Шепелев М.А. (2017) «Журнал „Geopolitica“ и становление итальянской геополитической школы» // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, т. 17, № 2: 325—338.

Шибкова М.О. (2021) «Альянсы ad hoc как доминанта внешнеполитического инструментария Италии» // *Международные процессы*, т. 19, № 1 (64): 139—154. URL: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/2308/futxFiUFRr.pdf> (проверено 27.08.2023).

«A Strategic Compass for Security and Defense». (2022) // *The European External Action Service*. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (accessed on 11.07.2023).

Audizione del Ministro della Difesa sulle linee programmatiche del suo Dicastero presso le Commissioni Difesa congiunte della Camera dei Deputati e del Senato della Repubblica. (2019) URL: https://www.difesa.it/Content/Documents/Linee%20programmatiche%20del%20Ministro%20della%20Difesa_On.%20Guerini_intervento%20effettivamente%20pronunciato.pdf (accessed on 11.07.2023).

Brodel F. (1949) *La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*. Paris: Librairie Armand Colin.

Buzan B., O.Waever, and J. de Wilde. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.

Buzan B. and O.Waever. (2003) *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.

Clement R.W. (2012) «The Mediterranean: What, Why, and How» // *Mediterranean Studies*, vol. 20, no. 1: 114—120. URL: https://digitalcommons.usu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1113&context=lib_pubs (accessed on 15.06.2023).

Del Monte F. (2022) «La teoria del Mediterraneo allargato e la geopolitica classica in Italia» // *Difesa Online*, 4.10. URL: <https://www.difesaonline.it/geopolitica/analisi/la-teoria-del-mediterraneo-allargato-e-la-geopolitica-classica-italia> (accessed on 10.07.2023).

Di Cecco V. (2004) «Un „Grande Medio Oriente“ o un „Mediterraneo allargato“» // *Panorama Internazionale: Informazioni della Difesa*, no. 2: 30—34. URL: https://www.difesa.it/InformazioniDellaDifesa/periodico/IIPeriodico_AnniPrecedenti/Documents/Un_grande_Medio_Oriente_o_un_M_244allargato.pdf (accessed on 11.07.2023).

«Difesa: il Ministro Guerini in Audizione alle Commissioni Congiunte di Camera e Senato presenta il Documento Programmatico Pluriennale per il Triennio 2021—2023». (2021) // *Report Difesa*. URL: <https://www.reportdifesa.it/difesa-il-ministro-guerini-in-audizione-alle-commissioni-congiunte-di-camera-e-senato-presenta-il-documento-programmatico-pluriennale-per-il-triennio-2021-2023/> (accessed on 11.07.2023).

Intervista Roberto Domini, Presidente del Centro Studi di Geopolitica e Strategia Marittima (CESMAR) per Atlantis Magazine. (2021) URL: <https://youtu.be/NuQwd40mnEo> (accessed on 11.07.2023).

La Spina G. (2022) «Il Mediterraneo allargato: una Sfida per l'Italia» // *Istituto Analisi Relazioni Internazionali*, 30.07. URL: <https://iari.site/2022/07/30/il-mediterraneo-allargato-una-sfida-per-litalia/> (accessed on 11.07.2023).

«Legge 14 giugno 2021, n. 91. Istituzione di una zona economica esclusiva oltre il limite esterno del mare territoriale». (2021) // *Normattiva*, 5.10. URL: https://elearning.unite.it/pluginfile.php/232048/mod_resource/content/1/L.%2091_2021.pdf (accessed on 11.07.2023).

Liaci S. and G. Ricciardi. (2022) «Le spese militari in Italia» // *Osservatorio sui Conti Pubblici Italiani*, 11.03. URL: <https://osservatoriocpi.unicatt.it/ocpi-pubblicazioni-le-spesse-militari-in-italia> (accessed on 11.07.2023).

Mazziotti Di Celso M. (2022) «La Strategia di Sicurezza e Difesa per il Mediterraneo e le priorità dello strumento militare italiano» // *Geopolitica.info*, 29.06. URL: <https://www.geopolitica.info/strategia-sicurezza-difesa-mediterraneo/> (accessed on 11.07.2023).

Ministero della Difesa. (2022a) *Atto di Indirizzo per l'avvio del ciclo integrato di programmazione della performance e di formazione del bilancio di previsione per l'e.f. 2022 e la programmazione pluriennale 2023—2024*. URL: https://www.difesa.it/Content/Documents/Atto_indirizzo/AI_2022_Finale_Firmato.pdf (accessed on 11.07.2023).

Ministero della Difesa. (2022b) *Direttiva per la Politica Militare Nazionale*. URL: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/Direttiva%20PMN%202022.pdf (accessed on 11.07.2023).

Ministero della Difesa. (2022c) *Documento Programmatico Pluriennale della Difesa per il Triennio 2022—2024*. URL: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/DPP_2022_2024.pdf (accessed on 11.07.2023).

Ministero della Difesa. (2022d) *Strategia di Sicurezza e Difesa per il Mediterraneo*. URL: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/Strategia%20Mediterraneo%202022.pdf (accessed on 11.07.2023).

«NATO in Italy — 70 Years of History». (2019) // *Allied Joint Force Command Naples*. URL: <https://jfcnaples.nato.int/italy-and-nato/english> (accessed on 10.07.2023).

Pioppi S. (2021) «Missioni, investimenti e industria. La linea di Guerini per rilanciare la Difesa» // *Formiche.net*, 9.03. URL: <https://formiche.net/2021/03/guerini-difesa-audizione/> (accessed on 11.07.2023).

Poddighe G. (2020) «Infinito Mediterraneo» // *Analisi Difesa*, 3.12. URL: <https://www.analisedifesa.it/2020/12/infinito-mediterraneo/> (accessed on 11.07.2023).

Ramoino P. (1999) *Fondamenti di strategia navale*. Roma: Edizioni Forum di Relazioni Internazionali.

Ramoino P. (2012) «La NATO e il Potere Marittimo del „Mediterraneo allargato“» // *Quaderni del Dipartimento di Scienze Politiche Università Cattolica del Sacro Cuore*, no. 4: 73—84. URL: https://www.qdsp.it/wp-content/uploads/2017/04/QDSP04_2012-La-NATO-e-il-potere-marittimo-nel-Mediterraneo-allargato_Pier-Paolo-Ramoino.pdf (accessed on 10.07.2023).

Ramoino P. (2020) «Quali sono i confini del „Mediterraneo Allargato“?» // *Analisi Difesa*, 22.11. URL: <https://www.analisedifesa.it/2020/11/quali-sono-i-confini-del-mediterraneo-allargato/> (accessed on 11.07.2023).

Sapienza D. (2021) «Editoriale» // *Rivista Marittima*, no. 12: 4–5. URL: https://www.marina.difesa.it/media-cultura/editoria/marivista/Documents/2021/dicembre_2021.pdf (accessed on 10.07.2023).

Stivachtis Y.A. (2021) «A Mediterranean Region? Regional Security Complex Theory Revisited» // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, т. 21, № 3: 416–428. URL: <https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/27440/19786> (accessed on 10.09.2023).

Zampieri F. (2019) «La legge navale del 1975: la Marina rinasce» // *Difesa Online*, 8.10. URL: <https://www.difesaonline.it/evidenza/approfondimenti/la-legge-navale-del-1975-la-marina-rinasce> (accessed on 10.07.2023).

M.O.Shibkova, A.S.Guliuki
**CONCEPTUAL FOUNDATIONS
 OF ITALIAN FOREIGN POLICY
 IN THE GREATER
 MEDITERRANEAN REGION**

Maria O. Shibkova — Ph.D. in Political Science; Associate Professor at the Department of History and Politics of European and American Countries, MGIMO-University. Email: m.shibkova@inno.mgimo.ru.

Alina S. Guliuki — B.A. in Regional Studies, MGIMO-University. E-mail: a.guliuki@yandex.ru.

Abstract. The article is devoted to determining the role of the Greater (or, in its Italian version — Expanded) Mediterranean in Italian contemporary foreign policy doctrine. In the theoretical part of the study, a comprehensive analysis of the concept of the “Greater Mediterranean” is presented via consistently examining its interpretations, such as macro-region, regional security complex, space-time (place of development) and subsystem of international relations (international political region). The practical part opens with an excursion into the history of the penetration of this concept into Italian political thought, showing that it has undergone a significant evolution. The first attempts to consider the Mediterranean beyond its geographical boundaries were associated with the confrontation with Great Britain and searching for theo-

retical justifications for the “defensive imperialism” of Mussolini’s regime. During the Cold War an expanded Mediterranean was seen as a territory that Italy’s national security directly depended on.

The development of the geopolitical concept of the Expanded Mediterranean in its current form falls on the 1980s. Initially, the corresponding notion was used only within the expert community, but in the second decade of the 21st century it became entrenched in the country’s military-strategic documents, more and more often replacing the wording “European-Mediterranean region”. These documents interpret the Expanded Mediterranean as a priority zone of national strategic interests, a geopolitical space where Italy should play a leading role in the fight against challenges and threats, as well as in establishing cooperation with regional players. However, such positioning of Rome is fraught with the difficulties of both economic and political nature, including those related to its membership in the EU and NATO.

Keywords: Greater Mediterranean, Italy, foreign policy, regional security complex, European Union

References

“A Strategic Compass for Security and Defense”. (2022) // *The European External Action Service*. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (accessed on 11.07.2023).

Aghazada M.M. (2021) “Bol’shoj Sredizemnomorskij regional’nyj kompleks bezopasnosti: mif ili real’nost’?” [Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality?] // *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik RUDN. International Relations], vol. 21, no. 3: 429–440. (In Russ.)

Alaev E.B. (1983) *Sotsial’no-ekonomicheskaja geografija: Ponjatijno-terminologicheskij slovar’* [Socio-Economic Geography: Conceptual and Terminological Dictionary]. Moscow: Mysl’. (In Russ.)

Audizione del Ministro della Difesa sulle linee programmatiche del suo Dicastero presso le Commissioni Difesa congiunte della Camera dei Deputati e del Senato della Repubblica. (2019) URL: https://www.difesa.it/Content/Documents/Linee%20programmatiche%20del%20Ministro%20della%20Difesa_On.%20Guerini_intervento%20effettivamente%20pronunciato.pdf (accessed on 11.07.2023).

Brodel F. (1949) *La Méditerranée et le Monde méditerranéen à l’époque de Philippe II*. Paris: Librairie Armand Colin.

Buzan B., O.Waever, and J. de Wilde. (1998) *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.

Buzan B. and O.Waever. (2003) *Regions and Powers. The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.

Chikharev I.A. and O.V.Yarmak. (2019) “Bol’shoe Sredizemnomor’e v diskurse issledovatel’skikh i ekspertno-analiticheskikh tsentrov” [The Greater Mediterranean in the Discourse of Research and Expert Analytics Centers] //

Vestnik RUDN. Serija: Politologija [RUDN Journal of Political Science], vol. 21, no. 1: 99—109. (In Russ.)

Clement R.W. (2012) “The Mediterranean: What, Why, and How” // *Mediterranean Studies*, vol. 20, no. 1: 114—120. URL: https://digitalcommons.usu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1113&context=lib_pubs (accessed on 15.06.2023).

Del Monte F. (2022) “La teoria del Mediterraneo allargato e la geopolitica classica in Italia” // *Difesa Online*, 4.10. URL: <https://www.difesaonline.it/geopolitica/analisi/la-teoria-del-mediterraneo-allargato-e-la-geopolitica-classica-italia> (accessed on 10.07.2023).

Di Cecco V. (2004) “Un „Grande Medio Oriente“ o un „Mediterraneo allargato“” // *Panorama Internazionale: Informazioni della Difesa*, no. 2: 30—34. URL: https://www.difesa.it/InformazioniDellaDifesa/periodico/IIPeriodico_AnniPrecedenti/Documents/Un_grande_Medio_Oriente_o_un_M_244allargato.pdf (accessed on 11.07.2023).

“Difesa: il Ministro Guerini in Audizione alle Commissioni Congiunte di Camera e Senato presenta il Documento Programmatico Pluriennale per il Triennio 2021—2023”. (2021) // *Report Difesa*. URL: <https://www.reportdifesa.it/difesa-il-ministro-guerini-in-audizione-alle-commissioni-congiunte-di-camera-e-senato-presenta-il-documento-programmatico-pluriennale-per-il-triennio-2021-2023/> (accessed on 11.07.2023).

Ilyin M.V. and V.D.Nechaev. (2022) “Vyzovy i perspektivy izuchenija Bol'shogo Sredizemnomor'ja” [Challenges and Prospects of Study of the Greater Mediterranean] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 8—23. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2022/3/Polis-2022-3-Ilyin.pdf> (accessed on 27.08.2023). (In Russ.)

Intervista Roberto Domini, Presidente del Centro Studi di Geopolitica e Strategia Marittima (CESMAR) per Atlantis Magazin. (2021) URL: <https://youtu.be/NuQwd40mnEo> (accessed on 11.07.2023).

La Spina G. (2022) “Il Mediterraneo allargato: una Sfida per l'Italia” // *Istituto Analisi Relazioni Internazionali*, 30.07. URL: <https://iari.site/2022/07/30/il-mediterraneo-allargato-una-sfida-per-litalia/> (accessed on 11.07.2023).

“Legge 14 giugno 2021, n. 91. Istituzione di una zona economica esclusiva oltre il limite esterno del mare territoriale”. (2021) // *Normattiva*, 5.10. URL: https://elearning.unite.it/pluginfile.php/232048/mod_resource/content/1/L.%2091_2021.pdf (accessed on 11.07.2023).

Liaci S. and G.Ricciardi. (2022) “Le spese militari in Italia” // *Osservatorio sui Conti Pubblici Italiani*, 11.03. URL: <https://osservatoriocpi.unicatt.it/ocpi-pubblicazioni-le-spesse-militari-in-italia> (accessed on 11.07.2023).

Mazziotti Di Celso M. (2022) “La Strategia di Sicurezza e Difesa per il Mediterraneo e le priorità dello strumento militare italiano” // *Geopolitica.info*, 29.06. URL: <https://www.geopolitica.info/strategia-sicurezza-difesa-mediterraneo/> (accessed on 11.07.2023).

Ministero della Difesa. (2022a) *Atto di Indirizzo per l'avvio del ciclo integrato di programmazione della performance e di formazione del bilan-*

cio di previsione per l'e.f. 2022 e la programmazione pluriennale 2023—2024. URL: https://www.difesa.it/Content/Documents/Atto_indirizzo/AI_2022_Finale_Firmato.pdf (accessed on 11.07.2023).

Ministero della Difesa. (2022b) *Direttiva per la Politica Militare Nazionale*. URL: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/Direttiva%20PMN%202022.pdf (accessed on 11.07.2023).

Ministero della Difesa. (2022c) *Documento Programmatico Pluriennale della Difesa per il Triennio 2022—2024*. URL: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/DPP_2022_2024.pdf (accessed on 11.07.2023).

Ministero della Difesa. (2022d) *Strategia di Sicurezza e Difesa per il Mediterraneo*. URL: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/Strategia%20Mediterraneo%202022.pdf (accessed on 11.07.2023).

“NATO in Italy — 70 Years of History”. (2019) // *Allied Joint Force Command Naples*. URL: <https://jfcnaples.nato.int/italy-and-nato/english> (accessed on 10.07.2023).

Okunev I.Yu. (2019) *Politicheskaja geografija: Uchebnoe posobie dlja vuzov* [Political Geography: Textbook for Universities]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Okunev I.Yu. and E.A.Zakharova. (2022) “Bol’shoe Sredizemnomor’e kak makroregion: opyt prostranstvennogo analiza” [The Greater Mediterranean as a Macroregion: Spatial Analysis] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 24—37. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2022/3/Polis-2022-3-Okunev.pdf> (accessed on 27.08.2023). (In Russ.)

Pioppi S. (2021) “Missioni, investimenti e industria. La linea di Guerini per rilanciare la Difesa” // *Formiche.net*, 9.03. URL: <https://formiche.net/2021/03/guerini-difesa-audizione/> (accessed on 11.07.2023).

Poddighe G. (2020) “Infinito Mediterraneo” // *Analisi Difesa*, 3.12. URL: <https://www.analisedifesa.it/2020/12/infinito-mediterraneo/> (accessed on 11.07.2023).

Ramoino P. (1999) *Fondamenti di strategia navale*. Roma: Edizioni Forum di Relazioni Internazionali.

Ramoino P. (2012) “La NATO e il Potere Marittimo del „Mediterraneo allargato“” // *Quaderni del Dipartimento di Scienze Politiche Università Cattolica del Sacro Cuore*, no. 4: 73—84. URL: https://www.qdsp.it/wp-content/uploads/2017/04/QDSP04_2012-La-NATO-e-il-potere-marittimo-nel-Mediterraneo-allargato_Pier-Paolo-Ramoino.pdf (accessed on 10.07.2023).

Ramoino P. (2020) “Quali sono i confini del „Mediterraneo Allargato“?” // *Analisi Difesa*, 22.11. URL: <https://www.analisedifesa.it/2020/11/quali-sono-i-confini-del-mediterraneo-allargato/> (accessed on 11.07.2023).

Sapienza D. (2021) “Editoriale” // *Rivista Marittima*, no. 12: 4—5. URL: https://www.marina.difesa.it/media-cultura/editoria/marivista/Documents/2021/dicembre_2021.pdf (accessed on 10.07.2023).

Shepelev M.A. (2017) “Zhurnal „Geopolitica“ i stanovlenie ital’janskoj geopoliticheskoy shkoly” [The Journal “Geopolitica” and Formation of the

Italian Geopolitical School] // *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik RUDN. International Relations], vol. 17, no. 2: 325–338. (In Russ.)

Shibkova M.O. (2021) “Al’jansy ad hoc kak dominanta vneshnepoliticheskogo instrumentarija Italii” [Ad Hoc Alliances as Italian Key Statecraft Tool] // *Mezhdunarodnye protsessy* [International Trends], vol. 19, no. 1 (64) : 139–154. URL: <http://www.intertrends.ru/system/Doc/Article-Pdf/2308/futxFiUFRr.pdf> (accessed on 27.08.2023). (In Russ.)

Stivachtis Y.A. (2021) “A Mediterranean Region? Regional Security Complex Theory Revisited” // *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik RUDN. International Relations], vol. 21, no. 3: 416–428. URL: <https://journals.rudn.ru/international-relations/article/view/27440/19786> (accessed on 10.09.2023).

Torkunov A.V. and A.V.Malgin, eds. (2012) *Sovremennye mezhdunarodnye otnoshenija: Uchebnik* [Contemporary International Relations: Course Book]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)

Voskresensky A.D., ed. (2002a) *Vostok/Zapad: Regional’nye podsystemy i regional’nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenij* [East/West: Regional Subsystems and Regional Problems of the International Relations]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Voskresensky A.D., ed. (2022b) *Mirovoe kompleksnoe regionovedenie: Vvedenie v spetsial’nost’* [World Complex Regional Studies: An Introduction to the Professional Field]. Moscow: Magistr. (In Russ.)

Zampieri F. (2019) “La legge navale del 1975: la Marina rinasce” // *Difesa Online*, 8.10. URL: <https://www.difesaonline.it/evidenza/approfondimenti/la-legge-navale-del-1975-la-marina-rinasce> (accessed on 10.07.2023).

Zonova T.V. (2016) *Istorija vneshnej politiki Italii: Uchebnik*. [History of Italian Foreign Policy: Course Book]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija. (In Russ.)

М. Г. Мацкевич

ВРЕМЕНА ВЫБИРАЮТ: ОБРАЗЫ ЖЕЛАЕМОГО ПРОШЛОГО ГЛАЗАМИ РОССИЯН

Мария Георгиевна Мацкевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института — филиала ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург). Для связи с автором: mmatskevich@yandex.ru.

Аннотация. В статье на основе вторичного анализа данных общероссийских количественных и качественных социологических исследований рассматривается вопрос об отношении россиян к различным периодам в истории страны. Опросы последних 20 лет фиксируют рост предпочтений настоящего прошлому при сохранении относительной привлекательности позднесоветского периода. Тот факт, что эта тенденция, хотя и с разной степенью выраженности, прослеживается во всех возрастных когортах, трактуется автором как свидетельство того, что близкие по смыслу образы прошлого формировались и продвигались как в коммуникативной, так и в культурной памяти. Политика памяти, конструирующая образы недавнего прошлого, не противоречила представлениям, транслируемым семейной памятью. Данные количественных и качественных исследований говорят о доминировании преимущественно негативного образа 1900-х годов и позитивного — брежневской эпохи.

Протестировав существующие объяснения причин сохраняющейся популярности брежневских времен как желаемого прошлого, автор приходит к выводу, что каждое из них справедливо в той мере, в какой оно не претендует на исключительность. В утверждении образа позднего СССР как золотого века в российской истории сыграли свою роль и ностальгия (в расширительной ее трактовке), и проводимая государством политика памяти, и тяготы 1990-х, и многие другие факторы. Вместе с тем исследование еще раз подтверждает, что в восприятии прошлого доминирует презентизм и отношение к нему в решающей степени зависит от актуальных событий и текущей ситуации. По оценке автора, в сегодняшней России идеализированный образ позднесоветского периода оказывается тем, что Пьер Нора называл «местом памяти». И то, что с подробной картой этого «места памяти» знакомы не все россияне, не препятствует его символической значимости.

Ключевые слова: желаемое прошлое, «место памяти», презентизм, культурная память, коммуникативная память, социологические исследования

Введение

¹ Они встречаются разве что на интернет-форумах, авторских сайтах и в блогах.

² Poushter 2017.

³ Левада 2002: 8.

⁴ Мониторинг 1994: 66.

⁵ Левада 2002: 10.

«В каком времени вы хотели бы жить, если бы была такая возможность?» — этот вопрос в той или иной форме задают российские социологи уже более двух десятилетий. Подобных формулировок на английском или французском языке ни в академических исследованиях, ни в массовых опросах найти не удастся¹. Иногда респондентов, правда, спрашивают, считают ли они, что современность лучше прошлого, — как это делает, в частности, Pew Research Center². В России же популярным стал вариант, не просто сравнивающий настоящее и прошлое, но предлагающий выбрать время, в котором хотелось бы жить.

С 1992 г. в анкеты ВЦИОМ, а затем и Левада-центра* включался вопрос: «Было бы лучше, если бы в стране все оставалось так, как было до 1985 г.?» Этот вопрос задавался и отдельно³, и при выяснении отношения к экономической реформе⁴, и для фиксации стремления вернуться в прошлое⁵. Понятно, что в качестве модели для сравнения с настоящим использовался образ недавнего (тогда) прошлого — СССР 1970-х — начала 1980-х годов.

В начале 2000-х годов рождаются новые формулировки. В анкетах российских полстеров появляется вопрос о «желаемом» времени, в котором предпочли бы жить респонденты. В том или ином виде этот вопрос стали задавать все компании «большой тройки» — ФОМ, ВЦИОМ и Левада-центр*. Формулировка приобрела такую популярность, что проникла и в академические исследования, например в мониторинг, который проводит Институт социологии ФНИСЦ РАН.

По смыслу вопросы о желаемом прошлом близки к тем, которые задают зарубежные коллеги: методологически они работают как оценки респондентами текущей ситуации и происходящих изменений. Однако социальный, экономический и политический контексты существенно отличаются: трансформации, которые имели и имеют место в России, придают дополнительные смыслы сравнению настоящего и прошлого. Отношение респондентов к жизни в прошлом коррелирует с их оценками актуальных событий и общего направления развития страны: чем более позитивно оценивается современность, тем чаще респонденты хотят жить в настоящем, и наоборот.

За последние три десятилетия установки и оценки настоящего и прошлого дважды серьезно изменились: в 1993—1994 гг. и в середине 2000-х годов. В 1990-х годах россияне предпочитали прошлое (или его образ). Так, в 1993 г. 46% выбирали жизнь «до 1985 г.», а 30% подобная перспектива не привлекала. В 1999 г. перевес первых был уже почти двукратным: 51 и 27% соответственно⁶. Борис Дубин связывает это с началом экономических реформ, общим ухудшением экономической ситуации, растущим недовольством переменами и чувством униженности. По его мнению, идеализированный образ брежневской эпохи начал складываться уже тогда — как антитеза бедам и проблемам настоящего⁷. Аналогичное объяснение, как правило, предлагают и другие авторы⁸.

С 2004 г. исследователи диагностируют перелом тренда: доли согласных и не согласных с тем, что «как до перестройки» было бы лучше,

⁶ Там же: 8.

⁷ Дубин 2011: 51—52.

⁸ См., напр. Абрамов 2013; Омельченко и Андреева 2017; Латов 2018: 125, 130—131; Горшков (ред.) 2022: 65.

⁹ *Единый архив б.г.*

практически сравнялись: 44 и 46% соответственно. В 2006 г. не согласных стало больше, чем согласных (48 против 40%)⁹.

В 2002 г. к упомянутому выше вопросу добавился новый, близкий по смыслу: «В какую эпоху вы предпочли бы жить?» Новая формулировка зафиксировала ту же тенденцию: с середины 2000-х годов россияне стали предпочитать жизнь в настоящем времени. Чем ближе дата опроса к сегодняшнему дню, тем отчетливее перевес в пользу настоящего. Поэтому о популярности того или иного периода в прошлом можно говорить лишь в сравнении с другими эпохами, в которые россиянам хотелось бы жить. И в этом случае среди тех, кто выбирает «альтернативное» время (около трети опрошенных), подавляющее большинство (от 60% до 80% в разные годы) останавливается на брежневском периоде.

По данным ВЦИОМ, в 2005 г. СССР Брежнева выбирало меньше (хотя и ненамного) респондентов, чем современную Россию: 31 и 39% соответственно. С 2006 г. окончательно возобладало настоящее — его выбирали в два раза чаще, чем брежневскую эпоху¹⁰. Остальные периоды пользовались незначительной популярностью. Респонденты не хотели жить в более отдаленном прошлом, как бы его ни называли авторы анкеты: «XIX век», «до революции», «царская Россия» и т.д. Не привлекали их и период перестройки и 1990-е годы: вне зависимости от формулировок, дробности шкалы, открытой или закрытой формы вопроса этим временам отдавали предпочтение лишь 1—3% респондентов.

Выбор в пользу настоящего может объясняться несколькими обстоятельствами. Одно из них — это смена поколений: среди участников опросов появились молодые люди, имевшие минимальный опыт жизни в Советском Союзе или не имевшие его вовсе. В этих условиях особенно сильно дала о себе знать присущая молодежи склонность жить настоящим и будущим, а не прошлым. Но не меньшую роль, вероятно, сыграло общее изменение общественных настроений. Начиная с середины 2000-х годов все исследования фиксировали рост позитивных оценок ситуации в стране, и удовлетворенность актуальным состоянием дел способствовала уменьшению числа желающих возвращения прошлого.

Несмотря на указанные изменения, относительная популярность брежневской эпохи как периода, в который хотели бы жить респонденты, сохранилась. Чаще всего такое положение вещей объясняют следующими причинами.

1. Ностальгия. Люди испытывают теплые чувства к годам молодости и тоскуют по временам, когда они были полны сил и надежд¹¹. Для многих россиян — это 1970—1980-е годы.

2. Трансляция средствами культурной и коммуникативной памяти (в терминологии Яна Ассмана¹²) идеализированного образа последних 15—20 советских лет. В конструировании такого образа активно участвуют самые разные акторы — от семьи и друзей до государства, проводящего свою политику памяти¹³.

¹⁰ *Возвращение Путина 2011.*

¹¹ *Davis 1979; Boyt 2001; Pickering and Keightley 2006; Boele, Noordenbos, and Robbe (eds) 2021; Утехин 2021 и др.*

¹² *Assmann 2008.*

¹³ *О роли политики памяти как части символической политики и вкладе в нее различных акторов см., напр. Бараиш 2017; Малинова 2017; Омельченко и Андреева 2017; Латов 2018; Петухов 2020; Анискин и Бубнов 2020; Долгов 2022.*

3. Противопоставление брежневского периода трансформациям 1990-х годов, которые оцениваются преимущественно негативно как теми, кто ощутил на себе тяготы того времени, так и более младшими поколениями¹⁴. Такие оценки звучат и в СМИ, и в опросах, и в биографических интервью. И здесь необходимо учитывать один очень важный момент. Память избирательна, и воспоминания неизбежно подвергаются фильтрации¹⁵, в том числе под влиянием окружения, поскольку одна из функций коллективной памяти — поддержание групповой идентичности, чувства принадлежности к сообществу¹⁶. Человек, в чьем ближайшем окружении доминирует определенный взгляд на какой-то период времени, особенно если он преобладает и в медиасреде, при выстраивании нарратива в своем публичном высказывании с высокой долей вероятности будет стараться соответствовать тому, что кажется ему общепринятым и социально одобряемым. Ситуация усугубляется тем, что трансформации 1990-х годов во многих случаях описываются через личные и семейные трагедии, как опыт страданий обычных людей, а эмоции играют чрезвычайно важную роль в трансляции воспоминаний. В подобных условиях альтернативные воспоминания и оценки — удел абсолютного меньшинства, о чем свидетельствуют результаты всех исследований, затрагивающих восприятие 1990-х годов.

Все приведенные объяснения того, почему выбирающие прошлое в основном предпочитают брежневскую эпоху, выглядят убедительными, но чтобы определить, влияние каких факторов было наиболее значимым, следует посмотреть, как формулировались вопросы и возможные варианты ответов в анкетах полстеров и как менялись тенденции на протяжении последних десятилетий.

¹⁴ См., напр. Shevchenko 2009; Омельченко и Андреева 2013; Малинова 2018; Мерзлякова 2019; Ценностная социализация 2019; Восприятие «девяностых» 2020.

¹⁵ Thomson 2011: 80; Fivush et al. 2011.

¹⁶ Halbwachs 1950; Thomson 2011: 90.

Как задают вопросы о желаемом прошлом?

Как уже говорилось, с 1992 г. ВЦИОМ, а потом и Левада-центр* использовали формулировку: «Согласны ли Вы с тем, что было бы лучше, если бы все в стране оставалось так, как было до 1985 г.?» В 2002 г. появился практически «модельный» для последних 20 лет вопрос: «В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность?» (см. табл. 1). Вариант, который использует Левада-центр*: «Если бы можно было начать свою жизнь заново, в какое время вы предпочли бы жить?» (см. табл. 2). Почти так же звучит вопрос, фигурирующий в анкетах Института социологии ФНИСЦ РАН: «Если бы это зависело от Вас, в какую эпоху истории России Вы хотели бы жить?» (см. табл. 3). Формулировка ФОМ состоит из двух частей: закрытый вопрос «Вы бы хотели или не хотели бы родиться и жить в другом времени, если бы у вас была такая возможность?» и уточняющий открытый «В каком времени вы бы хотели родиться и жить?» (см. табл. 4).

Еще один вариант вопроса о «желаемом прошлом» использовался в совместном исследовании ВЦИОМ и журнала «Историк» в 2023 г.: «Представьте, что у Вас есть возможность отправиться в путешествие во времени. В каком веке в России Вы хотели бы побывать?»

(см. табл. 5). Вопрос задавался в открытой форме, затем ответы кодировались и группировались.

Таблица 1 Желаемое прошлое в опросах ВЦИОМ (2005–2011 гг.)

<i>В какую эпоху Вы хотели бы жить, если бы у Вас была такая возможность? (закрытый вопрос, один ответ)</i>	<i>2005</i>	<i>2006</i>	<i>2011</i>
В России последней трети XIX — начала XX веков	4	4	6
В СССР в период И.Сталина	6	4	5
В СССР в период Л.Брежнева	31	26	24
В России времен Б.Ельцина	1	1	2
В современной России	39	52	47
В другую эпоху	13	8	4
Затрудняюсь ответить	7	6	12

Источник: «Возвращение Путина: „неозастой“ — или новый импульс к развитию страны?». (2011) // *ВЦИОМ*, 22.11. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/-vozvrashhenie-putina-neozastoj-ili-novyy-impuls-k-razvitiyu-strany->.

Таблица 2 Желаемое прошлое в опросах Левада-центра* (2002–2017 гг.)

<i>Если бы можно было начать свою жизнь заново, в какое время вы предпочли бы жить? (закрытый вопрос, один ответ)</i>	<i>Октябрь 2002</i>	<i>Март 2017</i>
В России до 1917 г.	5	4
В годы сталинских пятилеток	3	4
Во время хрущевской «оттепели»	3	6
В «брежневские» годы	39	28
Во время перестройки и начала экономических реформ	3	3
Сейчас, при президенте Владимире Путине	23	33
Предпочел(-ла) бы жить в другой стране	17	11
Затруднились ответить	8	11

Источник: «Октябрьская революция». (2017) // *Левада-центр**, 05.04. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolyutsiya-2/?ysclid=lljlym1fs3336613794>.

Таблица 3 Желаемое прошлое в опросах Института социологии ФНИСЦ РАН (2020 г.)

<i>Если бы это зависело от Вас, в какую эпоху истории России Вы хотели бы жить?</i>	<i>Все опрошенные</i>	<i>18—30 лет</i>	<i>31—40 лет</i>	<i>41—50 лет</i>	<i>51—60 лет</i>	<i>60 лет и старше</i>
В современной России	34	41	44	34	22	25
В СССР в период Л.Брежневца	25	8	15	23	41	42
В России последней трети XIX — начала XX в.	4	5	4	4	3	3
В СССР в период И.Сталина	3	5	2	5	3	2
В период «перестройки» М.Горбачева	1	1	1	0	1	0
В России времен Б. Ельцина	1	1	0	0	0	1
В другую эпоху	1	3	1	1	1	2
Затруднились ответить	31	36	33	33	29	25

Источник: Горшков М.К., ред. (2022) *Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения)*. М.: Весь Мир: 25.

Таблица 4 Желаемое прошлое в представлениях молодых людей в опросах ФОМ (2014 г.)

<i>Вы бы хотели или не хотели бы родиться и жить в другом времени, если бы у вас была такая возможность?</i>	<i>Да</i>	<i>Нет</i>	<i>Затрудняюсь ответить</i>
Все опрошенные	19	72	9
18—22 лет	24	67	9
23—27 лет	18	73	10
28—30 лет	16	75	8
<i>В каком времени вы бы хотели родиться и жить? ¹⁷</i>			
Времена СССР, 50—70-е годы 20 века	6		
Будущее	3		
17—18 век	2		
80—90-е годы 20 века	2		
19 век	1		
Средние века	1		
Древние времена	1		
Другое	1		

¹⁷ Вопрос задавался тем, кто хотел бы родиться и жить в другом времени.

Источник: «Опрос молодых о желании жить в другом месте и в другое время». (2014) // *ФОМ*, 28.09. URL: <https://fom.ru/TSennosti/12875>.

Таблица 5 Путешествия во времени в опросе ВЦИОМ и журнала «Историк» (2023 г.)

Представьте, что у Вас есть возможность отправиться в путешествие во времени. В каком веке в России Вы хотели бы побывать?	Все опрошенные	Пол		Возраст					60 лет и старше
		Муж	Жен	18–24	25–34	35–44	45–59	лет	
				года	года	года	лет		
БУДУЩЕЕ	3	4	3	6	3	2	3	3	3
XXI ВЕК	10	8	11	16	12	11	6	9	9
XXI век в целом	6	6	6	14	9	6	2	4	4
В настоящем времени	4	2	5	2	4	5	4	5	5
XX ВЕК	29	29	27	22	21	24	30	35	35
XX век в целом	18	19	17	17	14	16	20	21	21
Советский Союз	4	3	4	4	2	2	2	8	8
Вторая половина XX века	3	3	3	1	2	2	5	4	4
Начало XX века	2	2	1	1	2	2	2	1	1
Конец XX века	1	1	1	0	1	2	1	0	0
Вторая мировая война	1	1	0	0	1	1	1	0	0
XIX ВЕК	16	15	16	18	24	13	13	13	13
XVIII ВЕК	12	9	13	6	11	14	14	10	10
XVIII век в целом	8	7	10	2	9	11	9	7	7
Времена Петра I	2	2	2	3	1	1	3	2	2
Времена Екатерины II	1	0	1	0	0	1	1	1	1
Царское время	1	1	1	1	0	1	1	0	0
ДО XVIII ВЕКА	6	9	4	3	6	8	8	5	5
XVII век	3	3	2	1	5	3	3	2	2
XV–XVI века	2	3	1	1	2	3	2	1	1
XIII–XIV века	1	2	0	0	0	1	2	1	1
Времена Рюриковичей	1	1	0	0	0	1	0	1	1
Другое	3	5	2	2	4	4	4	3	3
Нет таких	2	2	2	6	2	2	1	2	2
Затрудняюсь ответить	20	19	21	21	16	22	21	20	20

Источник: «Путешествие по отечественной истории», (2023) // ВЦИОМ, 27.03. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analytical-reviews/puteshestvie-po-otechestvennoy-istorii?ysclid=lla2qcrmv896091454>.

Некоторые трудности в интерпретации результатов этого исследования связаны с тем, что формулировка вопроса («в каком веке») могла подталкивать к мысли о путешествии именно в прошлое. Возможно, этим объясняется крайне незначительное количество тех, кто хотел бы побывать в будущем, в том числе среди молодых людей (6% при средних 3%). Правда, не исключено, что часть ответов «в XXI веке в целом» тоже относится к будущему, пусть и не столь отдаленному. Впрочем, это лишь предположение, и невозможно узнать, какая доля респондентов имела в виду близкое будущее, а какая — настоящее. Тем более что, несмотря на заданную тему (путешествия во времени), 4% опрошенных выразили желание побывать «в настоящем времени», что практически не отличается от варианта «будущее» (3%) без указания на век (а именно к обозначению конкретного периода подталкивали авторы вопроса).

Представляется, что за такой формулировкой стояло стремление минимизировать влияние отношения к настоящему на восприятие прошлого, поскольку речь в исследовании шла об интересе к истории. Тем не менее и здесь видна «популярность» советской эпохи. Для перемещения во времени чаще всего выбирался XX век (29% упоминаний), и отдельно отмечался советский период («Советский Союз», «вторая половина XX века», «Вторая мировая война» — 8% упоминаний) при крайне незначительном интересе к началу XX в. (2%), что бы ни подразумевали респонденты — дореволюционную историю или первые годы советской власти. Судя по приведенным данным, россияне предпочитают близкое и более знакомое прошлое всему остальному: будущему, настоящему и давнему прошлому. Все они по популярности даже уступают варианту «затрудняюсь ответить» (20%): XXI век — 10%, XIX век — 16%, XVIII век — 12%, а более отдаленные времена в сумме набирают 6% упоминаний.

К сожалению, опубликованные данные не проясняют, стоит ли за желанием россиян путешествовать во времени исключительно любопытство, или к нему добавляются и другие мотивы. На последнюю мысль наводит чрезвычайно высокая популярность среди русскоязычных читателей такого жанра, как литература о «попаданцах» — людях, оказавшихся в другом времени. В 2022 г. редакция одного из научно-популярных изданий опубликовала обзор, подготовленный Николаем Кульбакой¹⁸. Он обратился к базе «Полная энциклопедия попаданцев в прошлое»¹⁹, в которую включены не только традиционные «бумажные» книги, но и обширный корпус онлайн-литературы, публикуемой на различных «самиздатовских» порталах — около 2500 текстов, причем за последнее десятилетие их число выросло более чем в 10 раз. Среди авторов — и профессиональные литераторы, и авторы-любители (что не мешает им привлекать множество читателей — часто существенно больше, чем тиражи «бумажных» книг). В числе интересных тенденций, выявленных Кульбакой, — распределение исторических периодов, куда отправляются персонажи, а также результатов путешествия в прошлое.

¹⁸ Кульбака 2022.

¹⁹ Полная энциклопедия б.з.

Практически всегда «попаданцы» меняют ход истории: выигрываются проигранные войны и сражения, исторические победы достигаются быстрее и с меньшими жертвами, отменяются революции или меняется их исход и т.п. «Пиковый» период — Великая Отечественная / Вторая мировая война (256 книг), то есть событие советского периода, которое не только авторы литературных произведений, но и все россияне считают наиболее важным и которое вызывает наибольшую гордость²⁰. На втором месте, с большим отрывом, — эпоха 1914—1922 гг., включающая Первую мировую войну, Революцию и Гражданскую войну (102 книги), на третьем — Русско-японская война 1905 г.²¹ (33 книги). Другим периодам посвящено существенно меньше текстов.

²⁰ См., напр. *Восприятие населением 2009*; *Петухов и Бараиш 2014*: 90; *Ценностная солидаризация 2019*; *Горшков (ред.) 2022*: 59.

²¹ «Такое ощущение, — замечает Кульбака, — что для многих авторов проигрыш в этой войне был тем событием, с которого „все пошло не так“» (*Кульбака 2022*).

Популярность подобной литературы вполне возможно трактовать как свидетельство того, что россиянам достаточно со стороны наблюдать за происходящим. В исследовании же ВЦИОМ и журнала «Историк» респондентам фактически предложили встать на место «попаданцев», что вызвало меньше энтузиазма.

Как уже отмечалось, формулировка вопроса мало влияет на общие тренды. Все исследователи фиксируют сходные тенденции: чем ближе к сегодняшнему дню дата опроса, тем заметнее перевес предпочтений настоящего прошлому. Перелом, повторим, относится к 2004—2006 гг.: именно в этот период не только молодежь до 30 лет, но и люди среднего возраста стали чаще предпочитать современность истории.

Какой исторический период чаще всего выбирают респонденты?

Вне зависимости от исследовательской компании, анкетных формулировок и времени проведения опроса, если респондента в принципе прошлое привлекает больше, чем настоящее, он выбирает позднесоветский период. Так поступают и более молодые, и старшие возрастные группы. Главное изменение, которое случилось за последние два десятилетия, — сравнительное снижение популярности опции «прошлое» (в том числе советского прошлого) при существенном росте привлекательности жизни в настоящем (см. *табл. 1 и 2*).

Как видно из *табл. 3*, во всех возрастных группах, родившихся не ранее 1970 г., большинство предпочло бы жить в настоящем. В среднем по выборке прошлое выбирают не более трети, и среди них свыше половины останавливаются на периоде позднего СССР. В основном это представители старших поколений: вплоть до последнего времени среди тех, кто родился не позднее 1970 г., в полтора-два раза больше тех, кто предпочел бы жить не в настоящем, а в эпоху Брежнева (см. *табл. 3*). В свою очередь те, кому сегодня нет и 30 лет, в 3—5 раз чаще выбирают настоящее (см. *табл. 3 и 4*).

Говорит ли выбор прошлого о желании действительно там оказаться или вернуть существовавшие тогда ограничения в экономике, общественной и политической жизни?

Анализируя пиковые предпочтения в пользу советской истории, Юрий Левада отмечал, что симпатии к прошлому не тождественны реальному желанию туда вернуться²². Этот вывод подтверждают данные

²² *Левада 2002*.

практически всех исследовательских компаний. Например, опрос, проведенный ФОМ в 2006 г., показал, что сторонники возврата в брежневские времена преобладают только в старших возрастных группах. Более того, если среди родившихся до 1950 г. вернуть их хотели бы 53% при 30% выступающих против, то среди родившихся в 1951—1970 гг. соотношение составляет уже 44% к 39%. Что касается представителей младших возрастных групп, то более половины из них перспектива вернуться туда не привлекает — даже тех, кто в целом позитивно относится к этому периоду²³. Результаты не зависят от метода исследования: так, в 2020 г. в дискуссионных фокус-группах молодые люди довольно скептически оценивали условия позднего СССР и не желали бы их для себя²⁴.

²³ Л. И. Брежнев
2006.

²⁴ Горшков (ред.)
2022: 147.

В мониторинге Института социологии ФНИСЦ РАН есть вопрос не только о желаемом прошлом, но и о том, какие эпохи в историческом развитии страны в наибольшей степени отвечают идеалам респондента²⁵. В 2020 г. 43% либо затруднились с ответом, либо не нашли идеала ни в отдаленном, ни в близком прошлом, причем этот показатель достаточно устойчив на протяжении нескольких лет²⁶.

²⁵ Там же: 23.

²⁶ Там же: 25.

Даже в 1990-е годы, когда симпатии к периоду до 1985 г. достигали максимальных значений, люди жили текущими заботами. Недовольство трансформациями и связанные с ними неурядицы порождали отторжение любых изменений, но и в этих условиях россияне отчетливо осознавали невозможность возвращения «к тому, что было при советской власти» (в 1994 г. этой точки зрения придерживались 70%, в 2001 г. — 76%²⁷). При этом большинство проводившихся в 1990-х годах замеров фиксировали преобладание негативных оценок практически всех сторон жизни — экономических реформ и личного материального положения, политической ситуации, межнациональных отношений. Нарастали тревога, пессимизм, неуверенность в ближайшем и отдаленном будущем, недоверие к общественным и государственным институтам, усталость от проблем²⁸. Чем больше россияне тревожились о настоящем и будущем, чем меньше доверяли государственным и общественным институтам, тем выше были их оценки недавнего прошлого.

²⁷ Левада 2002: 12.

²⁸ См., напр. Отношение россиян 1993: 30—35; Настроения, мнения и оценки 1993, 1994, 1998.

На основе приведенных данных можно с достаточной степенью уверенности предположить, что идеализированный образ «эпохи стабильности» начал конструироваться в массовом сознании еще до того, как он распространился в медиа и стал транслироваться политикой памяти.

Несмотря на произошедший со второй половины 2000-х годов сдвиг в оценках настоящего к позитивной части шкалы, сохраняется разрыв между возрастными группами: чем старше человек, тем вероятнее выбор брежневских времен в качестве наиболее привлекательных. За минувшие 20 лет ушли из жизни многие представители старших возрастных групп, среди которых больше всего были распространены предпочтения советской эпохи. В свою очередь в группы старших и средних возрастов стали переходить те, кто если и застал 1970—1980-е

годы, то в детстве или в ранней юности. Самые молодые участники сегодняшних опросов вообще родились в 1990—2000-е годы. Тем не менее привлекательность «застоя» хотя и уменьшилась, но не исчезла вовсе, в том числе среди молодых людей. А в старших поколениях, родившихся до 1970 г., уровень симпатии к нему устойчиво превышает уровень симпатии к современности.

Важно учитывать, что те, кому было от 16 до 24 лет в опросах 1994 г., — это люди, родившиеся в 1970—1978 гг. В этой группе и в 1994 г., и в 1999 г. преобладали те, кто не соглашался с тем, что лучше бы все оставалось как до 1985 г. (42% против 28—34% соглашавшихся). Среди тех, кому в 1994 г. было от 25 до 40 лет, то есть людей 1955—1969 гг. рождения, перевес в пользу настоящего был не столь значительным (41% к 34%), а спустя пять лет (в 1999 г.) предпочтения стали зеркальными (46% считали, что было бы лучше «как до 1985 г.» против 33% придерживавшихся противоположного мнения)²⁹. В 2020-е годы, по данным всех исследовательских компаний, респонденты 1960 г. рождения и старше не просто предпочитают прошлое — брежневский СССР в этих группах популярнее современности в 1,7—1,8 раза³⁰.

Таким образом, наблюдаемое сегодня преимущество настоящего перед прошлым обеспечивается за счет более молодых возрастных групп. То, что молодежь склонна выбирать настоящее, демонстрируют опросы как 1990-х годов, так и современные. Наиболее существенные перемены последних лет — это сдвиг среднего значения в пользу той позиции, которой раньше придерживались почти исключительно молодые люди.

²⁹ Левада 2003: 13.

³⁰ Пипия 2020; Горшков (ред.) 2022: 25.

**Желаемое
прошлое: образ
позднего СССР
как золотого века**

Можно ли сказать, что образ периода «застоя» как желаемого прошлого — это прежде всего следствие ностальгии старших поколений по эпохе Брежнева? Ряд исследователей отстаивает именно такую интерпретацию, активно используя термин «ностальгия»³¹. Вместе с тем немало и тех, кто либо не считает возможным применять данный термин для описания эмоций в отношении времени, которое многие ныне живущие не застали вообще или застали детьми³², либо предлагает другие термины (например, «постпамять»³³, «историческая травма»³⁴, «культурная травма»³⁵) и связанные с ними интерпретации.

³¹ Воят 2001; Левада 2002; Lee 2011; Kalinin 2011; Абрамов 2013; Kasamara and Sorokina 2015; Омельченко и Андреева 2017; Glowacka-Grajper 2018; Boele, Noordenbos, and Robbe (eds) 2021.

³² Gilbert 2019; Пипия 2020.

³³ Бараш 2017.

³⁴ Абрамов 2013.

³⁵ Malinova 2022.

NB! Следует отметить, что при описании феномена идеализации советского периода слово «ностальгия» часто употребляется не столько как строгое понятие, сколько как метафора. Такую трансформацию могут претерпевать и периодически претерпевают понятия из разных дисциплин. На фоне напряженных дискуссий о содержательном наполнении тех или иных категорий, связанных с конкретными теориями и методологическими перспективами, широкое распространение получают термины, не отличающиеся концептуальной строгостью. Например, в области memory stu-

dies наряду с «коллективной» и «социальной» памятью, все чаще встречается понятие «историческая память». Применение подобных не самых теоретически обоснованных понятий позволяет избежать новых витков методологических споров, особенно в случае неакадемических публикаций или работ авторов, желающих представить эмпирические данные, а не включаться в обсуждение теоретических подходов. Так, то же понятие «историческая память» активно используется в масс-медиа и государственных документах, в том числе в Конституции РФ. Именно метафоричности не в последнюю очередь обязано своей популярностью понятие «место памяти», lieu de mémoire, введенное в оборот Пьером Нора³⁶, причем популярностью настолько широкой, что даже в англоязычной академической литературе оно часто употребляется без перевода.

³⁶ Nora 1997b.

Как бы то ни было, ностальгия — одно из самых распространенных объяснений симпатий к позднесоветскому периоду. Возможно ли, что речь идет о ностальгии не столько по конкретному историческому периоду, сколько по временам молодости старших поколений? Означает ли это, что вопрос, который изначально (в 1990-е годы) был нацелен прежде всего на выявление отношения к актуальным изменениям, сегодня раскрывает скорее стремление снова оказаться молодым? Такой интерпретации противоречит практически полное отсутствие желания жить в эпоху хрущевской оттепели даже среди тех, кто родился в 1940—1950-х годах, а среди родившихся в 1970—1980-е годы — во времена Горбачева или Ельцина³⁷. Уровень симпатий к 1960-м годам (3—6%) лишь немногим выше, чем к эпохе Горбачева или Ельцина (3%)³⁸. Ту же тенденцию демонстрируют данные об отношении к фигуре Хрущева, чей рейтинг как политического деятеля выше рейтинга только крайне непопулярных Горбачева и Ельцина, хотя Хрущев вызывает меньше негативных эмоций и больше равнодушия, особенно среди молодежи³⁹.

³⁷ См., напр. Октябрьская революция 2017.

³⁸ Там же.

³⁹ Восприятие населением 2009; Покида и Зыбуновская 2016: 104; Ценностная солидаризация 2019; Горшков (ред.) 2022: 24, 29—30.

Кроме того, выбор в пользу позднесоветского периода как самого предпочтительного подвержен существенным колебаниям и гораздо сильнее связан с событиями настоящего, чем с оценкой прошлого. Наиболее ярко об этом свидетельствует снижение симпатий к эпохе Брежнева в зависимости от удовлетворенности настоящим и восприятия текущей ситуации. Колебания в уровне симпатий к прошлому способны вызвать даже такие, казалось бы, не связанные с историей и памятью события, как пандемия COVID-19. По мнению авторов монографии «Историческое сознание россиян», краткосрочные факторы, подобные пандемии, могут влиять на отношение к прошлому «через стимуляцию пессимистических умонастроений и добавление негатива в переживание текущего момента жизни общества»⁴⁰. О влиянии ситуационных обстоятельств на мировоззренческие установки респондентов говорят и данные, касающиеся других сюжетов. Так, в 2022—2023 гг. резко выросло, например, стремление жить в социалистическом, а не

⁴⁰ Горшков (ред.) 2022: 24.

капиталистическом обществе. Если в 2020 г. симпатии к социализму и капитализму были примерно на одном уровне (26 и 21% соответственно), то в середине 2022 г. социализм выбрали 48%, а капитализм — 12%. В 2023 г. это соотношение составило уже 48% против 5%⁴¹.

⁴¹ Левашов и др. 2023: 46.

⁴² Halbwachs 1950.

⁴³ Метафора Бориса Колоницкого.

⁴⁴ Hartog 2015: XV.

С одной стороны, это в целом подтверждает одно из центральных положений memory studies, восходящее к Морису Хальбваксу⁴², о зависимости представлений о прошлом от актуального настоящего. С другой стороны, подверженность колебаниям и влияние преходящих обстоятельств свидетельствуют о своего рода «торжестве презентизма»⁴³, то есть о том, что Франсуа Артог называл «тиранией настоящего времени, которое овладевает умами и заставляет их ставить ему на службу и прошлое, и будущее»⁴⁴.

⁴⁵ Л.И. Брежнев 2006; Горшков и Петухов (ред.) 2016.

В любом случае ссылки на ностальгию не в состоянии полностью объяснить, почему именно брежневский период стал олицетворением золотого века в истории страны. Ведь позитивно оценивают его (особенно в сравнении другими историческими периодами) даже многие из тех, кто не хотел бы жить в это время⁴⁵. Чтобы понять, как сложился такой образ, обратимся к ассоциациям, которые возникают у респондентов в связи с этим периодом.

⁴⁶ Пипия 2020. Сумма больше 100%, так как можно было высказать несколько суждений.

В исследовании памяти о Советском Союзе, которое Левада-центр* проводил в 2020 г., использовались разнообразные открытые вопросы о чувствах и эмоциях, связанных с СССР. У подавляющего большинства респондентов он ассоциировался со «стабильностью», «защищенностью», «порядком», «дружбой» (в том числе между народами) и т.п., что в целом дало 76% позитивных оценок при 7% отрицательных и 38% нейтральных⁴⁶. Сходный набор ассоциаций звучит и в биографических интервью: «все были в равных условиях», «работы хватало» и т.д.⁴⁷ Особенно часто об этом говорят представители старших поколений⁴⁸. Впрочем, представление о СССР как о «стране счастливых, улыбающихся, работающих людей» встречается и среди студентов⁴⁹.

⁴⁷ Омельченко и Андреева 2017: 150.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Kasamara and Sorokina 2015: 141.

Преимущественно положительный образ брежневского периода опирается на описания позднего СССР как общества с высоким уровнем равенства, защищенности и солидарности. При сравнении советского общества 1970—1980-х годов с современным российским 53% респондентов полагают, что советское было устроено более справедливо, тогда как противоположного мнения придерживаются 27%. Правда, молодежь до 30 лет настроена к современному обществу чуть благосклоннее, и более справедливым его считают 34% против 48% отдающих предпочтение советскому⁵⁰.

⁵⁰ Справедливость и несправедливость 2022.

⁵¹ Петухов и Бараш 2014: 92.

⁵² Масстикова 2019; Андреевкова 2022.

При оценке значимости таких представлений о советском прошлом необходимо учитывать актуальный общественный запрос на справедливость и солидарность. Так, по данным Института социологии РАН, в 2014 г. социальная справедливость открывала список характеристик, с которыми связывался желанный образ России будущего⁵¹. Сходную картину рисуют и фундаментальные сравнительные исследования в рамках Европейского исследования ценностей⁵², а также опросы мо-

лодых россиян последних лет. В частности, в конце 2022 г. в онлайн-опросе российской молодежи справедливость заняла первое место в рейтинге наиболее значимых ценностей, получив поддержку 81% респондентов⁵³.

Еще один фактор, способствующий идеализации советского прошлого, — сопоставление его с 1990-х годами. Применительно к этому периоду старшие и младшие поколения придерживаются почти идентичных позиций, различаясь лишь степенью выраженности негативного отношения — молодые несколько сдержаннее и дают чуть больше нейтральных оценок⁵⁴.

Существует немало работ, раскрывающих роль официальной политики памяти в формировании образа «лихих 90-х»⁵⁵. Однако влияние политики памяти, проводимой государством, имеет свои пределы. Например, несмотря на предпринимаемые усилия, интерес к дореволюционному прошлому не очень высок, а желание жить во времена более чем столетней давности минимально (см. таб. 1 и 2). Даже краткосрочное пребывание в «древности» не слишком увлекает россиян (см. табл. 5). Еще одно свидетельство ограничений, с которыми сталкиваются мнемонические акторы: публикации о репрессиях и личной ответственности за них Сталина, особенно многочисленные в перестройку и первую половину 1990-х годов, не помешали росту его популярности в последнее десятилетие. Как показывает Дарья Хлевнюк, феномен этой популярности складывается из многих факторов и требует значительно более сложных объяснений, нежели любовь россиян к «сильной руке» или отрицание ими масштаба репрессий⁵⁶.

Помимо властных институтов, заметный вклад в формирование представлений о прошлом вносит множество других акторов памяти, действующих на федеральном, региональном и локальном уровнях, а также масс-медиа⁵⁷. Необходимо также учитывать, что нарратив в отношении 1990-х годов, транслируемый в рамках государственной политики памяти, не противоречит коммуникативной, в том числе семейной, памяти. Значимость воспоминаний, передаваемых старшими поколениями младшим, чрезвычайно высока, и часто именно они ложатся в основу восприятия прошлого⁵⁸.

Оценивая роль различных источников информации в становлении своих представлений об истории, респонденты ставят семейные воспоминания (32%) ниже фильмов и сериалов (художественных и документальных — в сумме 85%) и печатных изданий (исторических романов, научных исследований и мемуаров — в сумме 56%), хотя и выше интернет-публикаций (26%), музеев (24%), учебников (21%) и специализированных программ на телевидении (13%)⁵⁹. Примечательно, однако, что в том же опросе, данные из которого приведены выше, назвать хотя бы один фильм на историческую тему смогли лишь 53%⁶⁰. Судя по всему, акцент на фильмах и исторической литературе следует рассматривать как своего рода социально одобряемое высказывание, сходное по типу с декларацией интереса к истории. Реальные исторические по-

⁵³ Попова и Гришин 2023: 148.

⁵⁴ Ценностная социализация 2019; Восприятие «девяностых» 2020.

⁵⁵ См., напр. Малинова 2017, 2018; Malinova 2022.

⁵⁶ Молотов, Максимова и Хлевнюк 2021; Blackburn and Khlevnyuk 2023.

⁵⁷ Мерзлякова 2019; Аникин и Бубнов 2020; Утехин 2021.

⁵⁸ Ries 1997; Shevchenko 2009; Erl 2011; Бараи 2017; Память о войне 2020; Горшков (ред.) 2022: 92.

⁵⁹ Горшков (ред.) 2022: 91.

⁶⁰ Там же: 31.

знания людей могут не отличаться глубиной и точностью, особенно у молодежи⁶¹.

⁶¹ См., напр. *Что мы помним 2008; История страны 2017.*

Отсутствие глубоких знаний о прошлом (что проявляется, в частности, в незнании исторических дат) может объясняться и наблюдаемым во многих странах изменением социального контекста — представлений о том, что «нужно» знать. В последние годы интерес к истории постепенно стал утрачивать характер социальной нормы даже на уровне деклараций, причем наиболее заметно — среди младших поколений. На это еще в 2009 г. обратил внимание Игорь Задорин, анализируя результаты опроса населения стран СНГ⁶². Его заключение подтверждают и данные общероссийского опроса, проведенного по аналогичной методике спустя десятилетие⁶³, и материалы фокус-групп. По свидетельству Дениса Волкова, обсуждать исторические темы на фокус-группах труднее всего с молодыми людьми — они хуже ориентируются в истории и меньше интересуются ей⁶⁴. Правда, похоже, что под «обсуждением исторических тем» исследователи чаще всего понимают разговор о политической истории, которая относительно мало занимает молодежь в силу ее отчужденности от политики (о чем пишет и сам Волков). Как бы то ни было, в опросах последних лет декларируемый интерес к истории составляет 90% при сохранении описанной выше тенденции: молодые люди более склонны заявлять, что история их не интересует. Так, в возрастной группе до 25 лет в этом признаются 27% — против 3–6% среди тех, кому больше 45 лет, и 12% среди 25–44-летних⁶⁵.

⁶² *Восприятие населениям 2009.*

⁶³ *Мацкевич 2019.*

⁶⁴ *Ценности 2020.*

⁶⁵ *Путешествие 2023.*

На переоценку россиянами роли культурных и научных источников в формировании их представлений о прошлом и недооценку роли семейной памяти и школы косвенно указывает и то, что, когда респондентов просят описать то или иное событие, немногочисленные содержательные описания по большей части не выходят за рамки школьного учебника⁶⁶.

⁶⁶ См., напр. *Колоницкий и Мацкевич 2018: 283.*

Таким образом, результаты исследований, проводившихся в разные годы и количественными, и качественными методами, позволяют говорить о том, что официальная политика памяти является лишь одним из факторов (пусть и очень существенным), влияющих на конструирование образа позднего СССР как золотого века или желаемого прошлого.

Заключение

При видимой популярности исторического прошлого, декларируемом высоком интересе к истории и массовом признании исключительной важности исторических знаний жить в прошлом хотели бы немногие — лишь около трети россиян. К этому склонны в основном старшие поколения, причем в качестве желаемого прошлого они, как правило, выбирают эпоху позднего СССР, то есть «недавнее настоящее», в котором успели пожить в более или менее сознательном возрасте. Несмотря на то что идеализация этого периода и в целом советской истории присуща не только пожилым людям, но и молодежи, подав-

ляющее большинство современных молодых людей предпочитает жить в настоящем.

Возможность побывать в недавнем прошлом вызывает у россиян существенно больший позитивный отклик, чем перспектива жизни при Ленине, Сталине, Хрущеве или даже при наиболее популярном среди советских/российских руководителей Брежнев. Можно сказать, что туризм в прошлое гораздо привлекательнее эмиграции в него.

Позитивное восприятие настоящего, преобладание желания жить в нем наблюдаются с середины 2000-х годов — об этом говорят результаты как академических исследований, так и опросов общественного мнения. До этого россияне отдавали предпочтение прошлому, хотя и понимали невозможность его возвращения. Тенденция к идеализации недавнего прошлого (1970—1980-х годов) начала складываться уже в 1993—1994 гг. как следствие трудностей и испытаний того периода.

Хотя на отношение к недавнему прошлому влияет политика памяти и транслируемые культурной и коммуникативной памятью образы, в решающей степени это отношение зависит от актуальных событий и ситуации, складывающейся сегодня. Значение могут иметь даже краткосрочные факторы, в восприятии прошлого доминирует презентизм.

В целом каждое из обозначенных в начале статьи объяснений выбора позднего СССР как желаемого прошлого справедливо в той мере, в какой оно не претендует на исключительность. Помимо государственной политики памяти в отношении как советского периода, так и 1990-х годов, серьезную роль играет коммуникативная память, передающаяся в личном общении от старших поколений к младшим. Политика памяти, которую проводят различные акторы, опирается на образы прошлого, формировавшиеся в индивидуальной и коллективной памяти начиная с последнего десятилетия прошлого века.

Ностальгия по брежневской эпохе существует как на индивидуальном уровне, так и на уровне массовых представлений, в том числе молодежи. Однако в качестве предпочтительного для жизни этот период чаще всего выбирают те, кто считает себя проигравшим в результате постсоветских трансформаций: преимущественно это пожилые и материально неблагополучные люди⁶⁷. В связи с этим наиболее продуктивной нам кажется трактовка ностальгии скорее как метафоры, которая подразумевает нечто большее, нежели субъективное восприятие некоего периода, объединяющее людей одного поколения. Подобная расширительная трактовка предполагает, что массовые представления о том или ином историческом времени решающим образом зависят от представлений о настоящем⁶⁸.

Недавние исследования показывают, что прошлое, особенно отдаленное, сейчас воспринимается в России как нечто целое, «наша история». Такому «целостному» восприятию способствуют и снижение уровня исторических знаний, прежде всего у молодежи, и ослабление эмоциональной нагруженности отношения к многим былым событиям. Вместе с тем советское прошлое выступает в качестве «места памяти»,

⁶⁷ Латов 2018: 131.

⁶⁸ Pickering and Keightley 2006: 920.

⁶⁹ Nora 1997a:
2226.

которое является частью российской гражданской идентичности, «символическим фрагментом символической общности» (по выражению Нора)⁶⁹, который скорее объединяет, чем разъединяет поколения. И то, что с подробной картой этого «места памяти» знакомы не все россияне, не препятствует его символической значимости.

Библиография

Абрамов Р. (2013) «Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия?» // *Человек*, № 5: 99—111.

Андреевкова А.В. (2022) «Вера в справедливый мир в европейской культуре» // *Социологические исследования*, № 6: 23—35. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2022/6/Andreenkova.pdf> (проверено 17.09.2023).

Аникин Д.А. и А.Ю.Бубнов. (2020) «Политика памяти в сетевом пространстве: интернет как медиатор памяти» // *Вопросы политологии*, т. 10, № 1 (53): 19—28.

Бараш Р.Э. (2017) «О некоторых причинах „советской“ ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде» // *Социологическая наука и социальная практика*, т. 5, № 4 (20): 124—151.

«Возвращение Путина: „неозастой“ — или новый импульс к развитию страны?» (2011) // *ВЦИОМ*, 22.11. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/-vozvrashhenie-putina-neozastoj-ili-povuj-impuls-k-razvitiyu-strany-> (проверено 08.09.2023).

«Восприятие „девяностых“». (2020) // *Левада-центр**, 06.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vospriyatie-devyanostyh/> (проверено 8.09.2023).

«Восприятие населением новых независимых государств общей истории XX века. Аналитический отчет». (2009) // *Евразийский мониторинг*, 22.08. URL: <https://eurasiamonitor.org/issledovaniia#ul-id-18-28> (проверено 8.09.2023).

Горшков М.К., ред. (2022) *Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения)*. М.: Весь Мир.

Горшков М.К. и В.В.Петухов, ред. (2016) *Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая*. М.: Весь Мир.

Долгов А.Ю. (2022) «„Онлайн-память“ о советском прошлом: социальные сети как альтернативные арены споров об СССР» // *Политическая наука*, № 1: 191—204.

Дубин Б. (2011) *Россия нулевых: политическая культура, историческая память, повседневная жизнь*. М.: РОССПЭН.

Единый архив экономических и социологических данных. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/timeser/?S=2229&Q=36> (проверено 8.09.2023).

«История страны: ставим „отлично“, в уме держим „неуд“». (2017) // *ВЦИОМ*, 14.09. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud> (проверено 20.09.2023).

Колоницкий Б.И. и М.Г.Мацкевич. (2018) «Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование» // *Мир России*, т. 27, № 4: 78—101. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/8012/8722> (проверено 20.09.2023).

Кульбака Н. (2022) «Чего хотят попаданцы, или Парадоксы исторической памяти» // *N+I*, 14.10. URL: <https://nplus1.ru/blog/2022/10/14/ti-popal-popadanets> (проверено 8.09.2023).

«Л.И.Брежнев и его время». (2006) // *ФОМ*, 14.12. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/dd064934> (проверено 8.09.2023).

Латов Ю.В. (2018) «Парадоксы восприятия современными россиянами России времен Л.И.Брежнева, Б.Н.Ельцина и В.В.Путина» // *Полит. Политические исследования*, № 5: 116—133. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2018/5/Polis-2018-5-Latov.pdf> (проверено 20.09.2023).

Левада Ю. (2002) «„Человек ностальгический“: реалии и проблемы» // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, № 6: 7—13.

Левада Ю. (2003) «„Человек советский“: четвертая волна. Время перемен глазами общественного мнения» // *Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии*, № 1: 8—16.

Левашов В.К., Н.М.Великая, И.С.Шушпанова, О.В.Гребняк и О.П.Новоженина. (2023) *Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года*. М.: ФНИСЦ РАН.

Малинова О.Ю. (2017) «Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа» // *Полития*, № 4 (87): 6—22. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4\(87\)-3-22.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87)-3-22.pdf) (проверено 20.09.2023).

Малинова О.Ю. (2018) «Обоснование политики 2000-х годов в дискурсе В.В.Путина и формирование мифа о „лихих девяностых“» // *Политическая наука*, № 3: 45—69.

Мастикова Н.С. (2019) «Восприятие социальной справедливости россиянами на основе данных европейского исследования» // *Научный результат. Социология и управление*, т. 5, № 1: 39—51. URL: <http://rflinguistics.ru/media/sociology/2019/1/39-51.pdf> (проверено 20.09.2023).

Мацкевич М. (2019) «Представления граждан России об историческом прошлом: отношение к историческим событиям и историческим деятелям (на материалах массового опроса)» // Горшков М.К., ред. *Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию В.А.Ядова)*. Международная научная конференция (Москва, 28—30 ноября 2019 г.): Сборник материалов. М.: ФНИСЦ РАН: 472—475.

Мерзлякова В.Н. (2019) «Медиатизация коллективной памяти о 1990-х гг. в рунете» // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»*, № 8: 289—302.

Молотов К.И., А.С.Максимова и Д.О.Хлевнюк. (2021) «Способы конструирования экспертной позиции в Youtube: видео популярных блогеров-историков о сталинских репрессиях» // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 5: 92—117. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1965/1587> (проверено 20.09.2023).

«Настроения, мнения и оценки населения в марте-октябре 1993 г.» (1993) // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*, № 8: 36—37. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/94/26> (проверено 20.09.2023).

«Настроения, мнения и оценки населения». (1994) // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*, № 6: 46—68. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/100/32> (проверено 20.09.2023).

«Настроения, мнения и оценки населения». (1998) // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 6: 48—63. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/124/56> (проверено 20.09.2023).

«Октябрьская революция». (2017) // *Левада-центр**, 05.04. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2/?ysclid=lljlym1fs3336613794> (проверено 8.09.2023).

Омельченко Е.Л. и Ю.В.Андреева. (2017) «Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений» // *Социологические исследования*, № 11: 147—156. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2017/2017_11/Omelchenko.pdf (проверено 20.09.2023).

«Опрос молодых о желании жить в другом месте и в другое время». (2014) // *ФОМ*, 28.09. URL: <https://fom.ru/TSennosti/12875> (проверено 20.09.2023).

«Отношение россиян к политическим событиям в стране». (1993) // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*, № 8: 30—35. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/94/26> (проверено 20.09.2023).

«Память о войне: Как в российских семьях хранят память о войне?» (2020) // *ФОМ*, 20.05. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14396> (проверено 8.09.2023).

Петухов В.В. (2020) «Идейно-политические предпочтения россиян: смена дискурса» // *Социологическая наука и социальная практика*, т. 8, № 4: 25—43.

Петухов В.В. и Р.Э.Бараш. (2014) «Русские и „Русский мир“: исторический контекст и современное прочтение» // *Политические исследования*, № 6: 83—101. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2014/66/2014-6-ПЕТУКHOV.pdf> (проверено 20.09.2023).

Пипия К. (2020) *Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе*. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (проверено 8.09.2023).

Покида А.Н. и Н.В.Зыбуновская. (2016) «Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга)» // *Социологические исследования*, № 3: 98—107. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_3/98-107_Pokida_.pdf (проверено 20.09.2023).

Полная энциклопедия попаданцев в прошлое. 26-я редакция. URL: http://samlib.ru/i/isaew_a_w/poradanec26.shtml (проверено 20.09.2023).

Попова О.В. и Н.В.Гришин. (2023) «Политическая идентичность российской молодежи в самооценках и оценках экспертов» // *Политическая наука*, № 2: 140—162.

«Путешествие по отечественной истории». (2023) // *ВЦИОМ*, 27.03. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii?ysclid=llia2qcrmv896091454> (проверено 8.09.2023).

«Справедливость и несправедливость». (2022) // *ФОМ*, 06.10. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14469> (проверено 8.09.2023).

Утехин И.В. (2021) «Визуальные образы 1990-х в Инстаграме: Коммерциализация ностальгии» // *Tempus et Memoria*, т. 2, № 3: 60—72. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/108159/1/tetm-3-2021-07.pdf> (проверено 20.09.2023).

«Ценности, ориентации и участие в политической жизни российского молодого поколения». (2020) // *Левада-центр**, 30.06. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/?ysclid=lmqkpwgwg146224599> (проверено 18.09.2023).

«Ценностная солидаризация и общественное доверие в России». (2019) // *ЦИРКОН*. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/fact> (проверено 8.09.2023).

«Что мы помним и что забыли о великой войне». (2008) // *ВЦИОМ*, 20.06. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-my-pomnim-i-chto-zabyli-o-velikoj-vojne> (проверено 8.09.2023).

Assmann J. (2008) «Communicative and Cultural Memory» // Erl A. and A.Nünning, eds. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter: 109—118.

Blackburn M. and D.Khlevnyuk. (2023) «Escaping the Long Shadow of Homo Sovieticus: Reassessing Stalin's Popularity and Communist Legacies in Post-Soviet Russia» // *Communist and Post-Communist Studies*, 1—20.

Boele O., B.Noordenbos, and K.Robbe, eds. (2021) *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire's Legacies*. New York: Routledge.

Boym S. (2001) *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books.

Davis F. (1979) *Yearning for Yesterday: Sociology of Nostalgia*. New York: Free Press.

Erl A. (2011) «Locating Family in Cultural Memory Studies» // *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 42, no. 3: 303—318.

- Fivush R., T.Habermas, T.E.Waters, and W.Zaman. (2011) «The Making of Autobiographical Memory: Intersections of Culture, Narratives and Identity» // *International Journal of Psychology*, vol. 46, no. 5: 321–345.
- Gilbert A. (2019) «Beyond Nostalgia: Other Historical Emotions» // *History and Anthropology*, vol. 30, no. 3: 293–312.
- Głowacka-Grajper M. (2018) «Memory in Post-Communist Europe: Controversies over Identity, Conflicts, and Nostalgia» // *East European Politics and Societies*, vol. 32, no. 4: 924–935.
- Halbwachs M. (1950) *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Alcan.
- Hartog F. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.
- Kalinin I. (2011) «Nostalgic Modernization: The Soviet Past as „Historical Horizon“» // *Slavonica*, vol. 17, no. 2:156–166.
- Kasamara V. and A.Sorokina. (2015) «Post-Soviet Collective Memory: Russian Youths about Soviet Past» // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 48, no. 2–3: 137–145.
- Lee M. (2011) «Nostalgia as a Feature of „Glocalization“: Use of the Past in Post-Soviet Russia» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 27, no. 2:158–177.
- Malinova O. (2022) «Constructing the Collective Trauma of „The Hard 1990s“ as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin’s Authority» // *Nationalities Papers*, vol. 50, no .3: 619–623.
- Nora P. (1997a) «Comment écrire l’histoire de la France?» // Nora P., ed. *Les lieux de mémoire*. Vol. 2. Paris: Gallimard: 2219–2236.
- Nora P. (1997b) «L’ère de la commémoration» // Nora P., ed. *Les lieux de mémoire*. Vol. 3. Paris: Gallimard: 4687–4719.
- Pickering M. and E.Keightley. (2006) «The Modalities of Nostalgia» // *Current Sociology*, vol. 54, no. 6: 919–941.
- Poushter J. (2017) «Worldwide, People Divided on Whether Life Today Is Better Than in the Past» // *Pew Research Center*, 5.12. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/12/05/worldwide-people-divided-on-whether-life-today-is-better-than-in-the-past/> (accessed on 8.09.2023).
- Ries N. (1997) *Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Shevchenko O. (2009) *Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow*. Bloomington: Indiana University Press.
- Thomson A. (2011) «Memory and Remembering in Oral History» // Ritchie D.A., ed. *The Oxford Handbook of Oral History*. New York: Oxford University Press: 77–95.

* Решением Минюста РФ внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

M.G.Matskevich

TIMES CAN BE CHOSEN: IMAGES OF DESIRABLE PAST IN THE EYES OF RUSSIANS

Maria G. Matskevich — Ph.D. in Sociology; Senior Research Fellow at the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St Petersburg). Email: m.matskevich@socinst.ru.

Abstract. The article, based on the secondary analysis of all-Russian quantitative and qualitative sociological research data, examines the question of the Russians' attitude to various time periods in the history of the country. Surveys over the past 20 years have documented an increase in preferences for the present over the past, while the late Soviet period is still relatively attractive. The author interprets the fact that this trend, although to a different extent, can be traced within all age cohorts, as evidence that images of the past, which were similar in their meaning, were formed and promoted in both communicative and cultural memory. The politics of memory, constructing images of the recent past, did not contradict the ideas transmitted by family memory. Data from quantitative and qualitative studies indicate the dominance of a largely negative image of the 1900s and a positive image of the Brezhnev era.

Having tested the existing explanations for the continued popularity of the Brezhnev era as a desirable past, the author comes to the conclusion that each of them is valid to the extent that it does not claim exclusivity. Nostalgia (in its broadest interpretation), the state's memory politics, the hardships of the 1990s, and many other factors played a role in establishing the image of the late USSR as a golden age in the Russian history. At the same time, the study once again confirms that presentism dominates the perception of the past, and the attitude towards the past depends to a decisive extent on the current events and the current situation. According to the author, in today's Russia, the idealized image of the late Soviet period turns out to be what Pierre Nora called a "site of memory". And the fact that not all Russians are familiar with a detailed map of this "site of memory" does not defy its symbolic significance.

Keywords: desirable past, "site of memory", presentism, cultural memory, communicative memory, sociological surveys

References

Abramov R. (2013) "Muzeifikatsija sovetского. Istoricheskaja travma ili nostal'gija?" [Museumification of Soviet Past: What Does It Manifest —

a Historical Trauma or Nostalgia?] // *Chelovek* [The Human Being], no 5: 99—111. (In Russ.)

Andreenkova A.V. (2022) “Vera v spravdivlyj mir v evropejskoj kul’ture” [Belief in the Just World in European Culture] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 6: 23—35. URL: <https://www.socis.isras.ru/files/File/2022/6/Andreenkova.pdf> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Anikin D.A. and A.Yu.Bubnov. (2020) “Politika pamjati v setevom prostranstve: internet kak mediator pamjati” [Politics of Memory in Virtual Space: The Internet as a Mediator of Memory] // *Voprosy politologii* [Political Science Issues], vol. 10, no. 1 (53): 19—28. (In Russ.)

Assmann J. (2008) “Communicative and Cultural Memory” // Erl A. and A.Nünning, eds. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: De Gruyter: 109—118.

Barash R.E. (2017) “O nekotorykh prichinakh „sovetskoj“ nostalgii i osobennostjakh istoricheskoj pamjati rossijan o sovetskom periode” [Some of the Reasons for “Soviet” Nostalgia and Features of the Historical Memory of Russians about the Soviet Period] // *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial’naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], vol. 5, no. 4: 124—151. (In Russ.)

Blackburn M. and D.Khlevnyuk. (2023) “Escaping the Long Shadow of Homo Sovieticus: Reassessing Stalin’s Popularity and Communist Legacies in Post-Soviet Russia” // *Communist and Post-Communist Studies*, 1—20.

Boele O., B.Noordenbos, and K.Robbe, eds. (2021) *Post-Soviet Nostalgia: Confronting the Empire’s Legacies*. New York: Routledge.

Boym S. (2001) *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books.

“Chto my pomnim i chto zabyli o velikoj vojne” [What Do We Remember and What Have We Forget about the Great War]. (2008) // *VTsIOM* [Russian Public Opinion Research Center], 20.06. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-my-pomnim-i-chto-zabyli-o-velikoj-vojne> (accessed on 17.09.2023). (In Russ.)

Davis F. (1979) *Yearning for Yesterday: Sociology of Nostalgia*. New York: Free Press.

Dolgov A.Yu. (2022) “„Onlajn-pamjat“ o sovetskom proshlom: sotsial’nye seti kak alternativnye areny sporov ob SSSR” [“Online Memory” of the Soviet Past: Social Networks as Alternative Arenas for Debates about USSR] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 1: 191—204. (In Russ.)

Dubin B. (2011) *Rossija nulevykh: politicheskaja kul’tura, istoricheskaja pamjat’, povsednevnaia zhizn’* [Russia of the 2000s: Political Culture, Historical Memory, Everyday Life]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Edinyj arkhiv ekonomicheskikh i sotsiologicheskikh dannykh [Unified Archive of Economic and Sociological Data]. URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/timeser/?S=2229&Q=36> (accessed on 8.09.2023) (In Russ.)

Erl A. (2011) “Locating Family in Cultural Memory Studies” // *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 42, no. 3: 303—318.

Fivush R., T.Habermas, T.E.Waters, and W.Zaman. (2011) “The Making of Autobiographical Memory: Intersections of Culture, Narratives and Identity” // *International Journal of Psychology*, vol. 46, no. 5: 321–345.

Gilbert A. (2019) “Beyond Nostalgia: Other Historical Emotions” // *History and Anthropology*, vol. 30, no. 3: 293–312.

Głowacka-Grajper M. (2018) “Memory in Post-Communist Europe: Controversies over Identity, Conflicts, and Nostalgia” // *East European Politics and Societies*, vol. 32, no. 4: 924–935.

Gorshkov M.K., ed. (2022) *Istoricheskoe soznanie rossijan: otsenki proshlogo, pamjat', simvoly (opyt sotsiologicheskogo izmerenija)* [Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)]. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Gorshkov M.K. and V.V.Petukhov, eds. (2016) *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaja* [Russian Society and Challenges of the Time. Book Four]. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Halbwachs M. (1950) *Les Cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Alcan.

Hartog F. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.

“Istorija strany: stavim „otlichno“, v ume derzhim „neud“” [History of the Country: We Put “Excellent”, Keep “Failure” in Mind]. (2017) // *VTsIOM* [The Russian Public Opinion Research Center], 14.09. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/istoriya-strany-stavim-otlichno-v-ume-derzhim-neud> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Kalinin I. (2011) “Nostalgic Modernization: The Soviet Past as „Historical Horizon“” // *Slavonica*, vol. 17, no. 2: 156–166.

Kasamara V. and A.Sorokina. (2015) “Post-Soviet Collective Memory: Russian Youths about Soviet Past” // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 48, no. 2–3: 137–145.

Kolonitskii B. and M.Matskevich. (2018) “Desakralizatsija revoljutsii i antirevoljutsionnyj konsensus v sovremennoj Rossii: jubilej 2017 goda i ego politicheskoe ispol'zovanie/neispol'zovanie” [The Desacralization of Revolution and Anti-revolution Consensus in Modern Russia: the 2017 Anniversary and Its (Non-)Use in Politics] // *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 27, no. 4: 78–101. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/8012/8722> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Kulbaka N. (2022) “Chego khotjat popadantsy, ili Paradoksy istoricheskoy pamjati” [What Do Accidental Time Travellers Want, or the Paradoxes of Historical Memory] // *N+I*, 14.10. URL: <https://nplus1.ru/blog/2022/10/14/ti-popal-popadanets> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

“L.I.Brezhnev i ego vremja” [L.I.Brezhnev and His Time]. (2006) // *FOM* [Public Opinion Foundation], 14.12. URL: <https://bd.fom.ru/report/map/dd064934> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Latov Yu.V. (2018) “Paradoksy vosprijatija sovremennymi rossijanami Rossii vremen L.I.Brezhneva, B.N.El'tsina i V.V.Putina” [Paradoxes of Memory of the Recent Past: USSR under Brezhnev, Russia under Yeltsin and Putin in Perception of the Current Generation of Russians] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 5: 116–133. URL: <https://www.>

politstudies.ru/files/File/2018/5/Polis-2018-5-Latov.pdf (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Lee M. (2011) “Nostalgia as a Feature of „Glocalization“: Use of the Past in Post-Soviet Russia” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 27, no. 2:158—177.

Levada Yu. (2002) “„Chelovek nostal’gicheskij“: realii i problemy” [“Nostalgic Person”: Realities and Problems] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija: Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion: Data. Analysis. Discussions], no. 6: 7—13. (In Russ.)

Levada Yu. (2003) “„Chelovek sovetskij“: chetvertaja volna. Vremja peremen glazami obshchestvennogo mnenija” [“Soviet Person”: the 4th Wave of the Study. Time of Changes in Public Opinion] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija: Dannye. Analiz. Diskussii* [Bulletin of Public Opinion: Data. Analysis. Discussions], no. 1: 8—16. (In Russ.)

Levashov V.K., N.M.Velikaya, I.S.Shushpanova, O.V.Grebnyak, and O.P.Novozhenina. (2023) *Kak zhivesh’, Rossija? Ekspress-informatsija. 53 etap sotsiologicheskogo monitoringa, ijun’ 2023 goda* [How Are You, Russia? Express Information. 53rd Stage of the Sociological Monitoring, June 2023]. Moscow: FNISTs RAN. (In Russ.)

Malinova O.Yu. (2017) “Kommemoratsija istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel’nogo analiza” [Commemoration of Historical Events as Instrument of Symbolic Policy: Possibilities of Comparative Analysis] // *Politeia*, no. 4 (87): 6—22. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4\(87\)-3-22.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2017-4(87)-3-22.pdf) (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Malinova O.Yu. (2018) “Obosnovanie politiki 2000-kh godov v diskurse V.V.Putina i formirovanie mifa o „likhikh devjanostykh“” [Justifying the Political Course of the 2000s and Constructing the Myth about “The Hard Nineties” in the Vladimir Putin’s Discourse] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 3: 45—69. (In Russ.)

Malinova O. (2022) “Constructing the Collective Trauma of „The Hard 1990s“ as a Disregarded Tool of Legitimation for Putin’s Authority” // *Nationalities Papers*, vol. 50, no. 3: 619—623.

Mastikova N.S. (2019) “Vosprijatie sotsial’noj spravedlivosti rossijanami na osnove dannykh evropejskogo issledovanija” [Perception of Social Justice by Russians according to the Data of a European Survey] // *Nauchnyj rezul’tat. Sotsiologija i upravlenie* [Research Result. Sociology and Management], vol. 5, no. 1: 39—51. URL: <http://rllinguistics.ru/media/sociology/2019/1/39-51.pdf> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Matskevich M. (2019) “Predstavljenija grazhdan Rossii ob istoricheskom proshlom: otnoshenie k istoricheskim sobytijam i istoricheskim dejatel’jam (na materialakh massovogo oprosa)” [Russian Citizens’ Perceptions of the Historical Past: Attitudes Toward Historical Events and Historical Figures (Based on the Data of the Mass Survey)] // Gorshkov M.K., ed. *Budushchee sotsiologicheskogo znaniya i vyzovy sotsial’nykh transformatsij (k 90-letiju V.A.Yadova). Mezhdunarodnaja nauchnaja konferentsija (Moskva, 28—30 nojabrja 2019 goda): Sbornik materialov* [The Future of Sociological Knowledge and the Challenges of Social Transformations (To the 90th

Anniversary of V.A.Yadov). International Scientific Conference (Moscow, November 28—30, 2019): Collection of Materials]. Moscow: FNISTS RAN: 472—475. (In Russ.)

Merzlyakova V.N. (2019) “Mediatizatsija kolektivnoj pamjati o 1990-kh gg. v runete” [Mediatization of the Collective Memory of the 1990s on the RuNet] // *Vestnik RGGU. Serija “Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul’turologija* [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series], no. 8: 289—302. (In Russ.)

Molotov K.I., A.S.Maximova, and D.O.Khlevnyuk. (2021) “Sposoby konstruirovaniya ekspertnoj pozitsii v Youtube: video populjarnykh blogerov-istorikov o stalinskikh repressijakh” [Methods of Constructing Expertise on YouTube: Videos of Popular Bloggers-Historians on the Stalinist Repressions] // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 5: 92—117. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1965/1587> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Nastroenija, mnenija i otsenki naselenija v marte-oktjabre 1993 g.” [Moods, Opinions and Assessments of the Population in March through October 1993]. (1993) // *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mnenija* [Economic and Social Changes: The Monitoring of Public Opinion], no. 8: 36—37. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/94/26> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Nastroenija, mnenija i otsenki naselenija” [Moods, Opinions and Assessments of the Population]. (1994) // *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mnenija* [Economic and Social Changes: The Monitoring of Public Opinion], no. 6: 46—68. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/100/32> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Nastroenija, mnenija i otsenki naselenija” [Attitudes, Opinions, and Assessments of the Population]. (1998) // *Monitoring obshchestvennogo mnenija: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny* [The Russian Public Opinion Monitor], no. 6: 48—63. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/124/56> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Nora P. (1997a) “Comment écrire l’histoire de la France?” // Nora P., ed. *Les lieux de mémoire*. Vol. 2. Paris: Gallimard: 2219—2236.

Nora P. (1997b) “L’ère de la commémoration” // Nora P., ed. *Les lieux de mémoire*. Vol. 3. Paris: Gallimard: 4687—4719.

“Oktjabr’skaja revoljutsija [The October Revolution]. (2017) // *Levada-tsentr* [Levada Center], 05.04. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revoljutsiya-2/?ysclid=lljlym1fs3336613794> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Omel’chenko E.L. and Ju.V.Andreeva. (2017) “Chto ostaetsja v semejnoy istorii: pamjat’ o sovetskom skvoz’ razgovor trekh pokolenij” [What Remains in Family History: the Memory of the “Soviet” in the Conversation of Three Generations] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 11: 147—156. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2017/2017_11/Omelchenko.pdf (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Opros molodykh o zhelanii zhit’ v drugom meste i v drugoe vremja” [Survey of Young People about Their Desire to Live in Another Place and at Another Time]. (2014) // *FOM* [Public Opinion Foundation], 28.09. URL: <https://fom.ru/TSennosti/12875> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Otnoshenie rossijan k politicheskim sobytijam v strane” [The Attitude of Russians to Political Events in the Country]. (1993) // *Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny: monitoring obshchestvennogo mnenija* [Economic and Social Changes: The Monitoring of Public Opinion], no. 8: 30–35. URL: <https://www.monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/issue/view/94/26> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Pamjat’ o vojne: Kak v rossijskikh sem’jakh khranjat pamjat’ o vojne?” [Memory of the War: How Do Russian Families Keep the Memory of the War?] (2020) // *FOM* [Public Opinion Foundation], 20.05. URL: <https://fom.ru/Proshloe/14396> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Petukhov V.V. (2020) “Idejno-politicheckie predpochtenija rossijan: smena diskursa” [Ideological and Political Preferences of the Russians: Changing of the Discourse] // *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial’naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], vol. 8, no. 4: 25–43. (In Russ.)

Petukhov V.V. and R.E.Barash. (2014) “Russkie i „Russkij mir“: istoricheskij kontekst i sovremennoe prochtenie” [The Russians and the “Russian World”: The Historical Context and the Contemporary Interpretation] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 83–101. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2014/66/2014-6-PETUKHOV.pdf> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Pickering M. and E.Keightley. (2006) “The Modalities of Nostalgia” // *Current Sociology*, vol. 54, no. 6: 919–941.

Pipia K. (2020) *Struktura i vosproizvodstvo pamjati o Sovetskom Sojuze* [Structure and Reproduction of Memory of the Soviet Union]. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2020/03/Pamyat-o-Sovetskom-Soyuze.pdf> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Pokida A.N. and N.V.Zybunovskaya. (2016) “Dinamika istoricheskoy pamjati v rossijskom obshchestve (po rezul’tatam sotsiologicheskogo monitoringa)” [Dynamics of the Historical Memory in the Russian Society (Results of Sociological Monitoring)] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 3: 98–107. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_3/98-107_Pokida_.pdf (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Polnaja entsiklopedija popadantsev v proshloe. 26-ja redaktsija [The Complete Encyclopedia of Back in Time. 26th Edition]. URL: http://samlib.ru/i/isaew_a_w/popadanec26.shtml (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

Popova O.V. and N.V.Grishin. (2023) “Politicheskaja identichnost’ rossijskoj molodezhi v samoocenke i ocenke ekspertov” [Political Identity of Russian Youth in Self-Assessments and Experts’ Assessments] // *Politicheskaja nauka* [Political Science (RU)], no. 2: 140–162. (In Russ.)

Poushter J. (2017) “Worldwide, People Divided on Whether Life Today Is Better Than in the Past” // *Pew Research Center*, 5.12. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2017/12/05/worldwide-people-divided-on-whether-life-today-is-better-than-in-the-past/> (accessed on 8.09.2023).

“Puteshestvie po otechestvennoj istorii” [Journey through National History]. (2023) // *VTsIOM* [Russian Public Opinion Research Center], 27.03. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/puteshestvie-po-otechestvennoi-istorii?ysclid=llia2qcrmv896091454> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Ries N. (1997) *Russian Talk: Culture and Conversation during Pe-restroika*. Ithaca, London: Cornell University Press.

Shevchenko O. (2009) *Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow*. Bloomington: Indiana University Press.

“Spravedlivost’ i nespravedlivost’” [Justice and Injustice]. (2022) // *FOM* [Public Opinion Foundation], 06.10. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14469> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Thomson A. (2011) “Memory and Remembering in Oral History” // Ritchie D.A., ed. *The Oxford Handbook of Oral History*. New York: Oxford University Press: 77–95.

“Tsennosti, orientatsii i uchastie v politicheskoi zhizni rossijskogo molodogo pokolenija” [Values, Orientations and Participation in Political Life of the Russian Young Generation]. (2020) // *Levada-tsentr* [Levada Center], 30.06. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/30/tsennosti-orientatsii-i-uchastie-v-politicheskoi-zhizni-rossijskogo-molodogo-pokoleniya/?ysclid=lmqkpwgqw146224599> (accessed on 18.09.2023). (In Russ.)

“Tsennostnaja solidarizatsija i obshchestvennoe doverie v Rossii” [Value Solidarization and Public Trust in Russia]. (2019) // *ZIRCON*. URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/fact> (accessed on 08.09.2023). (In Russ.)

Utekhin I.V. (2021) “Vizual’nye obrazy 1990-kh v Instagrame: Kom-mertsializatsija nostal’gii” [The Visual Images of the 1990s in Instagram: a Commercialization of Nostalgia] // *Tempus et Memoria*, vol. 2, no. 3: 60–72. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/108159/1/tetm-3-2021-07.pdf> (accessed on 20.09.2023). (In Russ.)

“Vosprijatie „devjanostykh“” [Perception of the “Nineties”]. (2020) // *Levada-tsentr* [Levada Center], 06.04. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/06/vosprijatie-devyanostyh/> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

“Vosprijatie naseleniem novykh nezavisimykh gosudarstv obshchej istorii 20 veka. Analiticheskij otchet” [Perception of the Common History of the 20th Century by the Population of the Newly Independent States. Analytical Report]. (2009) // *EvrAzijskij monitor* [Eurasian Monitor], 22.08. URL: <https://eurasiamonitor.org/issliedovaniia#ul-id-18-28> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

“Vozvrashchenie Putina: „neozastoj“ — ili novyj impul’s k razvitiyu strany?” [Putin’s Return: “Neo-Stagnation” — or a New Impetus to the Country’s Development?] (2011) // *VTsIOM* [Russian Public Opinion Research Center], 22.11. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/-vozvrashchenie-putina-neozastoj-ili-novyj-impuls-k-razvitiyu-strany-> (accessed on 8.09.2023). (In Russ.)

Р.Э.Бараш
СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
И СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ
В РОССИИ 2020-х ГОДОВ

Раиса Эдуардовна Бараш — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Для связи с автором: raisabarash@gmail.com.

Аннотация. Обращаясь к методологическому разделению коммемориальных ресурсов, автор исследует, каким образом хроника и воспоминания, история и память реконструируют прошлое, одновременно влияя друг на друга. Эмпирическую основу исследования составляют данные опросов, проведенных научной группой Института социологии РАН осенью 2020 и весной 2022 г.

Задействованный автором массив социологических данных позволяет прояснить, как сегодня, в эпоху постпамяти, частная и семейная память наших соотечественников откликается на государственный исторический дискурс и в какой степени фамильная история выступает средством реконструкции национального прошлого. С ростом интереса россиян к собственной идентичности и включенности их в цифровую коммуникацию возрастает популярность генеалогических проектов, с помощью которых реконструируется не только семейная память, но и национальная история, меняется восприятие прошлого. Сведения об истории семьи — важнейший источник информации о национальной истории; эмоционально и содержательно насыщенные рассказы очевидцев повышают историческую заинтересованность их детей и внуков. История как ресурс идентичности превращает в творцов памяти, а значит, и истории носителей постпамяти — близких родственников, гражданское общество и бюрократию.

Одним из самых ярких примеров генеалогической мнемоники, ставший возможным благодаря постпамятной коммеморации, а также цифровизации архивных сведений о военном периоде, является проект «Бессмертный полк», который символически связывает национальную историю и семейную память. С помощью оцифрованных архивных данных и виртуальных генеалогических проектов многие россияне успешно реконструируют семейную историю, особенно когда неизвестные обстоятельства семейной истории ощущаются как «предчувствие» семейной памяти. «Недоговоренность» историй значительной части российских семей, прежде всего о периоде 1930—1950-х годов, порождает запрос на историческую достоверность, но восприятие прошлого через обстоятельства жизни родных и близких де-

дает такое восприятие менее категоричным, мотивируя к сдержанной и «принимающей» оценке истории, какой бы она ни была.

Ключевые слова: историческая память, традиция, идентичность, семейная память

**Память и история
как грани
прошлого**

Многочисленные коммемориальные ресурсы, составляющие и создающие прошлое, складываются в общем смысле из классической для memory studies дихотомии истории и памяти. Хроника и воспоминания непрерывно реконструируют не только прошлое, но и друг друга.

Эмоциональные образы памяти надстраиваются на каркас исторических фактов, «очеловечивая» историю обстоятельствами жизни реальных людей¹, одновременно придавая индивидуальной судьбе дополнительный смысл и цели², в том числе через сопричастность национальному прошлому. Память, включая «унаследованную», оживляет казенные мемориальные конструкции³, связывает семейные воспоминания с национальной историей⁴, наделяет прошлое понятными смыслами, подогревая интерес к истории⁵ и вместе с тем обрекая на забвение кажущиеся неприглядными былые события. Личным и семейным воспоминаниям люди доверяют охотнее, чем насыщенной фактами формальной истории⁶, но именно она задает актуальные рамки коллективной памяти⁷.

Коллективная память, как подчеркивает Алейда Ассман, это, строго говоря, не память и не воспоминание, а общественная конвенция, соглашение о том, что считать историей. Из исторических конвенций политика и идеология создают корпуса массовых представлений о значимом национальном прошлом⁸. Рейнхарт Козеллек называет частную память лишь условием возможных коллективных воспоминаний (Bedingungen Möglicher Erinnerungen)⁹, из которых при идейной поддержке власти складываются паттерны исторической памяти¹⁰. Из чувственной и изменчивой семейной памяти как повседневной изустной коммуникативной памяти вырастает связанная обычаями и ритуалами коллективная культурная память¹¹. Конвенции о трактовке прошлого утверждаются регулярной социальной коммуникацией¹².

Конструктивистская природа исторических символов не означает их фиктивности или манипулятивного характера¹³, но влияние социальных институций на индивидуальные представления о прошлом объективно велико¹⁴, особенно когда власть «секьюритизирует» символы прошлого¹⁵. Под влиянием традиций и коллективных представлений о прошлом человек регулярно возвращается к собственным воспоминаниям и семейной памяти, подсвечивая, дополняя и даже «ретушируя» их сюжеты¹⁶.

Интересу к семейной памяти способствует современный «презентизм», подчинение настоящего прошлому¹⁷. Прежде всего — через

- ¹ Ассман 2004: 21—22.
- ² Лоуэнталь 2004: 91.
- ³ Ассман 2016: 15.
- ⁴ Хириш 2016.
- ⁵ Хальбвакс 2005: 22—23.
- ⁶ Лоуэнталь 2004: 335—336.
- ⁷ Хальбвакс 2005, 2007: 34.
- ⁸ Ассман 2014: 27.
- ⁹ Koselleck 2001: 20.
- ¹⁰ Сонтаг 2014.
- ¹¹ Ассман 2004: 52—54.
- ¹² Антоновский 2015: 47.
- ¹³ Ассман 2014: 28.
- ¹⁴ Ассман 2019: 43.
- ¹⁵ Миллер 2020.
- ¹⁶ Хальбвакс 2007: 151.
- ¹⁷ Hartog and Brown 2015.

- политизацию истории, когда для описания настоящего используются хорошо известные метафоры прошлого¹⁸, а посредством сочетания целенаправленного запоминания и забвения¹⁹ определяются наиболее важные и значимые сюжеты национальной исторической памяти²⁰. Так, по замечанию Ивана Куриллы, использование абсолютно негативно окрашенного понятия «нацизм» позволяет описать оппонента недвусмысленно отрицательным образом. Историческими метафорами, влияющими на восприятие актуальной повестки, являются и другие слова военного времени, например «каратели» и «ополченцы»²¹.
- Частная память действительно чувствительна к историческому дискурсу, но, выступая источником реконструкции прошлого, сама влияет на него. Особенно после «перформативного поворота» в обществоведении, в результате которого догматическая трактовка истории сменилась реконструкцией прошлого через судьбы реальных людей²², превратив семейное прошлое в источник персональной идентичности²³ и даже коллективного самоопределения²⁴.
- Семейная память — ресурс не только исторического знания, но и идентичности, позволяющей людям ощутить себя частью истории²⁵, продолжающегося «генеалогического проекта»²⁶, «великого замысла, выходящего за пределы мимолетного промежутка отдельной человеческой жизни»²⁷, когда персональная биография и глобальная история переплетаются в семейной истории²⁸.
- Интерес к истории семьи поддерживают генеалогические ресурсы с широкими возможностями до-исследования фамильной истории вроде MyHeritage, FamilyTreeDNA, 23andMe, Ancestry.com, где не только онлайн, но и посредством ДНК-тестов можно найти неизвестных ранее родственников, установить примерную географию проживания далеких предков. Это делает творцами истории даже тех, кто не обладает унаследованной семейной памятью, а раскрывает ее обстоятельства самостоятельно.
- Если раньше коммуникативная изустная память сменялась культурной, материальной и лишь с уходом свидетелей превращалась в историю²⁹, то перформативный характер памяти эпохи постмодерна наделил правом «авторства памяти» не только очевидцев прошлого, но и носителей постпамяти — детей, внуков и даже «коллективных наследников».
- Марианна Хирш пишет о «буме памяти» 2010-х годов, когда «поколение внуков», не будучи прямым участником или очевидцем исторических событий, создало целый пласт художественных произведений и исследовательских работ, выстроенных вокруг унаследованных от старших поколений материальных примет прошлого (свидетельств, фотографий, документов), а также «слепых зон» опыта, страха и опасений, появившихся в результате травмы, утраты, скорби или молчания³⁰. Так, графический роман «Маус» Арта Шпигельмана и книги Петера Сихровски рассказывают о судьбах участников исторических событий от лица их детей и внуков.

¹⁸ Курилла 2021: 109.

¹⁹ Лоуэнталь 2004: 323.

²⁰ Цатурова 2018: 62.

²¹ Курилла 2021: 116.

²² Bertens 2019.

²³ Schechner 2013: 28.

²⁴ Бараш 2011.

²⁵ Holland 2008: 118.

²⁶ Ireland 2020.

²⁷ Csikszentmihalyi and Rochberg-Halton 1981: 145.

²⁸ Чалфен 2010.

²⁹ Ассман 2004: 241.

³⁰ Хирш 2021: 13.

Помимо прямых потомков очевидцев, проводниками постпамяти становятся интеллигенция, государственные чиновники, а также представители гражданского общества. В российских условиях постпамять, направленная на мемориализацию эмоционально нагруженных событий советского прошлого, не только трагических (как у Хирш), но и позитивных, резонирует с усилиями бюрократии и государственных медиа по реставрации постсоветской ностальгии³¹.

³¹ Бараш 2017.

Кодифицируя образы прошлого, общественные институты воспроизводят их посредством ресурсов «культурной памяти»³², многообразных способов овещствления и передачи прошлого. На материальность трансляции прошлого посредством «мест памяти» указывал еще Пьер Нора, определяя последние как «объекты ритуала», наделенные «символической аурой» воспоминаний, сочетающие свойства материальной, символической и функциональной коммемораций³³, в которых национальная «память кристаллизуется и находит свое убежище»³⁴.

³² Ассман 2004: 157.

³³ Нора (ред.) 1999: 39.

³⁴ Там же: 17.

В качестве «мест памяти» могут выступать географические объекты, памятники, символы, праздники и т.д. К ним относятся, например, национальный календарь и пантеон национальных героев, посредством которых современные политические нации как «воображаемые сообщества»³⁵ маркируют ключевые для себя вехи суверенной истории. С развитием цифровой коммуникации и ростом интереса людей к собственным корням³⁶ в ресурс «культурной памяти» превращается и генеалогия, особенно в формате поддерживаемых государством мнемотических проектов, с помощью которых воспроизводится не только семейная память, но и национальная история³⁷.

³⁵ Андерсон 2001.

³⁶ Барт (ред.) 2006: 10.

³⁷ Erll 2011: 313.

Ярчайшим примером генеалогической мнемотики, символически связывающей национальную историю и семейную память, является проект «Бессмертный полк». Родившись из региональной гражданской инициативы начала 2010-х годов, за 10 лет своего существования проект благодаря не только живому отклику наследников памяти, но и усилиям бюрократии превратился в один из главных символов причастности почти каждой современной российской семьи к общему делу Победы. Постепенно к семейной памяти о Великой Отечественной войне добавилась коммеморация участия россиян в других военных конфликтах, а оригинальный активистский формат модифицировался в институционализированную структуру Общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России» с широкой сетью региональных отделений и международных координаторов. Изначально локальный проект стал глобальным: был создан тематический интернет-портал, где каждый желающий мог создать страницу памяти ветерана, разместив подробную информацию о его подвиге. Таким образом, из элемента межпоколенной семейной коммуникации шествие трансформировалось в «место памяти» национальной истории и за десятилетие приобрело черты национального ритуала и «изобретаемой традиции», сделав процесс постпамятной реконструкции истории непрерывным.

Любая национальная история, отмечает Ричард Шехнер, есть не достоверная реконструкция прошлого, а постоянное его дополнение, в том числе и обстоятельствами семейной памяти. В любом историческом нарративе борются несколько версий прошлого, каждая из которых, несмотря на кажущуюся полноту, имеет «дыры недосказанности», сквозь которые просвечивают неизвестные или замалчиваемые факты³⁸. Это означает нескончаемость процесса исторической реконструкции и изменчивость символов национального прошлого (которые, по оценке Шехнера, обновляются каждые 20—30 лет)³⁹.

³⁸ Schechner 2013: 145.

³⁹ Ibid.: 82.

Ресурсом исторической реконструкции (вернее, деконструкции) выступает «противопамять» — версия истории, альтернативная канонической, сложившаяся как ответ сообществ, субкультур или семей на историческую несправедливость и/или травму⁴⁰. Наполнение и дополнение семейной памяти неизвестными ранее фактами порождает запрос на достоверную и справедливо истолкованную версию национальной истории — как это было, например, с Денисом Карагодиным, чей интерес к трагической судьбе прадеда превратился в расследование преступлений НКВД.

⁴⁰ Хирш 2021: 11.

Могут ли открывшиеся сегодня многообразные возможности исследования, до-раскрытия семейной истории стать основанием реконструкции отечественной истории? Попробуем ответить на этот вопрос, обратившись к социологическим данным.

⁴¹ Степанова 2017: 16.

Особенности семейной памяти россиян

Память значительного числа российских семей, как пишет Мария Степанова, наполнена «призраками» и «теньями», пробелами в знании о прошлом. Неизвестность окружает жизнь не только тех, кто исчез в жерновах российской истории, но и тех, кто был не героем или фигурантом истории, но ее условным «квартирантом», пытавшимся скрыться из виду и спрятаться от магистрального хода событий⁴¹. Многие старались вести незаметную жизнь и избегали делиться своими воспоминаниями с детьми. Ведь еще относительно недавно было принято скрывать общественно порицаемые обстоятельства биографии вроде судимости, особенно по «политическим статьям», родственников, живущих за рубежом или находившихся на оккупированных территориях⁴², и даже национальности.

⁴² Жить 2017.

⁴³ Здесь и далее, если не оговорено иное, использованы данные опросов, проведенных на учной группой Института социологии РАН осенью 2020 и весной 2022 г. в 22 субъектах РФ. Объем выборочной совокупности — 2 тыс. респондентов, репрезентирующих взрослое население страны по параметрам пола, социально-профессионального статуса, уровня образования и типа населенного пункта.

Это подтверждают и материалы социологических исследований⁴³. Большинство россиян знают историю жизни только самых близких поколений — родителей, бабушек и дедушек (60%). О более длительной истории семьи (не менее четырех предшествующих поколений) осведомлена только пятая часть (21%) наших сограждан, и почти столько же (19%) вообще не имеют о ней представления, затрудняясь с ответом (8%) либо ссылаясь на то, что в их семье не принято вспоминать прошлое (11%). Семейной историей интересуются в первую очередь люди с высшим образованием, среди которых четверть (24%) знакома с историей не менее чем четырех поколений предков. Но и в этой

группе большинство (62%) знает о жизни лишь своих родителей и их родителей⁴⁴.

⁴⁴ Горшков (ред.) 2022: 93.

В отсутствие цивилизованной общественной дискуссии о коллективной памяти и идентичности многие сюжеты прошлого не были проговорены и тем самым завершены; в обществе не сложился дискуссионный формат и даже общий язык обсуждения прошлого⁴⁵. Не только вечерашние оппоненты, но и их дети оказались не готовы к откровенному разговору о прошлом, предпочитая замалчивать его.

⁴⁵ Эппле 2020: 12.

До середины 2010-х годов личное и семейное прошлое воспринималось преимущественно пассивно созерцательно⁴⁶, история дома обсуждалась редко⁴⁷, а семейная память базировалась на каноничном «цитировании» прошлого⁴⁸, неоспоримом пиетете к достижениям предшествующих поколений⁴⁹, что формировало консенсусную интерпретацию национальной истории, прежде всего советского ее периода. Тем более что в доцифровую эпоху история семьи пополнялась лишь ограниченным корпусом официальных сведений и семейных свидетельств, лимитировавших ее «ревизионистский потенциал». Национальное прошлое было «двуслойным», включая в себя, с одной стороны, идеологизированную и героизированную государственную историю, а с другой — память гражданского общества, мотивированную желанием знать историю семьи, города, края. Две версии прошлого существовали параллельно, но по мере освоения людьми новых инструментов работы с прошлым, в первую очередь виртуальных, стал расти интерес к семейной памяти, поиску, восстановлению и сохранению знания о судьбах родных⁵⁰.

⁴⁶ Покида и Зыбуновская 2016: 102.

⁴⁷ Россияне 2011.

⁴⁸ Бессмертное советское 2017.

⁴⁹ Три четверти 2020.

⁵⁰ Юдин и др. 2017: 3.

Цифровизация расширила круг источников исторического знания, сделав доступными околоисторические и архивные онлайн-ресурсы, генологические форумы, содержащие копии личных документов, семейные фотоматериалы и свидетельства очевидцев, что превратило историческое знание в перманентно обновляющийся и расширяющийся массив данных, постоянно востребованных неограниченной аудиторией, реконструирующей, а нередко и конструирующей прошлое⁵¹. Таким образом, благодаря современным средствам коммуникации личное, семейное свидетельство начало превращаться в национальную историю⁵².

⁵¹ Аникин 2017.

⁵² Гудков 2010: 43—44.

Согласно данным Института социологии РАН, семейная память — один из основных источников информации об истории страны для трети (32%) россиян. Популярнее только исторические художественные (45%) и документальные (40%) фильмы. Важными источниками исторической информации являются также музеи и экскурсии (24%), школьные и вузовские учебники истории (21%), историческая научная литература (19%), специализированные программы и ток-шоу на телевидении (13%), мемуары, воспоминания видных исторических деятелей (12%)⁵³.

⁵³ Горшков (ред.): 91.

Интернет-ресурсы по исторической тематике почти столь же востребованы и популярны в качестве источника исторической информа-

⁵⁴ Там же. ции, как и семейная память (26%)⁵⁴. При этом среди активных пользователей интернета и социальных сетей каждый третий (30—33%) считает историю своей семьи важным источником сведений об истории страны⁵⁵.

⁵⁵ Там же: 94. Неудивительно, что вместе с интересом к семейному прошлому растет и интерес к национальной истории⁵⁶. А информированность об истории страны существенно зависит от степени информированности людей об истории своей семьи⁵⁷. В 2020 г. среди россиян, хорошо знающих историю России, каждый третий (39%) был знаком с обстоятельствами жизни более чем трех поколений своих предков. Показательно, что в этой группе доля тех, в чьих семьях не было принято вспоминать прошлое, составляла лишь 2%, тогда как среди плохо знающих — 19%. Обладатели же общих представлений об отечественной истории имели столь же общие представления об истории собственной семьи: большинство из них (65%) хорошо знали о жизни лишь ближайших поколений родственников⁵⁸.

⁵⁸ Горшков (ред.) 2022: 98.

⁵⁹ Указ 2022.

⁶⁰ Путин 2021.

⁶¹ Колтон 2022.

Интересу россиян к семейной истории способствует последовательная государственная политика, в рамках которой семья провозглашается основой укрепления суверенитета страны⁵⁹, базовой составляющей национальных духовно-нравственных ценностей⁶⁰, основанием «разумного, здорового и умеренного консерватизма»⁶¹. Особенно живой отклик вызывают государственные инициативы по поддержанию семейной памяти о Великой Отечественной войне. Война коснулась практически каждой российской семьи, и представления большинства наших соотечественников о военном времени строятся не на абстрактных фактах из учебников истории, а на рассказах родных и близких об их подвиге по защите Родины, о жизни в тяжелейшее для страны время.

Созданные к 70-й годовщине Победы интернет-ресурсы «Подвиг народа» и «Память народа», содержащие миллионы документов о фронтовиках, соединяют память семейную и память национальную, государственную. Каждый может уточнить судьбу родных, принимавших участие в боевых действиях: воинское звание, награды и знаки отличия, место службы, то есть в прямом смысле увидеть их вклад в общую победу.

⁶² Горшков (ред.) 2022: 89.

⁶³ Там же: 103.

⁶⁴ День Победы 2023.

В современной России память о родных, участвовавших в Великой Отечественной войне, всеобъемлюща, подавляющее большинство россиян (82%) хранят память об участии членов своих семей в военных действиях либо в работе в тылу⁶². Среди них 44% знают о жизни своих родных в военное время в подробностях, еще 38% — в общих чертах⁶³. Поэтому для россиян так значим День Победы — не случайно, согласно опросам ВЦИОМ, с 2018 г. он возглавляет список наиболее важных для них праздников⁶⁴. Значимость 9 мая обусловлена не только пиететом по отношению к победителям фашизма, но и тем, что почти для каждой семьи — это личный праздник, связанный с памятью о родных и их подвиге в военное время.

Вырабатывая в 1991 г. основания национально-государственной идентичности⁶⁵, российская власть обращалась к наличным символическим ресурсам, среди которых доминировали советские образы⁶⁶, а память о Великой Отечественной войне являлась важнейшей социализирующей точкой, ключевым нарративом коммуникации государства с гражданами⁶⁷, поддерживающим идеологемы единства государства и народа и сильной власти⁶⁸.

До 2010-х годов дискурс защиты национальной памяти был характерен скорее для внешнеполитической повестки, где Россия противостояла набиравшей силу в ряде центрально- и восточноевропейских стран тенденции к переосмыслению советской истории⁶⁹. В протестные 2011—2012 гг. и особенно после 2014 г. российское руководство сосредоточилось на последовательном продвижении культа российского государства⁷⁰, одним из базовых оснований которого выступала героическая память о Великой Отечественной войне, и задача защиты «исторической правды» стала элементом и внутренней повестки. В 2013 г. Владимир Путин выступил с инициативой о создании единой линейки школьных учебников истории. В подготовленных в ходе реализации этой инициативы учебниках проводилась, помимо прочего, мысль о том, что советское прошлое является личным прошлым каждого гражданина и его семьи, делая таким образом «коллективную идентичность» ресурсом реконструкции былых практик⁷¹.

К началу 2020-х годов история заняла место политики⁷², а власть обозначила свою патерналистскую позицию⁷³ по отношению к национальному прошлому и намерение монополизировать его трактовку, особенно применительно к Великой Отечественной войне. Принятым еще в 2014 г. законом о противодействии попыткам посягательства на историческую память в отношении событий Второй мировой войны государство, по сути, объявило историю военного времени вопросом национальной безопасности⁷⁴, криминализовав любые ее неканонические версии.

Идею защиты памяти о Великой Отечественной войне многие восприняли позитивно, проецируя ее на собственную семейную память. В 2020 г. 53% россиян были убеждены, что от трактовки исторических событий во многом зависит будущее страны и потому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение, и только 37% полагали, что нужно больше думать о настоящем и будущем, оставив прошлое историкам и архивистам⁷⁵.

Современные россияне вообще тяготеют к устойчивым историческим трактовкам: 48% выступают за единообразие в понимании основных исторических событий. Тех, кто считает, что оценки некоторых исторических событий и политических деятелей могут меняться со временем, заметно меньше — 39%⁷⁶. Очевидно, что за желанием «закрепить» исторические интерпретации стоит стремление не только обеспечить преемственность государственной традиции⁷⁷, но и сохранить

⁶⁵ Малинова 2015: 5.

⁶⁶ Каспэ 2012: 127.

⁶⁷ Курилла 2022: 111.

⁶⁸ Копосов 2011: 164.

⁶⁹ Курилла 2014.

⁷⁰ Gliszczynska-Grabias, Belavusau, and Malksoo 2021: 11.

⁷¹ Копосов 2011: 159—160.

⁷² Курилла 2021.

⁷³ Kharaeva 2016.

⁷⁴ Баунов 2021.

⁷⁵ Горшков (ред.) 2022: 73.

⁷⁶ Там же: 75.

⁷⁷ Эткнд 2016: 366.

⁷⁸ Николаи и Хазина 2013.

привычное восприятие семейной истории и ощущение достоверности собственных «постпамятных» представлений о прошлом⁷⁸.

Но Великая Отечественная война — не единственное событие в истории страны, память о котором сохраняется в российских семьях. Интерес к судьбе родственников в военный период постепенно перерастает в более широкий интерес к фамильной истории. Многие семьи не только непосредственно испытали на себе сложнейшие перипетии отечественной истории (революция, гражданская война, репрессии 1930—1950-х годов), но и сумели сохранить память о них и даже передать свои свидетельства детям и внукам.

⁷⁹ Горшков (ред.) 2022: 132—133.

В 2022 г. пятая часть (21%) россиян уверенно заявляла, что их семьи пострадали от сталинских репрессий и раскулачивания. Еще около четверти были осведомлены об участии своих предков в Гражданской войне и даже точно знали, какую сторону занимали их родные: у 16% они поддерживали «красных» (большевиков), у 6% — «белых»⁷⁹. В данном случае примечательна не только хорошая информированность о семейной истории вековой давности, но и мирное сосуществование в одной стране потомков некогда непримиримых идеологических противников.

⁸⁰ Там же: 132.

Семейная память россиян сочетает противоречивые свидетельства и об относительно недавнем прошлом. Так, для 9% из них 1990-е годы — это время, когда их семьи достигли успеха, воспользовавшись открывшимися возможностями рыночной экономики и политической свободы. Однако немало (13%) и тех, для чьих близких преобразования 1990-х годов обернулись катастрофой. Не менее показателен и другой пример. В ходе опроса 2022 г. выяснилось, что за последние 20 лет родственники каждого десятого (11%) респондента сумели добиться на родине заметных профессиональных успехов (найти высокооплачиваемую работу, построить карьеру, открыть свое дело), тогда как у 7% родные уехали из страны в поисках лучшей доли за рубежом⁸⁰.

⁸¹ Эпле 2020: 11.

Пересечение противоречивых свидетельств об одних и тех же исторических периодах в семейной памяти очень жизненно описывает Николай Эпле на примере собственной семьи: два его родственника одного поколения, бывшие очевидцами событий 1930-х годов, хранили такие разные воспоминания, словно прожили свои жизни в разных странах: для одного репрессии были мифом и «поклепом», для другого — ежедневной реальностью⁸¹. Бывает, что в одной семье оказываются «и жертвы, и палачи», как в случае с внучкой сотрудника НКВД, участвовавшего в преследовании прадеда Карагодина, которая узнала об обстоятельствах жизни своего предка только спустя годы после его смерти⁸².

⁸² Акт 2016.

Тайна, молчание, неизвестность — важнейшие составляющие истории и памяти многих российских семей. Не случайно одна из мемориальных гражданских инициатив, посвященная жертвам политических репрессий, называется «Возвращение имен», будучи, по словам

⁸³ Эппле 2020: 106. Эпле, и своего рода поминовением, и символическим актом восстановления справедливости и возвращения отнятого⁸³.

Семейная память в России действительно нередко соединяет в себе как проговоренное, запомненное прошлое, так и прошлое забытое, элементы которого, однако, присутствуют в памяти. Ощущая недосказанность и недорассказанность семейной истории, многие российские семьи сохраняют то, что Ассман называла «сберегающим забвением» как промежуточным состоянием между активным воспоминанием и полным забвением⁸⁴.

Если коллективная память о Великой Отечественной войне пронизана семейными воспоминаниями победителей, то постпамять потомков немногочисленных выживших в репрессиях «растворяется» в семейной памяти тех, кого события 1930—1950-х годов не затронули. Людей, «уполномоченных» семейной памятью свидетельствовать от лица очевидцев о тех событиях и претендовать на их интерпретацию⁸⁵, сегодня очень мало.

В противоположность акции «Бессмертный полк», которая, благодаря искреннему интересу потомков, поддержанному бюрократией, превратилась в один из ключевых механизмов коммеморации войны и Победы, память о жертвах 1930—1950-х годов деятельно сохраняют буквально единицы носителей семейной памяти и энтузиасты гражданских инициатив «Возвращение имен» и «Последний адрес». В 2020 г. в проекте «Последний адрес», направленном на увековечивание памяти жертв сталинских репрессий, участвовал лишь 1% россиян; большинство же (71%) о нем даже не слышало⁸⁶.

Участие в увековечивающих мероприятиях буквально единиц связано прежде всего с тем, что большинства семей сталинские репрессии прямо не коснулись или, во всяком случае, не отложились в семейной памяти. А воспоминания, в отличие от рукописей, не горят, только если их сохраняют люди, равнодушные к истории своей семьи⁸⁷.

В 2020 г. 39% россиян заявляли, что их семью репрессии 1930—1950-х годов не затронули. Точно знали, что члены их семьи пострадали от сталинских репрессий, 24%, из которых 10% были хорошо информированы о том, как это происходило, а 14% знали лишь о факте репрессий. Остальные же 38% смутно представляли себе судьбу своих родных в 1930—1950-е годы, основываясь в своих предположениях о прошлом на обрывочных сведениях, собственных догадках и «туманных» рассказах родственников⁸⁸.

Посредством «сберегающего забвения» россияне сохраняют память о прошлом своих родных как «предчувствие» семейной памяти, предпосылку ее до-раскрытия. Выстроенное на обрывках фактов, это «предчувствие» памяти полно догадок, неясных страхов⁸⁹, способствуя складыванию «спирали молчания» о 1930—1950-х годах. Не имея достоверных сведений об истории своей семьи в тот период, многие несут в своем образе мыслей и привычках унаследованные от поколения очевидцев навыки осторожного поведения, речевой цензуры. Как пишет

о том времени в своей полной страшных подробностей автобиографической книге Тамара Петкевич, немалая часть освободившиеся из лагерей осознанно не возвращалась к своим семьям, руководствуясь установкой: «Не появляйся! Не ломай! Не вторгайся! Не мешай налаженной жизни!»⁹⁰

⁹⁰ Петкевич 1993: 335.

Эмоционально точно эффект постравматического забвения периода репрессий описывает Юрий Дудь* в фильме с говорящим названием «Колыма — родина нашего страха», отмечая, что атмосфера всеобщего молчания и привычка быть осторожным, не привлекать к себе внимание и не высовываться коренится в массовом страхе советских людей перед репрессиями и безжалостной системой ГУЛАГа⁹¹. Показательно, что в качестве одного из мотивов, подтолкнувшего его к созданию фильма, автор называет крайне низкую информированность российской молодежи о сталинских репрессиях.

⁹¹ Колыма 2019.

Такая непроговоренность семейной, а значит, и национальной истории порождает запрос на историческую достоверность. В 2020 г. большинство (61%) россиян считали, что новым поколениям нужно полнее и честнее рассказывать не только о героическом прошлом нашей страны, но и о трагических страницах ее истории, и лишь менее трети (29%) не хотели «ворошить» былое⁹².

⁹² Горшков (ред.) 2022: 111.

Чаше других идею объективного и подробного описания прошлого поддерживают люди, хорошо знакомые с историей своей семьи. Так думают 69% тех, кто знает о судьбах прадедушек и прабабушек и даже их родителей. Возможно, дело в том, что в семьях с длинной исторической памятью не принято замалчивать прошлое, каким бы оно ни было. А может, интерес к генеалогии, как и персонификация прошлого через обстоятельства жизни родных, делает восприятие прошлого менее категоричным, мотивируя к сдержанной и «понимающей» оценке истории.

Люди же, в чьих семьях не сложилась традиция межпоколенной передачи семейной истории, ненамеренно или целенаправленно замалчивалось фамильное прошлое, более других (в 39% случаев) склонны полагать, что нельзя постоянно «ворошить» трагические страницы отечественной истории, так как это раскалывает общество и мешает его консолидации. Впрочем, даже в этой группе половина (50%) выступает за историческую честность и объективность⁹³.

⁹³ Там же: 112.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что семейная память, будучи одним из ключевых источников исторического знания в России, существенно влияет на восприятие национальной истории. Персонализация национального прошлого через судьбы родных и близких наделяет россиян более чуткой «исторической оптикой». Хорошее знание фамильной истории повышает интерес к истории национальной и одновременно связывает историю страны и историю семьи: под

влиянием традиций и коллективных представлений о прошлом люди регулярно возвращаются к собственным воспоминаниям и семейной памяти.

Частная память всегда чувствительна к официальному историческому дискурсу, особенно постпамять наследников очевидцев драматических событий, для которых участие их близких в этих событиях составляет часть личной идентичности. Государственные инициативы, направленные на поддержание памяти о Великой Отечественной войне, находят отклик в российском обществе прежде всего потому, что подавляющее большинство россиян хранит память о военном прошлом своих родных, а День Победы воспринимает как семейный праздник. Постпамятная коммеморация российскими семьями подвига победы в Великой Отечественной войне превращает ее в «точку сборки» современной российской идентичности.

Вместе с тем семейная память многих россиян ограничена: они не только не знают обстоятельства жизни поколений старше бабушек и дедушек, но и часто лишь смутно догадываются о судьбах ближайших родственников. Недоговоренность порождает запрос на историческую достоверность. В условиях широкого доступа к цифровым источникам исторического знания и особенно генеалогии немалая часть наших соотечественников пытается реконструировать семейную историю, особенно когда ее забвение ощущается как предчувствие памяти.

Библиография

«Акт гражданского согласия и примирения». (2016) // *Исследование Карагодина*, 21.11. URL: <https://karagodin.org/?p=11119> (проверено 17.08.2023).

Алексеев А. (2008) «Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие)» // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, № 5: 49—50.

Андерсон Б. (2001) *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле.

Аникин Д.А. (2017) «Визуализация исторической памяти в сетевом обществе: методологические основания исследования» // *Logos et Praxis*, т. 16, № 3: 32—39.

Антоновский А.Ю. (2015) «Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации» // *Вопросы философии*, № 2: 45—57.

Ассман А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман А. (2016) *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман А. (2019) *Забвение истории — одержимость историей*. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман Я. (2004) *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.

Бараш Дж.Э. (2011) «О воображении и месте коллективной памяти в общественной сфере» // *Философские науки*, № 2: 83—96.

Бараш Р.Э. (2017) «О некоторых причинах „советской“ ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде» // *Социологическая наука и социальная практика*, т. 5, № 4: 124—151.

Барт Ф., ред. (2006) *Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий*. М.: Новое изд-во.

Баунов А. (2021) «Раздвоение памяти. Зачем закрывают „Мемориал“» // *Carnegie Endowment for International Peace*, 16.11. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/85782> (проверено 17.08.2023).

«Бессмертное советское: Как прошлое остается в семейной памяти». (2017) // *ВШЭ*, 13.12. URL: <https://iq.hse.ru/news/212977562.html> (проверено 17.08.2023).

Горшков М.К., ред. (2022) *Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения)*. М.: Весь Мир.

Гудков Л.Д. (2010) «Время и история в сознании россиян (часть II)» // *Вестник общественного мнения*, № 2 (104): 13—61. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/m4pa41dnbu/direct/79882243> (проверено 27.08.2023).

«День Победы — 23: Военный парад, георгиевская ленточка и „Бессмертный полк“ — главные элементы праздника 9 Мая». (2023) // *ВЦИОМ*, 4.05. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (проверено 25.09.2023).

«Жить с чистого листа опасно: „Огонек“ о том, к чему приводит разрыв исторической памяти». (2017) // *Огонек*, 10.07. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3330116> (проверено 17.08.2023).

Каспэ С.И. (2012) *Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай*. М.: РОССПЭН.

Колтон Т. (2022) «В чем смысл путинского консерватизма?» // *Россия в глобальной политике*, 28.01. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/smysl-putinskogo-konservatizma/> (проверено 17.08.2023).

«Колыма — родина нашего страха». (2019) // *Youtube*, 23.04. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oo1WouI38rQ> (проверено 17.08.2023).

Копосов Н. (2011) *Память строгого режима: История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.

Курилла И. (2014) «Исторический язык власти в 2014 году. Академическая версия эволюции исторического языка В.В.Путина в 2014 году: „безудержная инструментализация истории“» // *Гептер*, 26.12. URL: <https://gefter.ru/archive/13920> (проверено 17.08.2023).

Курилла И. (2021) «История как язык политики» // *Новое прошлое*, № 1: 104—126.

Курилла И. (2022) *Битва за прошлое: Как политика меняет историю*. М.: Альпина Паблицер.

Лоуэнталь Д. (2004) *Прошлое — чужая страна*. СПб.: Владимир Даль; Русский Остров.

Малинова О.Ю. (2015) *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Политическая энциклопедия.

Миллер А. (2020) «Враг у ворот истории. Как историческая память стала вопросом безопасности» // *Carnegie Endowment for International Peace*, 5.03. URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/81207_ (проверено 17.08.2023).

Немцев М. (2016) «Горе vs. гордость в постпамяти. Этика памяти и политика горя: расхождения неизбежны?» // *Гегтер*, 1.04. URL: <http://gefter.ru/archive/18020> (проверено 17.08.2023).

Николай Ф.В. и А.В.Хазина. (2013) «На перекрестках гендерных и визуальных исследований. Концепция постпамяти М.Херш» // *Диалог со временем*, № 43: 162—170.

Нора П., ред. (1999) *Франция-память*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Петкевич Т.В. (1993) *Жизнь — сапожок непарный: Воспоминания*. СПб.: Астра-Люкс; [Челябинск]: АТОКСО.

Покида А.Н. и Н.В.Зыбуновская. (2016) «Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга)» // *Социологические исследования*, № 3: 98—107. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_3/98-107_Pokida_.pdf (проверено 27.08.2023).

Путин В.В. (2021) «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства)» // *Президент России*, 21.04. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (проверено 17.08.2023).

«Россияне ответили на вопросы о сохранении памяти о своих предках». (2011) // *Ромир*, 22.11. URL: <https://romir.ru/studies/rodstva-nepromnyashchie> (проверено 17.08.2023).

«Семейная память важна для россиян — соцопрос ВЦИОМ и Музея истории ГУЛАГа». (2018) // *Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека*, 5.10. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/semeynaya_pamyat_vazhna_dlya_rossiyan_sotsopros_vtsiom_i_muzeya_istorii_gulaga_/?special_version=Y (проверено 17.08.2023).

Сонтаг С. (2014) *Смотрим на чужие страдания*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Степанова М.М. (2017) *Памяти памяти: Романс*. М.: Новое изд-во.

«Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны». (2020) // *Ведомости*, 24.03. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (проверено 17.08.2023).

«Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». (2022) // *Президент России*. 9.11. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (проверено 17.08.2023).

Хальбвакс М. (2005) «Коллективная и историческая память» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 2–3: 8–27.

Хальбвакс М. (2007) *Социальные рамки памяти*. М.: Новое изд-во.

Хирш М. (2016) «Что такое постпамять» // *Уроки истории*, 17.07. URL: <https://stg.old.urokiistorii.nppsatek.com/article/53287> (проверено 17.08.2023).

Хирш М. (2021) *Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста*. М.: Новое изд-во.

Цатурова С. К. (2018) «О пользе презентизма, или Как изучать истоки национального государства в ожидании его отмирания» // *Диалог со временем*, № 65: 59–72.

Чалфен Р. (2010) «Семейные фотографии как коммуникация посредством изображений» // *Социологический журнал*, № 2: 98–117.

Эппле Н.В. (2020) *Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах*. М.: «НЛО».

Эткинд А. (2016) *Кривое горе: Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение.

Юдин Г.Б., Д.О.Хлевнюк, А.С.Максимова, Н.Г.Фархатдинов, М.Я.Рожанский и Е.Ю.Васильева. (2017) *Какое прошлое нужно будущему России? Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества*. М.: Комитет гражданских инициатив.

Bertens L.M.F. (2019) «„Doing“ Memory: Performativity and Cultural Memory in Janet Cardiff and George Bures Miller’s *Alter Bahnhof Video Walk*» // *Holocaust Studies*, vol. 26, no. 2: 181–197.

Csikszentmihalyi M. and E.Rochberg-Halton. (1981) *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press.

Erl A. (2011) «Locating Family in Cultural Memory Studies» // *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 42, no. 3: 303–318.

Gliszczyńska-Grabias A., U.Belavusau, and M.Mälksoo. (2021) «Memory Laws and Memory Wars in Poland, Russia and Ukraine» // *Jahrbuch des öffentlichen Rechts*, vol. 69, no. 1: 95–117.

Hartog F. and S.Brown. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.

Holland P. (2008) «Sweet It Is to Scan: Personal Photographs and Popular Photography» // Wells L., ed. *Photography: A Critical Introduction*. London, New York: Routledge: 113–159.

Ireland A. (2020) «Creating Places-of-Memory: Photographs, Identity, and Matrilineality» // *The University of Maine. Electronic Theses and Dis-*

sertations, Summer. URL: <https://digitalcommons.library.umaine.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4295&context=etd> (accessed on 17.08.2023).

Khapaeva D. (2016) «Triumphant Memory of the Perpetrators: Putin's Politics of Re-Stalinization» // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no. 1: 61–73.

Koselleck R. (2001) «Gebrochene Erinnerung? Deutsche und polnische Vergangenheit» // *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. Jahrbuch 2000*. Göttingen: Wallstein: 19–32.

Schechner R. (2013) *Performance Studies: An Introduction*. London, New York: Routledge.

* Решением Минюста РФ внесен в реестр СМИ — «иностранных агентов».

R.E.Barash
FAMILY HISTORY
AND FAMILY MEMORY
IN RUSSIA OF THE 2020s

Raisa E. Barash — Ph.D. in Political Science; Leading Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Email: raisabarash@gmail.com.

Abstract. The author explores how chronicle and memoirs, history and memory reconstruct the past, while simultaneously influencing each other, using the methodological division of commemorative resources. The empirical basis of the study is the data of surveys conducted by the scientific group of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in the fall of 2020 and spring of 2022.

The sociological data help the author to clarify how today, in the post-memory era, the private and family memory of our compatriots responds to the state historical discourse and to what extent family history acts as a means of reconstructing the national past. With the growing interest of Russians in their own identity and their inclusion in digital communication, the popularity of genealogical projects is increasing, with the help of which not only family memory, but also national history, is reconstructed, and the perception of the past is changing. Information about family history is the most important source of information about national history. Emotionally and meaningfully

rich stories from eyewitnesses increase the historical interest of their children and grandchildren. History as a resource of identity turns post-memory carriers — close relatives, civil society, and bureaucracy — into creators of memory, and therefore history makers.

One of the most striking examples of genealogical mnemonic, which became possible due to the post-memorial commemoration, as well as the digitalization of archival information about the war period, is the Immortal Regiment project, which symbolically connects national history and family memory. With the help of digitized archival data and virtual genealogy projects, many Russians are successfully reconstructing family history, especially when unknown circumstances of family history are felt as a “premonition” of family memory. The “incompleteness” of stories of a significant part of Russian families, primarily about the 1930–1950 time period, gives rise to a demand for historical authenticity, but the perception of the past through the circumstances of the lives of relatives makes such perception less “white-or-black”, calling for a balanced and “understanding” assessment of history, whatever it may be.

Keywords: historical memory, tradition, identity, family memory

References

- “Akt grazhdanskogo soglasija i primirenija” [The Act of Civil Consent and Reconciliation]. (2016) // *Rassledovanie Karagodina* [Investigation of Karagodin], 21.11. URL: <https://karagodin.org/?p=11119> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)
- Alekseev A. (2008) “Pamjat’ semejnaja i istoricheskaja: točki pere-sechenija i razryvy (gipoteza o vlijanii semejnoj pamjati na mirovosprijatie)” [Family and Historical Memory: Points of Intersection and Gaps (Hypothesis on the Influence of Family Memory on the World’s Perception)] // *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research], no. 5: 49–50. (In Russ.)
- Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshlenija ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Anikin D.A. (2017) “Vizualizatsija istoricheskoy pamjati v setevom obshchestve: metodologicheskie osnovanija issledovanija [Visualization of Historical Memory in Network Society: Methodological Grounds for Research] // *Logos et Praxis*, vol. 16, no. 3: 32–39. (In Russ.)
- Antonovskiy A.Yu. (2015) “Ponimanie i vzaimoponimanie v nauchnoj kommunikatsii” [Understanding and Consensus in Scientific Communication] // *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], no. 2: 45–57. (In Russ.)
- Assmann A. (2014) *Dlinnaja ten’ proshlogo: Memorial’naja kul’tura i istoricheskaja politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Assmann A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Assmann A. (2019) *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriej* [Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Assmann J. (2004) *Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen]. Moscow: Jazuki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)

Barash J.A. (2011) “O voobrazhenii i meste kollektivnoj pamjati v obshchestvennoj sfere” [Articulations of Memory: Reflections on Imagination and Scope of Collective Memory in the Public Sphere] // *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], no. 2: 83–96. (In Russ.)

Barash R.E. (2017) “O nekotorykh prichinakh „sovetskoj“ nostalgii i osobennostjakh istoricheskoi pamjati rossijan o sovetskom periode” [Some of the Reasons for “Soviet” Nostalgia and Features of the Historical Memory of Russians about the Soviet Period] // *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], vol. 5, no. 4: 124–151. (In Russ.)

Barth F., ed. (2006) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naja organizatsija kul'turnykh razlichij* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

Baunov A. (2021) “Razdvoenie pamjati. Zachem zakryvajut „Memorial“” [Bifurcation of Memory. Why Is Memorial Being Closed] // *Carnegie Endowment for International Peace*, 16.11. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85782> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Bertens L.M.F. (2019) “„Doing“ Memory: Performativity and Cultural Memory in Janet Cardiff and George Bures Miller's *Alter Bahnhof Video Walk*” // *Holocaust Studies*, vol. 26, no. 2: 181–197.

“Bessmertnoe sovetskoe. Kak proshloe ostaetsja v semejnoi pamjati” [Immortal Soviet. How the Past Remains in Family Memory]. (2017) // *HSE*, 13.12. URL: <https://iq.hse.ru/news/212977562.html> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Chalfen R. (2010) “Semejnye fotografii kak kommunikatsija posredstvom izobrazhenij” [Interpreting Family Photography as Pictorial Communication] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], no. 2: 98–117. (In Russ.)

Colton T. (2022) “V chem smysl putinskogo konservatizma?” [What Does Putin's Conservatism Seek to Conserve?] // *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], 28.01. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/smysl-putinskogo-konservatizma/> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Csikszentmihalyi M. and E.Rochberg-Halton. (1981) *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press.

“Den’ Pobedy — 23: Voennyj parad, georgievskaja lentochka i „Bes-smertnyj polk“ — glavnye elementy prazdnika 9 Maja” [Victory Day — 23: Military Parade, St. George Ribbon and “Immortal Regiment” Are the Main Elements of the Holiday on May 9] // *VTsIOM* [Russian Public Opinion Research Center], 4.05. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (accessed on 25.09.2023). (In Russ.)

Epple N.V. (2020) *Neudobnoe proshloe: Pamjat’ o gosudarstvennykh prestuplenijakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past: The Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: “NLO”. (In Russ.)

Erl A. (2011) “Locating Family in Cultural Memory Studies” // *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 42, no. 3: 303—318.

Etkind A. (2016) *Krivoje gore: Pamjat’ o nepogrebennykh* [Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of Unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Gliszczyńska-Grabias A., U.Belavusau, and M.Mälksoo. (2021) “Memory Laws and Memory Wars in Poland, Russia and Ukraine” // *Jahrbuch des öffentlichen Rechts*, vol. 69, no. 1: 95—117.

Gorshkov M.K., ed. (2022) *Istoricheskoe soznanie rossijan: otsenki proshlogo, pamjat’, simvoly (opyt sotsiologicheskogo izmerenija)* [Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)]. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)

Gudkov L.D. (2010) “Vremja i istorija v soznanii rossijan (chast’ II) [Time and History in the Consciousness of Russians (Part II)] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija* [The Russian Public Opinion Herald], no. 2 (104): 13—61. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/m4pa41dnbu/direct/79882243> (accessed on 27.08.2023). (In Russ.)

Halbwachs M. (2005) “Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat’” [Mémoire collective et mémoire historique] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul’ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 2—3: 8—27. (In Russ.)

Halbwachs M. (2007) *Sotsial’nye ramki pamjati* [Les cadres sociaux de la mémoire]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

Hartog F. and S.Brown. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.

Hirsch M. (2016) “Chto takoe postpamjat’” [What Is Post-Memory] // *Uroki istorii* [Lessons from History], 17.07. URL: <https://stg.old.urokiistorii.nppsatek.com/article/53287> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Hirsch M. (2021) *Pokolenie postpamjati: Pis’mo i vizual’naja kul’tura posle Kholokosta* [The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

Holland P. (2008) “Sweet It Is to Scan: Personal Photographs and Popular Photography” // Wells L., ed. *Photography: A Critical Introduction*. London, New York: Routledge: 113—159.

Ireland A. (2020) “Creating Places-of-Memory: Photographs, Identity, and Matrilineality” // *The University of Maine. Electronic Theses and*

Dissertations, Summer. URL: <https://digitalcommons.library.umaine.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4295&context=etd> (accessed on 17.08.2023).

Kaspe S.I. (2012) *Politicheskaja teologija i nation-building: obshchie položenija, rossijskij sluchaj* [Political Theology and Nation-Building: General Points, Russian Case]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Khapaeva D. (2016) “Triumphant Memory of the Perpetrators: Putin’s Politics of Re-Stalinization” // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no. 1: 61–73.

“Kolyma — rodina nashego strakha” [Kolyma Is the Birthplace of Our Fear]. (2019) // *YouTube*, 23.04. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oolWou138rQ> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Koposov N. (2011) *Pamjat’ strogogo rezhima: Istorija i politika v Rossii* [The Strict Regime Memory: History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Koselleck R. (2001) “Gebrochene Erinnerung? Deutsche und polnische Vergangenheit” // *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. Jahrbuch 2000*. Göttingen: Wallstein: 19–32.

Kurilla I. (2014) “Istoricheskij jazyk vlasti v 2014 godu. Akademicheskaja versija evoljutsii istoricheskogo jazyka V.V.Putina v 2014 godu: „bezuderzhnaja instrumentalizatsija istorii“” [The Historical Language of Authority in 2014. The Academic Version of the Evolution of V.V.Putin’s Historical Language in 2014: “Unrestrained Instrumentalization of History”] // *Gefter*, 26.12. URL: <https://gefter.ru/archive/13920> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Kurilla I. (2021) “Istorija kak jazyk politiki” [History as a Language of Politics] // *Novoe proshloe* [The New Past], no. 1: 104–126. (In Russ.)

Kurilla I. (2022) *Bitva za proshloe: Kak politika menjaet istoriju* [Battle for the Past: How Politics Changes History]. Moscow: Al’pina Publisher. (In Russ.)

Lowenthal D. (2004) *Proshloe — chuzhaja strana* [The Past Is a Foreign Country]. St Petersburg: Vladimir Dal’; Russkij Ostrov. (In Russ.)

Malinova O.Yu. (2015) *Aktual’noe proshloe: Simvolicheskaja politika vlastvujushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Actual Past: Symbolic Policy of the Ruling Elite and Dilemmas of Russian Identity]. Moscow: Politicheskaja entsiklopedija. (In Russ.)

Miller A. (2020) “Vrag u vorot istorii. Kak istoricheskaja pamjat’ stala voprosom bezopasnosti” [The Enemy at the Gate of History. How Historical Memory Has Become a Security Issue] // *Carnegie Endowment for International Peace*, 5.03. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/81207> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Nemtsev M. (2016) “Gore vs. gordost’ v postpamjati. Etika pamjati i politika gorja: raskhozhdenija neizbezhny?” [Grief vs. Pride in Postmemory. Ethics of Memory and Politics of Grief: Are Discrepancies Inevitable?] // *Gefter*, 1.04. URL: <http://gefter.ru/archive/18020> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Nikolai F.V. and A.V.Khazina. (2013) “Na perekrestkakh gendernykh i vizual’nykh issledovaniy. Kontseptsija postpamjati M.Khersh” [At the Cross-Roads of Gender and Visual Studies: the Concept of Postmemory by Marianne Hirsh] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], no. 43: 162–170. (In Russ.)

Nora P., ed. (1999) *Frantsija — pamjat’* [France — Memory]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU. (In Russ.)

Petkevich T.V. (1993) *Zhizn’ — sapozhok neparnyj: Vospominanija* [Life Is an Unpaired Boot: Memoirs]. St Petersburg: Astra-Ljuks; [Chelyabinsk]: ATOKSO. (In Russ.)

Pokida A.N. and N.V.Zygunovskaya. (2016) “Dinamika istoricheskoy pamjati v rossijskom obshchestve (po rezul’tatam sotsiologicheskogo monitoringa)” [Dynamics of the Historical Memory in the Russian Society (Results of Sociological Monitoring)] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], № 3: 98–107. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_3/98-107_Pokida_.pdf (accessed on 27.08.2023). (In Russ.)

Putin V.V. (2021) “Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federatsii Federal’nomu Sobraniju Rossijskoj Federatsii (O polozhenii v strane i osnovnykh napravlenijakh vnutrennej i vneshnej politiki gosudarstva)” [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation (About the Situation in the Country and the Main Directions of Domestic and Foreign Policy of the State)] // *Prezident Rossii* [President of Russia], 21.04. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

“Rossijane otvetili na voprosy o sokhranении pamjati o svoikh predkakh” [Russians Answered Questions about Preserving the Memory of Their Ancestors]. (2011) // *Romir*, 22.11. URL: <https://romir.ru/studies/rodstva-ne-pomyashchie> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Schechner R. (2013) *Performance Studies: An Introduction*. London, New York: Routledge.

“Semejnaja pamjat’ vazhna dlja rossijan — sotsopros VTsIOM i Muzeja istorii GULAGA” [Family Memory Is Important for Russians — Opinion Poll of the Russian Public Opinion Research Center and the GULAG History Museum]. (2018) // *Sovet pri Prezidente Rossijskoj Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka* [The Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights], 5.10. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/semejnaya_pamyat_vazhna_dlya_rossijan_sotsopros_vtsiom_i_muzeja_istorii_gulaga/?special_version=Y (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Sontag S. (2014) *Smotrim na chuzhie stradanija* [Regarding the Pain of Others]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Stepanova M.M. (2017) *Pamjati pamjati: Romans* [Memory of Memory: Romance]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

“Tri chetverti rossijan schitajut sovetSKUju epokhu luchshej v istorii strany” [Three Quarters of Russians Consider the Soviet Era to Be the Best

in the Country's History]. (2020) // *Vedomosti*, 24.03. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Tsaturova S.K. (2018) “O pol'ze prezentizma, ili Kak izuchat' istoki natsional'nogo gosudarstva v ozhidanii ego otmiraniya” [On the Benefits of Presentism or How to Study the Origins of Modern National State in Expectation of His Disappearance] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], no. 65: 59—72. (In Russ.)

“Ukaz ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sokhraneniju i ukrepleniju traditsionnykh rossijskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostej” [Decree on the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values]. (2022) // *Prezident Rossii* [President of Russia], 9.11. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Yudin G.B., D.O.Khlevnyuk, A.S.Maksimova, N.G.Farkhatdinov, M.Ya.Rozhansky, and E.Yu.Vasilieva. (2017) *Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii? Analiticheskij otchet po sotsiologicheskomu issledovaniju v ramkakh doklada Vol'nogo istoricheskogo obshchestva* [What Kind of Past Does the Future of Russia Need? Analytical Report on Sociological Research in the Framework of the Report of the Free Historical Society]. Moscow: Komitet grazhdanskikh initsiativ. (In Russ.)

“Zhit' s chistogo lista opasno: „Ogonek“ o tom, k chemu privodit razryv istoricheskoy pamjati” [It Is Dangerous to Live from Scratch: “Ogonyok” about What the Rupture of Historical Memory Leads to]. (2017) // *Ogonyok*, 10.06. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3330116> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

ПОЛИТИЯ

А.А.Берлов

РАЗВИТИЕ ПРОЦЕДУРЫ УТВЕРЖДЕНИЯ ГЛАВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИИ В 1990-е ГОДЫ¹

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-00201 (<https://rscf.ru/project/22-78-00201/>).

Александр Алексеевич Берлов — аспирант Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: aberlov@hse.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу коллизий вокруг процедуры утверждения главы правительства России в 1996—1999 гг. Процедура формировалась в условиях острого противоборства между президентом и Государственной Думой, стремившимися наполнить ее разным содержанием. Если президентская власть исходила из того, что назначение главы правительства является ее прерогативой, а функции парламента носят сугубо рекомендательный характер, то депутаты настаивали на расширении собственного участия в данном процессе, требуя, в частности, учета мнения Государственной Думы при определении круга вносимых на ее рассмотрение кандидатур.

Зафиксировав лакуны в прописанном в Конституции 1993 г. механизме утверждения главы правительства и подробно рассмотрев позиции Государственной Думы и президента по предусмотренной этим механизмом процедуре, автор обращается к конфликту августа-сентября 1998 г. По его оценке, победа в этом конфликте законодательной ветви власти не в последнюю очередь объяснялась тем, что, учитывая уже имевшийся у них опыт противостояния с президентом, депутаты начали заранее прорабатывать возможные стратегии давления на него. Наиболее эффективными из них оказались запуск процедуры импичмента и проведение консультаций с избирателями, Советом Федерации и внепарламентскими политическими объединениями.

Однако одержанная Думой победа не была закреплена на институциональном уровне. В результате из всего завоеванного ею в ходе конфликта устояли только церемониальные и консультативные составляющие процедуры утверждения премьер-министра. Президентская власть полностью отыграла утраченные ею в 1998 г. позиции, вернув себе решающую роль в назначении правительства.

Ключевые слова: Россия, 1990-е годы, президент, Государственная Дума, процедура утверждения главы правительства

Введение

² *Центр 1998.*

³ *Там же: 196.*

⁴ *Шейнис 2014: 916.*

⁵ *Центр 1998: 204—205.*

⁶ *Sokolowski 2003; Краснов и Шаблинский 2008; Clark 2011; Парментт 2018.*

⁷ *См., напр. Евзеров 1995.*

⁸ *Макаренко 1997; Remington, Smith, and Haspel 1998.*

⁹ *Стенограмма заседания 19 мая 1999 г.*

В 1998 г. Центр политических технологий опубликовал прогноз состояния политической системы страны на следующий год². Одной из отправных точек прогноза была констатация поражения Бориса Ельцина в борьбе с Государственной Думой по поводу назначения премьер-министра в августе-сентябре 1998 г. и превращения его в «фантомного президента», который фактически удалился от реального принятия решений, уступив значительную часть своих функций правительству парламентского большинства³. Эта победа нижней палаты Федерального Собрания над президентом активизировала разработку и обсуждение поправок к Конституции, призванных зафиксировать сложившееся распределение полномочий⁴. Вместе с тем, как уточняли авторы прогноза, ее следствием стала утрата большинством политических игроков заинтересованности в пересмотре Конституции. Поскольку система власти оказалась достаточно гибкой, чтобы функционировать в условиях минимизации полномочий президента, потребность в конституционной реформе утратила свою остроту⁵.

Споры о недостатках российской Конституции и необходимости ее изменения начались уже вскоре после ее принятия в 1993 г. Многие аналитики определяли конституционную форму правления в России как суперпрезидентскую, то есть имеющую серьезный перекося в пользу полномочий президента в ущерб остальным ветвям власти⁶. Тем не менее немало юристов и политологов еще в 1990-е годы настаивало на том, что на раннем этапе формирования политического строя в РФ значительная часть конституционных норм еще не опиралась на практику и многое зависело от того, как эти нормы будут трактоваться в тех или иных ситуациях⁷. Многочисленные пробелы в конституционных нормах открывали широкий простор для их интерпретации и практической корректировки. Специалисты по российской политике фиксировали, что во второй половине 1990-х годов предметом политического торга между президентом и Федеральным Собранием оказывались даже те вопросы, прерогатива решения которых была закреплена за президентской ветвью власти⁸. В этом смысле упомянутый выше конфликт вокруг утверждения главы правительства и его последствия наглядно продемонстрировали гибкость Основного закона страны и возможности по изменению распределения полномочий в политической системе без прямого изменения текста Конституции.

Однако опыт утверждения правительства Евгения Примакова во многих отношениях так и остался единичным и уникальным. Это делает данный случай своего рода «лакмусовой бумажкой», позволяющей разглядеть общее и особенное в развитии соответствующей процедуры и оценить уроки этого развития. Тем более что практическое закрепление процедуры происходило под влиянием серии конфликтных ситуаций. При обсуждении в мае 1999 г. кандидатуры Сергея Степашина один из парламентариев даже пошутил, что такое обсуждение становится для палаты рутинной, ведь это уже восьмое выступление перед ней кандидата на пост главы правительства⁹.

В настоящей статье мы рассмотрим постепенную эволюцию процедуры утверждения премьер-министра, сделав особый акцент на конфликте августа-сентября 1998 г. и выделив факторы, приведшие к поражению в нем президента. Такая постановка вопроса не только позволяет зафиксировать накопленный в 1990-е опыт, но и открывает перспективы для обсуждения возможных альтернатив, по которым российская политическая система могла бы развиваться в дальнейшем.

Помимо открытых источников, при проведении исследования использовались архивные стенограммы заседаний Совета Государственной Думы, а также совещаний парламентских фракций. Совет Государственной Думы, изначально задуманный как аналог Президиума Верховного Совета РСФСР¹⁰, зачастую играл ключевую роль в дискуссиях относительно оформления единой позиции палаты. Будучи формально сугубо техническим органом, он традиционно выступал в качестве значимого политического института¹¹, определяя не только процедурные моменты, но и повестку дня и частично участвуя во взаимодействии ветвей власти. Привлечение же материалов парламентских фракций объясняется тем, что нередко именно в них обнаруживаются следы предварительных консультаций руководителей думских фракций с кандидатами на пост главы правительства.

В первом разделе статьи будет проанализирован конституционный механизм утверждения главы правительства и выявлены существующие в нем лакуны. Во втором разделе мы остановимся на позициях Государственной Думы и президента по предусмотренной этим механизмом процедуре. Третий раздел посвящен конфликту августа-сентября 1998 г. и причинам победы в нем Государственной Думы.

**Процедура
утверждения
премьер-
министра:
конституционные
положения
и практика**

Согласно Конституции 1993 г., предложение о кандидатуре главы правительства России вносится президентом в Государственную Думу и должно быть рассмотрено ею в течение недели¹². В случае троекратного отклонения Думой представленных им кандидатур президент самостоятельно назначает главу правительства, распускает нижнюю палату и объявляет досрочные выборы¹³.

Несмотря на кажущуюся простоту, на практике данная процедура содержала в себе множество неясностей и спорных мест. Когда после президентских выборов 1996 г. Государственная Дума впервые рассматривала кандидатуру премьер-министра, депутаты признали, что победивший президент вправе назначить правительство, которому предстояло взять на себя выполнение его предвыборных обещаний¹⁴. При всем том многие из них высказывали недовольство тем, что парламентарии были лишены возможности кулуарно пообщаться с Виктором Черномырдиным, чтобы обсудить его программу и будущие ключевые назначения, а также почти не имели времени на обсуждение его кандидатуры¹⁵. Глава Комитета по внешней политике Владимир Лукин заявил, что содержательно процедура утверждения главы правительства нуждается

¹⁰ *Haspel 1998; Глейзенер и Чейсти 1999.*

¹¹ *Помигуев 2016.*

¹² *Конституция б.г.: ст. 111, п. 3.*

¹³ *Там же: ст. 111, п. 4.*

¹⁴ *Стенограмма заседания 10 августа 1996 г.*

¹⁵ *Там же.*

¹⁶ Там же. в серьезной доработке¹⁶. Предшествовавшее ей заседание Совета Государственной Думы, собравшегося во время парламентских каникул, было посвящено преимущественно церемониальным и организационным моментам, и его участники разве что смогли передать через спикера палаты Геннадия Селезнева свои пожелания по поводу готовящейся речи кандидата¹⁷.

¹⁷ ГАРФ Ф. 10100
Оп. 13, Д. 354
Л. 9—17, 17—21,
24, 32.

При следующем обсуждении кандидатуры главы правительства, пришедшемся на апрель 1998 г., позиции президента и Государственной Думы относительно рассматриваемой процедуры получили четкое оформление. Как известно, кандидатура Сергея Кириенко вносилась трижды и была утверждена лишь с последней попытки, когда, найдя пробелы в избирательном законодательстве, президент смог принудить нижнюю палату пойти на уступки под угрозой того, что досрочные выборы будут проводиться по правилам, установленным его указом¹⁸.

¹⁸ ЦИК 1998.

Однако в ходе конфликта по поводу утверждения Кириенко соответствующая процедура претерпела серьезные изменения. Необходимость не только заставить, но и убедить депутатов мотивировала исполнительную власть пойти на контакт с законодательной. Совет Государственной Думы закрепил предыдущую практику и передал кандидату свои пожелания по содержанию его будущего выступления¹⁹. Для знакомства с кандидатом в Кремле был собран круглый стол с представителями палат Федерального Собрания. Сам Кириенко, еще в марте назначенный и.о. председателя правительства, провел ряд предварительных встреч с парламентскими фракциями²⁰. Для обсуждения программы правительства были созданы специальные рабочие группы²¹. Впервые в состав кабинета вошли депутаты Государственной Думы, хотя это решение вызвало неоднозначную реакцию в их партиях. Стоит также отметить, что незадолго до второго голосования по кандидатуре премьер-министра депутаты скорректировали регламент Думы, включив в него возможность проведения такого голосования в открытой форме, чтобы поддержать внутрипартийную дисциплину²².

¹⁹ ГАРФ Ф. 10100
Оп. 13, Д. 592,
Л. 24—40; ГАРФ
Ф. 10100 Оп. 13,
Д. 586 Л. 39—47.

²⁰ ГАРФ Ф. 10100
Оп. 14, Д. 516 Л.
87—88; ГАРФ Ф.
10100 Оп. 14, Д.
588.

²¹ Стенограмма
заседания 17 апре-
ля 1998 г.

²² Садчиков 1998.

Позиции президента и Государственной Думы

Как уже говорилось, в апреле 1998 г. отчетливо проявились различия сторон в трактовке процедуры утверждения премьер-министра. Президент и его команда настаивали на том, что решение вопроса об отставке правительства и выборе кандидата на роль его нового главы фактически является президентской прерогативой. Более того, президент впервые открыто заявил, что вправе трижды вносить в Государственную Думу одну и ту же кандидатуру, поскольку в Конституции это не запрещено. Оказалось также, что Конституция не регламентирует вопрос о возможности отзыва президентом предложенной им кандидатуры. Воспользовавшись этим, Ельцин заменил даты в письме, направленном им в нижнюю палату, чтобы отсчет времени на рассмотрение его предложения начался с нуля, и он мог дольше вести переговоры с депутатами²³.

²³ Родин 1998.

Вполне понятно, что подобные действия вызвали недовольство оппозиционного большинства депутатов. В апреле 1998 г. Государственная Дума подала запрос в Конституционный суд относительно права президента на трехкратное внесение в парламент одной и той же кандидатуры. Но еще до этого Комитет по законодательству начал обсуждение и проработку поправок к Конституции, выдвинутых в ходе работы Государственной Думы прошлого созыва. По мнению депутатов, палату следовало наделить правом утверждать заместителей главы правительства, а также выражать недоверие не только правительству в целом, но и отдельным его членам²⁴.

²⁴ Медушевский 2015

В марте 1998 г. президент наконец подписал закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции», принятый Думой еще в начале февраля²⁵. Однако предусмотренная в нем процедура была крайне сложной и оставляла мало шансов на успех. В связи с этим парламентская оппозиция сделала упор не на изменение Конституции, а на создание неписаных правил и традиций. Лидеры оппозиции считали необходимым обязать президента при определении кандидата на должность главы правительства проводить открытые совещания с Федеральным Собранием, чтобы заранее определить круг возможных кандидатур²⁶. Чуть позже возникла идея предвзвешивать подобными совещаниями и отставку правительства.

²⁵ Шейнис 2014: 921—922.

²⁶ Ильин 1998.

Однако угрозы президента распустить Государственную Думу в марте-апреле 1998 г. и его желание еще больше расширить свои prerogatives сильно ударили по коммуникации двух ветвей власти. Одним из важнейших следствий такого развития событий стало начало процедуры импичмента. Если раньше глава парламентской оппозиции Геннадий Зюганов не поддерживал идею импичмента и даже запретил сбор подписей в его поддержку²⁷, то теперь он изменил свое мнение, и процедуре был дан ход.

²⁷ Черкасов 1998.

Политический кризис августа-сентября 1998 г.

В августе-сентябре 1998 г. две указанные позиции столкнулись наиболее радикальным образом. Как и в прошлый раз, отставка правительства оказалась для депутатов неожиданностью. С одной стороны, все парламентские фракции объявили, что не поддержат предложенную после дефолта антикризисную программу²⁸. С другой стороны, еще 18 августа президент говорил о поддержке правительства, и отставка означала резкий разворот его курса. Не стал президент обсуждать с депутатами и кандидатуру нового главы правительства. После получения письма с фамилией Черномырдина спикер Государственной Думы Селезнев выразил разочарование этим предложением, заметив, что новость о внесении кандидатуры недавно отставленного премьер-министра «все еще переваривают»²⁹.

²⁸ Стенограмма заседания 21 августа 1998 г.

²⁹ ГАРФ Ф. 10100 Оп. 13 Д. 637 Л. 13.

Поскольку в ситуации экономического кризиса вероятность прохождения предложенной кандидатуры через нижнюю палату была минимальной, президент и и.о. главы правительства предложили за-

конодателям компромисс: в последний раз утвердить кандидатуру по традиционной схеме в обмен на последующий ее пересмотр. Этот компромисс должен был быть закреплён в политическом соглашении, чего не происходило с 1994 г., когда президент, глава правительства и спикеры палат Федерального Собрания подписали Договор об общественном согласии. Ответственным за подготовку соглашения депутаты назначили главу фракции «Российские регионы» Олега Морозова³⁰.

³⁰ ГАРФ Ф. 10100
Оп. 13 Д. 638 Л.
16.

Проект соглашения учитывал многие пожелания депутатов по изменению не только процедуры утверждения премьер-министра, но и базовых основ политического строя России. Проект декларировал, что в ближайшее время в Конституцию будет внесён ряд поправок, расширяющих полномочия Федерального Собрания и автономию правительства от президента. В частности, предполагалось увеличить вклад Государственной Думы в формирование правительства и изменить порядок представления кандидатур на должность его главы. Новый кабинет должен был быть сформирован главой правительства при участии депутатов³¹. Соглашение было подписано и.о. премьер-министра, главами парламентских фракций, спикерами палат Федерального Собрания, представителями администрации президента и самим президентом³².

³¹ ГАРФ Ф. 10100
Оп. 14 Д. 150
Л. 6—9.

³² Там же.

Однако попытка достичь согласия между ветвями власти провалилась. Во-первых, некоторые фракции (КПРФ и «Яблоко») подписали соглашение с оговорками и, соответственно, отказывались брать на себя ответственность за исполнение части его пунктов³³. Особые нарекания вызвал пункт 4, согласно которому новое правительство должно было просуществовать до парламентских выборов³⁴. Во-вторых, стороны соглашения с подозрением относились друг к другу. Конфликт апреля 1998 г. нанес по отношениям ветвей власти тяжёлый удар. Поскольку наличие лояльного и уже утверждённого премьер-министра теоретически давало президенту возможность отыграть назад³⁵, его обещания воспринимались с недоверием. Об этом говорят, в частности, попытки депутатов найти дополнительные способы закрепить достигнутые договорённости. Например, Зюганов предлагал принять документ обеими палатами Федерального Собрания³⁶. В-третьих, сами условия соглашения были крайне абстрактными. Лидер Аграрной партии России Николай Харитонов требовал чётко зафиксировать в документе, какие поправки к Конституции должны быть приняты³⁷. В условиях экономического кризиса и отсутствия утверждённого правительства на все эти юридические тонкости просто не хватало времени. Участники переговоров жаловались на постоянную путаницу и стремительное устаревание поступающей к ним информации³⁸. В итоге за день до голосования большинство думских фракций заявили, что не будут голосовать за Черномырдина.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Шевцова 1999:
389—390.

³⁶ ГАРФ Ф. 10100
Оп. 13 Д. 638
Л. 13—14.

³⁷ Там же. Л. 27.

³⁸ Там же. Л. 13—
14, 20, 26.

Депутаты требовали незамедлительного влияния на процедуру утверждения правительства. Лидеры оппозиционных фракций даже придумали механизм, позволяющий им предлагать президенту кандидатов

на должность премьер-министра без изменения Конституции. Речь шла о проведении в Думе мягкого рейтингового голосования, которое бы выявило возможных кандидатов (как это было сделано в декабре 1992 г. в Верховном Совете)³⁹. В ответ президентская власть вернулась к защите своих прерогатив. Еще накануне первого голосования представитель президента Александр Котенков объявил, что президент готов считаться с политическим соглашением, только если премьер-министром станет Черномырдин⁴⁰. Категорически отверг он и идею о рейтинговом голосовании, поскольку выдвигаемые депутатами кандидатуры «никто не представлял» Государственной Думе⁴¹. Вдобавок спустя всего несколько часов после первого отклонения кандидатуры Черномырдина президент внес ее повторно, тем самым продемонстрировав свою готовность следовать сценарию апреля 1998 г.

Понимая, что «дело идет к роспуску Думы»⁴², лидеры парламентских фракций, уже имевшие опыт противостояния с президентом, начали готовиться к ответным шагам. Одним из вариантов было возвращение президенту письма с кандидатурой с указанием на то, что депутаты считают повторное внесение одной и той же кандидатуры неконституционным и вопрос находится на рассмотрении Конституционного суда. Механизм возвращения документа с ссылкой на его неконституционность неоднократно использовался самим Ельциным при отклонении федеральных законов. Однако против этого варианта высказалось правовое управление Государственной Думы и помощники ее председателя: согласно их заключению, отсутствие решения Конституционного суда еще не означает трактовки нормы в пользу депутатов, и отказ от рассмотрения кандидатуры будет равнозначен ее отклонению⁴³. Другим способом обойти нормы Конституции был импичмент. Глава Комитета по законодательству Анатолий Лукьянов и депутат Елена Мизулина заверили Совет Думы, что соответствующая процедура может быть ускорена и парламентарии успеют проголосовать хотя бы по первому пункту обвинений до того, как президент подпишет указ о роспуске нижней палаты⁴⁴. Положительное голосование по импичменту означало бы ситуацию конституционного кризиса. Статья 111 Конституции обязывала президента распустить Думу в случае трехкратного отклонения кандидатуры главы правительства, в то время как статья 109 прямо запрещала это делать при начале процедуры импичмента⁴⁵. При этом проведение голосования лишило бы президентскую команду возможности ссылаться на то, что в Конституции не прописано, что можно считать началом процедуры импичмента⁴⁶. Параллельно руководство Государственной Думы решило максимально тянуть время, чтобы успеть провести консультации с другими ветвями власти и позволить фракциям мобилизовать избирателей. Активно прорабатывался вопрос об использовании парламентских программ на ТВ для донесения позиции Государственной Думы до широкой публики. Главе Комитета по культуре Станиславу Говорухину было поручено написать обращение депутатов к гражданам по поводу возникшей ситуации⁴⁷.

³⁹ ГАРФ Ф. 10100
Оп. 13 Д. 639 Л.
8—13.

⁴⁰ Там же. Л. 14.

⁴¹ Там же. Л. 7.

⁴² ГАРФ Ф. 10100
Оп. 13 Д. 640
Л. 20—21.

⁴³ ГАРФ Ф. 10100
Оп. 14 Д. 150
Л. 19—21.

⁴⁴ ГАРФ Ф. 10100
Оп. 13 Д. 640
Л. 38—39.

⁴⁵ Конституция
б.з.

⁴⁶ Шахрай 1998.

⁴⁷ ГАРФ Ф. 10100
Оп. 13 Д. 640
Л. 31—32.

Рассматривая данный конфликт, следует учитывать, что ожидания сторон от победы существенно различались. Президентская сторона рассчитывала либо склонить депутатов к переговорам, делая шаги на встречу, либо сохранить status quo, воспроизведя старую схему⁴⁸. Депутаты же требовали учета своей позиции — внесения кандидатуры, которая бы пользовалась их доверием. Когда представитель «Яблока» Сергей Иваненко предложил Совету Думы форсировать развитие конфликта и проголосовать против кандидатуры на следующий же день после ее внесения, руководство Думы сочло это нецелесообразным, отметив, что оно не стремится к роспуску палаты⁴⁹. Роспуск Думы был негативным сценарием для обеих сторон: для депутатов он означал полную утрату возможности повлиять на назначение, для президента — необходимость справляться с экономическим кризисом в отсутствие законодательно-го органа.

Свою роль в разрешении конфликта мирным путем сыграла неформальная процедура. Президент попытался договориться с депутатами, вновь, как и в апреле 1998 г., организовав круглый стол с представителями палат Федерального Собрания. И хотя этот круглый стол не привел к достижению компромисса, он позволил оппозиционным фракциям предложить президенту своих кандидатов на пост главы правительства. Повторный же отказ депутатов утвердить кандидатуру Черномырдина означал, что продолжение противостояния в скором времени может ударить по президенту. Как позднее вспоминал Ельцин, в сложившихся обстоятельствах роспуск Государственной Думы, неизбежный после третьего отклонения, почти гарантированно повлек бы за собой общественно-политический хаос⁵⁰. Воспользовавшись тем, что Конституция никак не регламентирует сроки внесения кандидатуры главы правительства в Государственную Думу, президент провел консультации с альтернативными кандидатами, выдвинутыми в рамках круглого стола, и 10 сентября внес на голосование кандидатуру Примакова, предложенную «Яблоком». Тем самым он фактически выполнил одно из главных требований парламентской оппозиции. Сам Примаков в своей речи и ответах на вопросы уточнил, что правительство будет сформировано на профессиональной основе, но по результатам переговоров в него войдут представители думских партий⁵¹. Парламентское большинство согласилось утвердить его в должности.

⁴⁸ В частности, перед повторным голосованием Ельцин внес в Государственную Думу проект нового Федерального конституционного закона «О правительстве».

⁴⁹ ГАРФ Ф. 10100 Оп. 13 Д. 640 Л. 28.

⁵⁰ Ельцин 2015.

⁵¹ Стенограмма заседания 11 сентября 1998 г.

Заключение

В 1990-е годы взаимоотношения ветвей власти в вопросе утверждения главы правительства проделали не меньший путь, чем тот, что был проделан ими в целом. В 1996 г. процедура впервые была опробована, а уже в 1998 г. правительство было сформировано на базе парламентского большинства. При этом в период каденции Государственной Думы второго созыва шла упорная борьба двух представлений о том, какой в принципе должна быть соответствующая процедура.

Президентская власть фактически исходила из того, что назначение главы правительства является ее прерогативой, а функции парламента носят сугубо рекомендательный характер. Ее оппоненты настаивали на большем участии Государственной Думы в данном процессе, и, будучи *de facto* лишены возможности изменить Конституцию, сделали ставку на создание неписаных норм, которые бы позволили им достичь этой цели. В борьбе этих двух подходов сама процедура получила практическое наполнение. Она была отработана и систематизирована, появилась традиция предварительных консультаций кандидата на пост премьер-министра с лидерами парламентских фракций и учета им их пожеланий при подготовке своей речи. В состав правительства стали приглашаться оппозиционные депутаты.

Причиной победы Государственной Думы в конфликте августа-сентября 1998 г. был не только экономический кризис, но и то, что депутаты уже имели опыт противостояния с президентом, полученный ими в апреле 1998 г. Учитывая опасность внеочередных выборов, они заранее начали прорабатывать возможные стратегии давления на оппонентов. Из всех задействованных ими стратегий наибольшую роль сыграла процедура импичмента, обращение к которой серьезно снижало шансы на роспуск нижней палаты как ввиду наличия конституционных ограничений на данный шаг, так и потому, что его цена для президента могла оказаться слишком высокой. Вдобавок депутаты эффективно использовали затягивание процедуры, что позволило им не только обсудить вопрос в рамках совещаний, организованных президентом, но и провести самостоятельные консультации с избирателями, Советом Федерации, внепарламентскими политическими объединениями и даже сотрудниками президентской администрации.

Однако победа эта не была ими закреплена. В 1999 г. они попытались формализовать сложившееся положение дел путем внесения в Конституцию пункта, обязывающего президента согласовывать с Государственной Думой отставку правительства⁵². Но закон 1998 г. предусматривал столь длительную процедуру принятия поправок к Конституции, что даже в более благоприятных условиях у них не было шансов успеть до новых выборов. Не увенчались успехом и усилия Примакова по реанимации идеи политического соглашения. Как следствие, схема утверждения правительства 1998 г. оказалась ситуативной и не была зафиксирована на институциональном уровне, а многие из открывшихся возможностей для дальнейшей корректировки процедуры так и не были использованы.

Оба правительства, утвержденные в 1999 г., носили сугубо технический характер. Ключевым обещанием, прозвучавшим в рамках выступлений перед депутатами обоих кандидатов на должность премьер-министра, было честное и своевременное проведение парламентских выборов⁵³. В случае выступления Владимира Путина речь также шла о сохранении на своих постах большинства членов предыдущего правительства⁵⁴. Давая согласие на назначение внесенных президентом кан-

⁵² Медушевский 2015: 370—372.

⁵³ Стенограмма заседания 19 мая 1999 г.; Стенограмма заседания 16 августа 1999 г.

⁵⁴ Там же.

дидатур, депутаты исходили из того, что они будут работать лишь до предстоящих в 2000 г. выборов и не успеют набрать сколько-нибудь значительного политического веса.

В итоге из всего достигнутого закрепились только организационные моменты и практика консультаций претендента на пост главы правительства с парламентскими фракциями. Круглые столы для обсуждения кандидатуры премьер-министра больше не проводились, ушло в прошлое и включение депутатов в состав кабинета. Президент полностью отыграл утраченные им в 1998 г. позиции, вернув себе решающую роль в назначении правительства.

Библиография

Глейзенер Д. и П.Чейсти. (1999) *Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993—1998 годов*. М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда.

Евзеров Р.Я. (1995) «Дееспособность нынешнего российского парламента» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 166—176.

Ельцин Б.Н. (2015) *Президентский марафон*. М.: Синдбад.

Ильин А. (1998) «Коварство и любовь Бориса Ельцина» // *Правда*, 26.03.

Конституция РФ 1993 года: Первоначальная редакция. URL: <https://konstitucija.ru/1993/1/?ysclid=lnrlwdhuy544960721> (проверено 6.10.2023).

Краснов М.А. и И.Г.Шаблинский. (2008) *Российская система власти: треугольник с одним углом*. М.: Институт права и публичной политики.

Макаренко Б.И. (1997) «Указы и законы: процесс принятия законодательных решений» // *Полития*, № 3 (5): 5—19. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-1997-3\(5\)-5-19.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-1997-3(5)-5-19.pdf) (проверено 29.08.2023).

Медушевский А.Н. (2015) *Сравнительное конституционное право и политические институты: Курс лекций*. М., Берлин: Директ-Медиа.

Партлетт У. (2018) «Постсоветское суперпрезидентство» // *Сравнительное конституционное обозрение*, № 3 (124): 103—123. URL: <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/SKO-3-124-2018-103-123-Partlett.pdf> (проверено 29.08.2023).

Помигуев И.А. (2016) «Совет Государственной Думы: реальный вето-игрок или технический исполнитель?» // *Полис. Политические исследования*, № 2: 171—183. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2016/2/Polis_02_2016_Pomiguev.pdf (проверено 29.08.2023).

Родин А. (1998) «Президент согласился на проведение „круглого стола“ по судьбе нового кабинета министров» // *Независимая газета*, 4.04.

Садчиков А. (1998) «Второе голосование по кандидатуре С.В.Кириенко может быть открытым» // *Известия*, 16.04.

«Стенограмма заседания 10 августа 1996 г.» // *Федеральное Собрание Российской Федерации: Государственная Дума*. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2898/> (проверено 29.08.2023).

«Стенограмма заседания 17 апреля 1998 г.» // *Федеральное Собрание Российской Федерации: Государственная Дума*. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2572/> (проверено 29.08.2023).

«Стенограмма заседания 21 августа 1998 г.» // *Федеральное Собрание Российской Федерации: Государственная Дума*. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2519/> (проверено 29.08.2023).

«Стенограмма заседания 11 сентября 1998 г.» // *Федеральное Собрание Российской Федерации: Государственная Дума*. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2506/> (проверено 29.08.2023).

«Стенограмма заседания 19 мая 1999 г.» // *Федеральное Собрание Российской Федерации: Государственная Дума*. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2363/> (проверено 29.08.2023).

«Стенограмма заседания 16 августа 1999 г.» // *Федеральное Собрание Российской Федерации: Государственная Дума*. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2327/> (проверено 29.08.2023).

«Центр политических технологий: Политическое развитие Российской Федерации в 1999 г.» (1998) // *Полития*, № 2 (8): 196—216. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/1998-2-2-231-196-216.pdf> (проверено 29.08.2023).

«ЦИК задумался о правовой основе досрочных выборов». (1998) // *Сегодня*, 23.04.

Черкасов Г. (1998) «Кремль бросил против Думы последние резервы» // *Коммерсантъ*, 23.04.

Шахрай С. (1998) «О политической ситуации и задачах партии: доклад на V съезде ПРЕС» // *Независимая газета*, 7.04.

Шевцова Л.Ф. (1999) *Режим Бориса Ельцина*. М.: Московский центр Карнеги.

Шейнис В.Л. (2014) *Власть и закон: Политика и конституции в России в XX—XXI веках*. М.: Мысль.

Clark W.A. (2011) «Boxing Russia: Executive—Legislative Powers and the Categorization of Russia’s Regime Type» // *Demokratizatsiya*, vol. 19, no. 1: 5—22. URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/19_1_186583K6J-172454N.pdf (accessed on 29.08.2023).

Haspel M. (1998) «Should Party in Parliament Be Weak or Strong? The Rules Debate in the Russian State Duma» // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 14, no. 1—2: 178—200.

Remington T.F., S.S.Smith, and M.Haspel. (1998) «Decrees, Laws, and Inter-Branch Relations in the Russian Federation» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 14, no. 4: 287—322.

Sokolowski A. (2003) «Institutional Determinants of Chronic Policy Failure in Yeltsin’s Russia» // *Demokratizatsiya*, vol. 11, no. 3: 412—439. URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/11-3_Sokolowski.PDF (accessed on 29.08.2023).

A.A.Berlov
**DEVELOPMENT
OF THE APPROVAL PROCEDURE
FOR THE HEAD
OF RUSSIAN GOVERNMENT
IN THE 1990s**

Alexander A. Berlov — Ph.D. Candidate at the School of Historical Sciences, HSE University. Email: aberlov@hse.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of conflicts surrounding the approval procedure for the head of the Russian government in 1996—1999. The procedure was formed under the conditions of the acute confrontation between the President and the State Duma, with both aiming to fill the procedure with their own different content. While the presidential branch of power assumed that the appointment of the head of government was its prerogative, and the functions of parliament were purely advisory in nature, the deputies insisted on expanding their own participation in the process, demanding, in particular, that the State Duma should take part in determining a range of candidates proposed for its consideration.

The author documents the gaps in the mechanism for approving the head of government described in the 1993 Constitution and examines in detail the positions of the State Duma and the President on the procedure provided for by this mechanism. After that the author turns his attention to the conflict that occurred in August–September, 1998. According to his assessment, the legislative branch’s victory in this conflict was largely explained by the fact that, given the confrontation experience they already had with the president, the deputies began in advance to work out possible strategies for pressuring him. The launch of impeachment procedure and consultations with voters, the Federation Council, and extra-parliamentary political associations, appeared to be the most efficient strategies.

However, the State Duma’s victory was not consolidated at the institutional level. As a result, the legislative branch, out of all its gains, retained only ceremonial and consultative components of the approval procedure for prime minister. The presidential branch of power has returned all the positions it lost in 1998, regaining its decisive role in appointing the government.

Keywords: Russia, 1990s, President, State Duma, approval procedure for the head of government

References

- Cherkasov G. (1998) “Kreml’ brosil protiv Dumy poslednie rezervy” [The Kremlin Has Thrown Its Last Reserves against the Duma] // *Kommer-sant*, 23.04. (In Russ.)
- Clark W.A. (2011) “Boxing Russia: Executive—Legislative Powers and the Categorization of Russia’s Regime Type” // *Demokratizatsiya*, vol. 19, no. 1: 5—22. URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/19_1_186583K6J-172454N.pdf (accessed on 29.08.2023).
- Gleisner J. and P.Chaisty. (1999) *Rossijskaja Gosudarstvennaja Du-ma: struktura, dejatel’nost’ i evoljutsija v period 1993—1998 godov* [The Russian State Duma: Structure, Activity and Evolution in the Period 1993—1998]. Moscow: Tsentr konstitutsionnykh issledovanij Moskovskogo obshchestvennogo nauchnogo fonda. (In Russ.)
- Haspel M. (1998) “Should Party in Parliament Be Weak or Strong? The Rules Debate in the Russian State Duma” // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*, vol. 14, no. 1—2: 178—200.
- Ilyin A. (1998) “Kovarstvo i ljubov’ Borisa El’tsina” [The Guile and Love of Boris Yeltsin] // *Pravda*, 26.03. (In Russ.)
- Konstitutsija RF 1993 g.: Pervonachal’naja redaktsija* [The Constitution of the Russian Federation of 1993: The Original Version]. URL: <https://konstitucija.ru/1993/1/?ysclid=Inerlwdhuy544960721> (accessed on 6.10.2023). (In Russ.)
- Krasnov M.A. and I.G.Shablinsky. (2008) *Rossijskaja sistema vlasti: treugol’nik s odnim uglom* [The Russian System of Power: a Triangle with One Corner]. Moscow: Institut prava i publichnoj politiki. (In Russ.)
- Makarenko B.I. (1997) “Ukazy i zakony: protsess prinjatija zakonodatel’nykh reshenij” [Decrees and Laws: the Process of Legislative Decision-Making] // *Politeia*, no. 3 (5): 5—19. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-1997-3\(5\)-5-19.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-1997-3(5)-5-19.pdf) (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)
- Medushevsky A.N. (2015) *Sravnitel’noe konstitutsionnoe pravo i politicheskie instituty: Kurs leksij* [Comparative Constitutional Law and Political Institutions: A Course of Lectures]. Moscow, Berlin: Direct-Media. (In Russ.)
- Partlett W. (2018) “Postsovetskoe superprezidentstvo” [Post-Soviet Superpresidentialism] // *Sravnitel’noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], vol. 27, no. 3: 103—123. URL: <https://academia.ilpp.ru/wp-content/uploads/2021/10/SKO-3-124-2018-103-123-Partlett.pdf> (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)
- Pomiguev I.A. (2016) “Sovet Gosudarstvennoj Dumy: real’nyj veto-igrok ili tekhnicheskij ispolnitel’?” [The Council of the State Duma: Real Veto Player or a Technical Executive?] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 2: 171—183. URL: https://www.politstudies.ru/files/File/2016/2/Polis_02_2016_Pomiguev.pdf (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)
- Remington T.F., S.S.Smith, and M.Haspel. (1998) “Decrees, Laws, and Inter-Branch Relations in the Russian Federation” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 14, no. 4: 287—322.

Rodin A. (1998) “Prezident soglasilsja na provedenie „kruglogo stola“ po sud’be novogo kabineta ministrov” [The President Agreed to Hold a “Round Table” on the Fate of the New Cabinet of Ministers] // *Nezavisimaya Gazeta*, 4.04. (In Russ.)

Sadchikov A. (1998) “Vtoroe golosovanie po kandidature S.V.Kirienko mozhet byt’ otkrytym” [The Second Vote on the Candidacy of S.V.Kiriyenko May Be Open] // *Izvestia*, 16.04. (In Russ.)

Shakhrai S. (1998) “O politicheskoy situatsii i zadachakh partii: doklad na 5 s’ezde PRES” [On the Political Situation and Tasks of the Party: Report at the 5th Congress of the Party of Russian Unity and Accord] // *Nezavisimaya Gazeta*, 7.04. (In Russ.)

Sheinis V.L. (2014) *Vlast’ i zakon: Politika i konstitutsii v Rossii v 20—21 vekakh* [Power and Law: Politics and Constitutions of Russia in 20th—21st Centuries]. Moscow: Mysl’. (In Russ.)

Shevtsova L.F. (1999) *Rezhim Borisa El’tsina* [Boris Yeltsin’s Regime]. Moscow: Moskovskij tsentr Karnegi. (In Russ.)

Sokolowski A. (2003) “Institutional Determinants of Chronic Policy Failure in Yeltsin’s Russia” // *Demokratizatsiya*, vol. 11, no. 3: 412—439. URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/11-3_Sokolowski.PDF (accessed on 29.08.2023).

“Stenogramma zasedanija 10 avgusta 1996 g.” [Transcript of the Meeting on August 10, 1996] // *Federal’noe Sobranie Rossijskoj Federatsii: Gosudarstvennaja Duma* [Federal Assembly of the Russian Federation: The State Duma]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2898/> (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)

“Stenogramma zasedanija 17 aprelja 1998 g.” [Transcript of the Meeting on April 17, 1998] // *Federal’noe Sobranie Rossijskoj Federatsii: Gosudarstvennaja Duma* [Federal Assembly of the Russian Federation: The State Duma]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2572/> (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)

“Stenogramma zasedanija 21 avgusta 1998 g.” [Transcript of the Meeting on August 21, 1998] // *Federal’noe Sobranie Rossijskoj Federatsii: Gosudarstvennaja Duma* [Federal Assembly of the Russian Federation: The State Duma]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2519/> (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)

“Stenogramma zasedanija 11 sentjabrja 1998 g.” [Transcript of the Meeting on September 11, 1998] // *Federal’noe Sobranie Rossijskoj Federatsii: Gosudarstvennaja Duma* [Federal Assembly of the Russian Federation: The State Duma]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2506/> (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)

“Stenogramma zasedanija 19 maja 1999 g.” [Transcript of the Meeting on May 19, 1999] // *Federal’noe Sobranie Rossijskoj Federatsii: Gosudarstvennaja Duma* [Federal Assembly of the Russian Federation: The State Duma]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2363/> (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)

“Stenogramma zasedanija 16 avgusta 1999 g.” [Transcript of the Meeting on August 16, 1999] // *Federal'noe Sobranie Rossijskoj Federatsii: Gosudarstvennaja Duma* [Federal Assembly of the Russian Federation: The State Duma]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2327/> (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)

“Tsentr politicheskikh tekhnologij: Politicheskoe razvitie Rossijskoj Federatsii v 1999 g.” [The Center for Political Technologies: Political Development of the Russian Federation in 1999]. (1998) // *Politeia*, no. 2 (8): 196—216. URL: <http://politeia.ru/files/articles/rus/1998-2-2-231-196-216.pdf> (accessed on 29.08.2023). (In Russ.)

“TsIK zadumalsja o pravovoj osnove dosrochnykh vyborov” [The CEC Thought about the Legal Basis of Early Elections]. (1998) // *Segodnja* [Today], 23.04. (In Russ.)

Yeltsin B.N. (2015) *Prezidentskij marafon* [Presidential Marathon]. Moscow: Sindbad. (In Russ.)

Yevzerov R.Ya. (1995) “Deesposobnost' nyneshnego rossijskogo parlamenta” [The Current Russian Parliament's Ability to Act] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 1: 166—176. (In Russ.)

шолтфа

Д.В.Ефременко

УМОМ БАЛКАНЫ НЕ ПОНЯТЬ?¹

**Белов М.В., ред. Историческая политика
в странах бывшей Югославии.
СПб.: Нестор-История, 2022. — 512 с.**

¹ Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при поддержке Росийского научного фонда (проект № 22-28-00726).

Дмитрий Валерьевич Ефременко — доктор политических наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН. Для связи с автором: efdv2015@mail.ru.

Аннотация. Выход в свет коллективной монографии «Историческая политика в странах бывшей Югославии», бесспорно, является событием как для политических исследований исторической памяти, так и для славяноведения и балканистики в нашей стране. Отталкиваясь от этой публикации, Д.Ефременко на примере стран Западных Балкан размышляет о значении акторного подхода в изучении исторической политики, а также о роли историков в формировании коллективной памяти национальных сообществ. С его точки зрения, феномен постъюгославского «исторического ревизионизма», обсуждаемый в монографии, имеет смысл рассматривать не только как содержательный пересмотр историографического канона титовской эпохи, но и как политически обусловленный парадигмальный сдвиг — замещение этого канона нациецентричными историографиями.

По оценке Ефременко, представленные в монографии тексты однозначно свидетельствуют о том, что исторические нарративы по-прежнему играют очень важную роль в политических дискуссиях, будучи неотъемлемым компонентом онтологической безопасности макрополитических сообществ. В частности, косовский (видовданский) миф продолжает оказывать огромное влияние на принятие политическим руководством Сербии решений, связанных с урегулированием конфликта в Косово и интеграцией страны в Европейский союз. Данный пример демонстрирует, что проблемы в сфере онтологической безопасности могут иметь серьезные последствия в плане подтверждения или изменения международного статуса страны, а также сохранения надежности и устойчивости союзов и партнерств с другими государствами.

Ключевые слова: бывшая Югославия, историческая политика, национальная идентичность, этнонационализм, онтологическая безопасность, мнемоническая борьба, секьюритизация исторической памяти

Попытки сравнивать распад СССР и распад Югославии, а также последовавшие за ними войны и межэтнические конфликты предпри-

нимались столь часто, что для их систематического обзора сегодня понадобилось бы серьезное аналитическое и библиографическое исследование. Между тем остается открытым вопрос, можно ли хоть чему-то научиться на чужих ошибках. Возможно, одна из главных трудностей заключается здесь не в том, что постсоветские политические акторы не извлекли никаких уроков из опыта стран и народов Западных Балкан, а в том, что они воспринимали и интерпретировали этот опыт выборочно, подгоняя под ранее сформированные целевые установки и картину мира, основанную на их собственном опыте, причем не только на сугубо рациональном его осмыслении, но и — едва ли не в большей степени — на эмоциональном восприятии, на весьма подвижном балансе страхов и надежд своих макрополитических сообществ. Поэтому отдельной и ничуть не менее важной темой являются метаморфозы памяти о трудном историческом прошлом и ее политическое использование.

В конце 2022 г. вышла в свет коллективная монография «Историческая политика в странах бывшей Югославии», подготовленная группой авторов под руководством Михаила Белова при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований на базе Института славяноведения РАН. В состав авторского коллектива вошли известные российские специалисты по западнобалканским странам, представляющие различные вузы и исследовательские учреждения России. Существовало, что в отношении формирующегося сообщества исследователей исторической памяти авторы по большей части занимают позицию внешнего наблюдателя, настроенного достаточно критически.

Монография открывается введением «„Историческая политика“ или „политика памяти“?», написанным руководителем проекта Беловым. В обзоре динамичного и весьма противоречивого развития *memory studies* в XXI в. Белов справедливо сетует на невозможность построения в данной области универсальной теории и строгой терминологической системы. Из двух конкурирующих (но также и пересекающихся) терминов — «историческая политика» и «политика памяти» — он отдает предпочтение первому, поскольку второй, на его взгляд, безнадежно отягощен смысловой полифонией и продвижением статусных притязаний дискриминируемых меньшинств (с. 10). С «исторической политикой» тоже не все идеально, но, по крайней мере, данный термин выглядит более операциональным. Конечно, главный довод в его пользу — характерный для стран бывшей Югославии высокий уровень «участия профессиональных и полупрофессиональных историков в работе „коллективной памяти“ национальных сообществ» (с. 17), — по сути, представляет собой аргумент *ad hoc*, значимый для монографии, но не вносящий ясности в дилемму выбора (если его в самом деле нужно делать) между «исторической политикой» и «политикой памяти». Однако заявленный во введении фокус на деятельности историков принципиально важен для всей монографии: с ним связаны ее сильные стороны и даже преимущества по сравнению с рядом других трудов по историче-

ской политике / политике памяти, изданных в последние годы в России, и он же предопределяет ее слабости.

Белов подробно разбирает взгляды и высказывания по вопросам политического использования прошлого исследователей, играющих весомую роль в разработке тематики *memory studies* в странах постсоветского пространства, — Алексея Миллера, Ольги Малиновой и Георгия Касьянова. При этом он не слишком скрывает скепсис в отношении политико-институционального и акторного подходов (особенно в интерпретации представителей политологического цеха), когда аналитический принцип рассмотрения диспозиции мнемонических акторов с точки зрения их доступа к ресурсам (отнюдь не только административным и финансовым) ставится под сомнение как «элитистский» (с. 16).

Первый раздел монографии посвящен формирующим факторам, организационным рамкам и проводникам исторической политики в странах бывшей Югославии. Основное внимание сосредоточено на структурах исторического образования и исторических исследованиях. Раздел дает ценную информацию о направленности и условиях развития исторических исследований в каждой из стран с учетом меняющегося контекста и содержания исторической политики. К сожалению, хронологическая глубина анализа ситуации в разных странах (включая частично признанное Косово) неодинакова.

Рассматривая сообщество историков или отдельные его группы в качестве ключевых либо вполне автономных участников исторической политики, авторы монографии несколько сужают диапазон охвата представителей академической среды, участвующих в выработке нарративов о прошлом. В разделе лишь вскользь упоминается и такой фактор, как внешнее влияние на развитие исторических исследований и формирование исторических нарративов. Между тем без его полноценного учета нельзя адекватно оценить расстановку сил в историческом / социогуманитарном сообществе как отдельных стран, так и всего постъюгославского пространства. Речь идет в первую очередь о прямом финансировании европейскими и американскими фондами исследовательских и издательских проектов, а также научных мероприятий и образовательных программ. Белов во введении кратко касается этого сюжета, говоря о метафоре «двух Сербий». Поляризация с взаимным навешиванием ярлыков (в данном случае «националисты» vs. «космополиты») — дело для Сербии абсолютно привычное. Но если отвлечься от самих этих ярлыков и попытаться вычленить суть, то нужно отследить стратификацию соответствующих сообществ с достаточно четким разделением на тех, кто интегрирован в программы с внешним грантовым финансированием, а также преподает / ведет исследовательскую деятельность за пределами бывшей Югославии, и тех, кто работает в национальных образовательных и научных учреждениях, для которых внешнее финансирование и тематическая повестка не являются определяющими.

Большое значение имеет фактор вовлеченности членов исторического сообщества в политические процессы, их связь с политическими акторами и структурами. Здесь от страны к стране картина также меняется. Безусловно, наиболее драматичной является ситуация в Косово в период 1989—1999 гг., когда историки, представлявшие албанскую сторону, становились непосредственными участниками межэтнического конфликта и были вынуждены формировать параллельную подконтрольной Белграду инфраструктуру образования и академических исследований. Тем обиднее, что в соответствующем параграфе монографии анализ обрывается на 1999 г., когда положение поменялось на почти зеркальное. На этом фоне параграф по Северной Македонии, где тоже имеет место параллельное, но полностью легальное сосуществование македонской и албанской образовательной и научной инфраструктур, выгодно отличается уже тем, что доводит рассмотрение до 2019 г.

К сожалению, роль политических акторов в исторической политике во многом остается лишь общим фоном. Так, в посвященном Хорватии параграфе отражено мощное трансформирующее влияние на образовательные программы и направленность академических исследований Хорватского демократического содружества (ХДС) во главе с Франьо Туджманом, пришедшего к власти в результате демократических выборов 1990 г. Одновременно уделяется внимание и оппозиционному направлению, центром которого стало отделение истории философского факультета Загребского университета. Справедливо констатируя, что университетские и примыкающие к ним историки выступают за большую свободу научного поиска и проевропейскую культуру памяти, и критикуя национализм и авторитаризм, отождествляемый с Туджманом и ХДС, авторы лишь вскользь упоминают о близости взглядов этой когорты историков и «некоторых партий левого толка» (с. 35), хотя фактически речь идет о наследниках Союза коммунистов Хорватии — социал-демократах. Однако когда в дальнейшем конкурентные отношения внутри сообщества историков квалифицируются как противостояние двух лагерей, трудно удержаться от мысли, что столь масштабная полемика не может не подпитываться за счет ресурсов, которыми обладают политические игроки и которыми по определению не могут располагать представители академических и образовательных кругов. Абсолютно очевидно, что *de facto* мы имеем дело с противостоянием между ХДС, с одной стороны, и социал-демократами и иными левыми и либеральными силами, с другой, относительно политического использования исторического прошлого.

В таком ракурсе в несколько ином свете предстает и рассматриваемая Беловым проблематика «исторического ревизионизма». В Хорватии решающую роль в постановке проблемы «ревизионизма» в исторических исследованиях сыграли историк Иво Гольдштейн и его отец, публицист, активный деятель еврейской общины Загреба Славко Гольдштейн. С их точки зрения, главным объектом ревизии были события

Второй мировой войны на территории бывшей Югославии, а ее приоритетными задачами — обеление или релятивизация преступлений усташей, в том числе их участия в Холокосте. В более широком смысле «исторический ревизионизм» на постъюгославском пространстве означает историографический разворот ради решения политических задач. Вместе с тем, как представляется, терминологическое сходство с «историческим ревизионизмом» Франсуа Фюре и — в меньшей степени — немецким *Historikerstreit* лишь затемняет суть проблемы. Речь идет не просто о содержательном пересмотре историографического канона титовской эпохи, а о политически обусловленном парадигмальном сдвиге — замещении этого канона нациецентричными историографиями. В конечном счете именно под руководством политических акторов посткоммунистическая идентичность Хорватии стала трансформироваться в идентичность «этнически однородного католического государства»². О том, насколько фундаментальным был этот сдвиг, свидетельствуют, в частности, весьма скромные результаты «детуджманизации», когда пришедшие к власти в Загребе в 2000 г. политические оппоненты ХДС решились лишь смягчить наиболее негативные проявления исторической политики предыдущего десятилетия, не меняя существенным образом этнонационалистический нарратив. Соответственно, критика постъюгославского «исторического ревизионизма» при всей ее моральной обоснованности и профессиональной уместности не влечет за собой пересмотра доминирующего в той или иной стране исторического нарратива до тех пор, пока на него сохраняется политический спрос. Новый ракурс наднационального подхода, сопряженный с интеграцией в Европейский союз и ориентированный на рецепцию основных установок европейской культуры памяти, задает определенный вектор дискуссиям об истории Западных Балкан, но пока, очевидно, не приводит к кардинальным изменениям. Скорее, представители этнонационалистического мейнстрима той же Хорватии и других новых членов ЕС из Центральной и Восточной Европы, пройдя этап приспособления и мимикрии³ под наднациональный нарратив, связанный в первую очередь с памятью о Холокосте, начинают способствовать содержательной трансформации исторической политики Брюсселя.

² *Subotic 2018.*

³ *Крстев и Холмс 2021: 16.*

Особого упоминания заслуживает глава «Международный трибунал по бывшей Югославии как мнемонический актер», написанная Светланой Кузнецовой. В центре внимания Кузнецовой находятся не широко дискутировавшиеся вопросы о международно-правовой легитимности и политической (бес)пристрастности этого органа, а его воздействие на историческую политику в странах бывшей Югославии. Важно, в частности, понять, способен ли подобный международный институт существенно повлиять на изменение исторических нарративов. По заключению автора, хотя, казалось бы, Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ) «должен был обладать достаточным потенциалом, чтобы влиять на умонастроения в регионе, транслировать определенный взгляд на оказавшиеся в поле его внимания

события и в конце концов создать некоторое общее представление о них... в реальности государства бывшей Югославии остались главными акторами, которые формировали историческую повестку» (с. 80). Внешнее давление в состоянии заставить государственные структуры сотрудничать с Трибуналом, но восприятие западнобалканскими обществами связанных с МТБЮ нарративов зависит от позиции влиятельных мнемонических акторов на национальном уровне. Будучи опосредовано местными мнемоническими акторами, усвоение продуцированных Трибуналом нарративов на практике оказывается очень избирательным, что позволяет интегрировать их в национальную мнемоническую повестку без глубокой ее трансформации.

Не рассматривая в деталях тексты, вошедшие в другие разделы монографии, имеет смысл использовать их как основу для обсуждения еще одного принципиально важного сюжета, а именно секьюритизации исторической памяти и роли исторических нарративов в укреплении/ослаблении онтологической безопасности макрополитических сообществ стран Западных Балкан. В критических обстоятельствах, в которых неоднократно оказывались государства и общества бывшей Югославии, не только прерываются рутинные отношения, практики и дискурсы, но и ставятся под вопрос устоявшиеся представления сообществ о себе и своей «биографии». Возникающее в таких обстоятельствах ощущение онтологической незащищенности сообщества превращается в политическую проблему, для разрешения (или хотя бы видимости разрешения) которой необходимы определенные действия, связанные в том числе с исторической памятью и макрополитической идентичностью. Но конкретное содержание этих действий обуславливается и «степенью уязвимости» самой исторической памяти, наличием табуированных тем, стигматизацией, чувством неуверенности на фоне достижений более успешных и благополучных соседей⁴.

⁴ *Zarakol 2011.*

Поддержание онтологической безопасности, как и преодоление онтологической небезопасности, требует усилий, направленных на формирование и закрепление определенного нарратива «биографии» макрополитического сообщества / государства с помощью инструментария, включающего в себя селекцию и интерпретацию избранных исторических событий, создание системы маркеров «национальной биографии»⁵. Подобные действия очень условно можно назвать менеджментом исторической памяти, учитывая при этом, что свободу политического использования прошлого ограничивает не только конкретный политический проект, но и предыдущий опыт и наследие такого рода менеджмента. Иначе говоря, в этом сегменте работы с макрополитической идентичностью тоже дает о себе знать «эффект колеи». В конечном же счете — и главы монографии это хорошо иллюстрируют — биографические нарративы наций и сообществ оказываются тем или иным образом интегрированы в фреймы, о которых писала Алейда Ассманн: «нация — победитель зла», «нация, сопротивляющаяся злу», «нация — жертва зла»⁶. Понятно, что фрейм «нация — виновник зла»

⁵ *Berenskoetter 2014.*

⁶ *Assmann 2014.*

⁷ Rumelili 2015.

чаще всего бывает политически неприемлемым и блокируется политическими элитами, в частности, посредством секьюритизации соответствующего исторического нарратива⁷.

Забота политических акторов об онтологической безопасности сообществ не сводится к работе с идентичностью — она предполагает и соотнесение действий, в том числе внешнеполитических, с «каноном» онтологической безопасности. Сбои в решении этих задач в периоды внутренних и внешних политических потрясений могут иметь серьезные последствия в плане подтверждения/обретения международного статуса, сохранения надежности и устойчивости союзов и партнерств с другими государствами. Забота об онтологической безопасности также объясняет, почему в критических ситуациях действия государственных лидеров на международной арене далеко не всегда соответствуют вроде бы безошибочным калькуляциям баланса сил и угроз. Политика сербских лидеров в отношении Косово — один из наиболее показательных примеров. Главы монографии, написанные Евгением Колосковым, дают обильную пищу для размышлений о политическом значении косовского (видовданского) мифа и его важнейшей роли для онтологической безопасности Сербии.

Очевидно, что нет достаточных фактических оснований рассматривать данный миф в примордиалистском ракурсе, как нечто имманентное сербскому самосознанию едва ли не с вечера 15 (28) июня 1389 г., когда возглавлявший христианское войско в битве на Косовом поле князь Лазарь Хребелянович принял мученическую смерть от пленивших его турок. Основа косовского цикла сербского эпоса стала формироваться вскоре после битвы в рамках устной фольклорной традиции⁸, но вплоть до начала XIX в. он поддерживался преимущественно в подконтрольной Габсбургам Воеводине, куда были вынуждены перебраться многие сербы в ходе великих переселений 1690 и 1740 гг., а каноническую форму обрел благодаря изданию сербских народных песен Вуком Караджичем. Политические коннотации в отсылках к битве на Косовом поле появляются уже в начале XIX в. в сочинениях участников борьбы за освобождение Сербии от османского господства, что вполне соответствует общим модальностям нациестроительства в Европе в этот исторический период. Можно было бы сказать, что косовский миф является типичным конструктом, рождение которого отчасти схоже, например, с формированием финского национального мифа вокруг «Калевалы». Но здесь мы сталкиваемся со своеобразным парадоксом гиперконструктивистского объяснения процессов нациестроительства: если нация — не более чем конструкт, то косовский миф и Сербия — это конструкт в конструкте. Более корректной была бы интерпретация становления видовданского мифа как ключевого компонента процесса создания сербской политической нации. Во всяком случае в период наибольшей интенсивности сербского нациестроительства именно связанные с памятью о событиях Видова дня 1389 г. нарративы играли важнейшую роль. Напротив, возникновение косовско-албанского контр-

⁸ Голенцев-Кутузов (сост.) 1963: 245—260.

⁹ Schwandner-Sievers and Fischer (eds) 2002: 238; Ломоносов 2010.

¹⁰ Впрочем, еще столетием ранее император Священной Римской империи Иосиф II по случаю 400-летней годовщины битвы на Косовом поле обратился к сербам с призывом совместно бороться против османской угрозы (Popović 1998: 65).

¹¹ См., напр. Ломоносов 2007.

мифа, выстраиваемого вокруг древнего Дарданского царства (IV–II вв. до н.э.)⁹, относится к 1970-х годам и асинхронно подъему албанского национального движения, имевшему место столетие назад.

На государственном уровне импульс формированию и содержательной трансформации видовданского мифа придавали официальные юбилеи Косовской битвы, первый из которых был организован в 1889 г.¹⁰ Политические месседжи юбилейных торжеств 1889, 1939 и 1989 гг., проходивших в трех разных государствах — королевстве Сербия, королевстве Югославия и СФРЮ — настолько различались, что некоторые авторы считают возможным говорить о трех разных косовских мифах¹¹. Такая трактовка представляется слишком упрощенной и радикальной — точнее было бы акцентировать многослойность и пластичность косовского мифа, который позволяет решать разнообразные политические задачи, используя национальное предание, имеющее сегодня важнейшее значение для идентичности и онтологической безопасности сербов.

Однако политическая цена слов, звучавших на Косовом поле в ходе юбилеев, оказывалась очень высокой, поскольку они не только отражали долгосрочную программу действий официального Белграда на международной арене, но и получали закрепление в массовом сознании сербов. Эти слова зачастую жили существенно дольше тех, кто их произносил: риторика и символика юбилея 1889 г. в немалой степени определили действия Белграда накануне и во время Балканских войн; страстная речь Слободана Милошевича на Газиместане в известном смысле и по сей день определяет грани приемлемого и неприемлемого для сербских политиков, вынужденных иметь дело с его катастрофическим наследием.

Казус косовского мифа демонстрирует ограниченность интерпретаций в парадигме политического реализма моделей поведения международных акторов. С позиций политического реализма любому рационально мыслящему политическому деятелю в Белграде следовало бы признать необратимость утраты политического контроля над Косово, на основе этого признания урегулировать проблемы безопасности и прав сербского меньшинства с косовско-албанской стороной и обеспечить максимально выгодные условия для европейской интеграции Сербии. Однако всякий раз сербские лидеры останавливаются у последнего рубежа, когда ради обретения сербами нового европейского Я им требуется отказаться от старого Я, связанного с Косово¹². Переход этого рубежа означал бы острый кризис онтологической безопасности с его последующей трансформацией во внутривнутриполитический кризис, итогом которого стала бы утрата легитимности властью, решившейся отказаться от Косово.

Необходимо учитывать и важную роль в поддержании онтологической безопасности символически значимого материального наследия. Монастыри и храмы Косово и Метохии, а также созданный уже в титовскую эпоху монумент на Газиместане выступают для сербов зри-

¹² Ejdus 2020: 165.

мым воплощением национального предания и частью пространства исторического бытия нации. Угроза этому материальному наследию, имеющему также общечеловеческое значение, невозможность или рискованность его посещения автоматически означают пролонгацию состояния онтологической небезопасности. Очевидно, что никакой политический компромисс в отношении статуса Косово не будет устойчивым, если в его рамках не будет зафиксирован особый правовой режим, гарантии сохранности этих памятников и безопасного доступа к ним сербов.

* * *

Подведем итог. Вне всякого сомнения, выход в свет монографии «Историческая политика в странах бывшей Югославии» является значимым событием и для отечественных славяноведения и балканистики, и для исследований политики памяти / исторической политики. Прделана огромная работа по реконструкции и аналитическому рассмотрению тематического репертуара постъюгославской исторической политики, плодами которой будут пользоваться исследователи на протяжении многих лет. В тех разделах, где речь идет о вкладе и участии историков в исторической политике, а также о связанных с этим участием профессиональных дискуссиях, исследование можно считать практически образцовым.

По своей информационной насыщенности «Историческая политика в странах бывшей Югославии» сравнима с энциклопедией. Подобно энциклопедии, этот труд представляет материал в формате круга знания. Однако критический настрой руководителя проекта в отношении акторного и институционального подходов, на базе которых такой материал можно было бы выстроить более системно и иерархически, в данном случае не привел к появлению убедительной альтернативы. Тем не менее монография вносит важный вклад в изучение социально-политических и идеационных процессов на постъюгославском пространстве и по праву может быть признана кладезем информации о регионе для исследователей, занимающихся проблематикой исторической политики.

Библиография

Голенищев-Кутузов И.Н., сост. (1963) *Эпос сербского народа*. М.: Изд-во Академии наук СССР.

Крастев И. и С.Холмс. (2021) *Свет, обманувший надежды: Почему Запад проигрывает борьбу за демократию*. М.: Альпина Паблишер.

Ломоносов М.Ю. (2007) «Косовский миф и его хронология» // *Исторический вестник университетов Любляны и Перми*, т. 1: 109–113.

Ломоносов М.Ю. (2010) «Возрожденная Дардания: история ново-провозглашенного государства в экспозиции музея Косово» // *Этнографическое обозрение*, № 4: 59—68.

Assmann A. (2014) «Transnational Memories» // *European Review*, vol. 22, no. 4: 546—556.

Berenskoetter F. (2014) «Parameters of a National Biography» // *European Journal of International Relations*, vol. 20, no. 1: 262—288.

Ejdus F. (2020) *Crisis and Ontological Insecurity: Serbia's Anxiety over Kosovo's Secession*. London: Palgrave Macmillan.

Popović M. (1998) *Vidovdan i časni krst: ogleđ iz književne arheologije*. Beograd: Čigoja štampa.

Rumelili B. (2015) «Ontological (In)Security and Peace Anxieties» // Rumelili B., ed. *Conflict Resolution and Ontological Security: Peace Anxieties*. London: Routledge: 10—30.

Schwandner-Sievers S. and B.J.Fischer, eds. (2002) *Albanian Identities: Myth and History*. Bloomington: Indiana University Press.

Subotic J. (2018) «Political Memory, Ontological Security, and Holocaust Remembrance in Post-Communist Europe» // *European Security*, vol. 27, no. 3: 296—313.

Zarakol A. (2011) *After Defeat: How the East Learned to Live with the West*. New York: Cambridge University Press.

ΠΟΛΙΤΙΑ

D.V.Efremenko

WHO WOULD GRASP BALKANS WITH THE MIND?

**Belov M.V., ed. Historical Politics
in the Countries of the Former Yugoslavia.
St Petersburg: Nestor-Istorija, 2022. — 512 p.**

Dmitry V. Efremenko — Doctor of Political Science; Deputy Director of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Email: efdv2015@mail.ru.

Abstract. The publication of the collective monograph “Historical Politics in the Countries of the Former Yugoslavia” is undoubtedly an important event both for political studies of historical memory and for Slavic and Balkan studies in Russia. Based on this monograph, D.Efremenko, using the example of the Western Balkan countries, reflects on the importance of the actor approach in memory studies, as well as on the role of historians in the forma-

tion of the collective memory of national communities. From his viewpoint, it makes sense to consider the phenomenon of post-Yugoslav “historical revisionism” discussed in the monograph not only as a substantive revision of the historiographic canon of Tito’s era, but also as a politically conditioned paradigm shift — the replacement of this canon with nation-centric historiographies.

According to Efremenko, the texts presented in the monograph clearly indicate that historical narratives still play a crucial role in political discussions, being an integral component of the ontological security of macropolitical communities. In particular, the Kosovo (Vidovdan) myth continues to exert a strong influence on the Serbian political leadership’s decision-making related to the resolution of the conflict in Kosovo and the country’s integration into the European Union. This example demonstrates that problems in the field of ontological security can possess serious consequences for confirming or changing the international status of a country, as well as maintaining reliability and sustainability of alliances and partnerships with other states.

Keywords: former Yugoslavia, historical politics, national identity, ethno-nationalism, ontological security, mnemonic struggle, securitization of historical memory

References

- Assmann A. (2014) “Transnational Memories” // *European Review*, vol. 22, no. 4: 546–556.
- Berenskoetter F. (2014) “Parameters of a National Biography” // *European Journal of International Relations*, vol. 20, no. 1: 262–288.
- Ejdus F. (2020) *Crisis and Ontological Insecurity: Serbia’s Anxiety over Kosovo’s Secession*. London: Palgrave Macmillan.
- Golenishchev-Kutuzov I.N., ed. (1963) *Epos serbskogo naroda* [Epos of the Serbian People]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. (In Russ.)
- Krastev I. and S.Holmes. (2021) *Svet, obmanuvshij nadezhdy: Pochemu Zapad proigrivaet bor’bu za demokratiju* [The Light That Failed: Why the West Is Losing the Fight for Democracy]. Moscow: Al’pina Publisher. (In Russ.)
- Lomonosov M.Yu. (2007) “Kosovskij mif i ego khronologija” [Kosovo Myth and Its Chronology] // *Istoricheskij vestnik universitetov Ljubljany i Permi* [Historical Bulletin of the Universities of Ljubljana and Perm], vol. 1: 109–113. (In Russ.)
- Lomonosov M.Yu. (2010) “Vozrozhdenaja Dardaniya: istorija novoprovozglashennogo gosudarstva v ekspozitsii muzeja Kosovo” [Reborn Dardania: the History of the Newly Proclaimed State in the Exposition of the Museum of Kosovo] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], no. 4: 59–68. (In Russ.)
- Popović M. (1998) *Vidovdan i časni krst: ogled iz književne arheologije*. Beograd: Čigoja štampa.

Rumelili B. (2015) “Ontological (In)Security and Peace Anxieties” // Rumelili B., ed. *Conflict Resolution and Ontological Security: Peace Anxieties*. London: Routledge: 10–30.

Schwandner-Sievers S. and B.J.Fischer, eds. (2002) *Albanian Identities: Myth and History*. Bloomington: Indiana University Press.

Subotic J. (2018) “Political Memory, Ontological Security, and Holocaust Remembrance in Post-Communist Europe” // *European Security*, vol. 27, no. 3: 296–313.

Zarakol A. (2011) *After Defeat: How the East Learned to Live with the West*. New York: Cambridge University Press.

С.М.Хенкин

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: КОЛЕБАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАЯТНИКА

Ивановский З.В., ред. Латинская Америка:
политический ландшафт на фоне турбулентности.
М.: ИЛА РАН, 2022. — 586 с.

Сергей Маркович Хенкин — доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, председатель Редакционного совета журнала «Полития». Для связи с автором: sergkhenkin@mail.ru.

Аннотация. В регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, который охватывает более трех десятков государств, связанных общей исторической судьбой, языком и религией, сосуществуют левые и правые, демократические, гибридные и авторитарные системы, консолидированные и неконсолидированные демократии, восходящие страны-гиганты и слаборазвитые экономики. Это делает его удобной площадкой для изучения разнообразных типов режимов, политических процессов и альтернатив развития в современном мире, что наглядно демонстрирует коллективная монография «Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности», вышедшая в свет в конце 2022 г.

На основе тщательного анализа ситуации в регионе авторы монографии показывают, что политическая жизнь в Латинской Америке отличается нестабильностью, постоянным переформатированием политического ландшафта. Левый поворот «нулевых» годов сменился укреплением позиций правых сил, а с начала 2020-х годов континент вновь дрейфует влево. Среди факторов турбулентности развития региона особое внимание уделяется таким, как сырьевой характер экономики большинства латиноамериканских стран, низкое качество управления, падение доверия к политическим институтам, вызванное регулярными коррупционными скандалами, криминализацией общества, ростом наркотрафика и насилия, неспособностью силовых структур обеспечить безопасность граждан. Несколько глав монографии посвящено разновидностям режимов «социализма XXI века», действующих в Венесуэле, Никарагуа и Боливии, а также старейшему на континенте социалистическому режиму на Кубе.

По заключению рецензента, с выходом в свет рассматриваемой монографии читатели получили ценную работу, позволяющую глубже понять существо сложных политических процессов, происходящих сегодня в Латинской Америке.

Ключевые слова. Латинская Америка, политический режим, переформатирование политического ландшафта, левый поворот, дрейф вправо, «второе издание» левого поворота, борьба политических альтернатив, «социализм XXI века»

¹ Исключением было лишь «золотое десятилетие» 2003—2013 гг., когда благоприятная экономическая конъюнктура снизила накал напряженности.

Латинская Америка исторически снискала славу одного из самых беспокойных континентов. Переход от авторитаризма к демократии, происшедший в большинстве стран континента во второй половине 1980-х годов, не поколебал устоявшихся представлений. Высокий уровень социального неравенства, недоверие миллионов людей к государственным институтам, социально-политическая поляризация, массовые протесты создают в регионе ситуацию перманентной нестабильности¹. Характерно и постоянное переформатирование политического ландшафта. Левый поворот «нулевых» годов сменился укреплением позиций правых сил, а с 2021—2022 гг. континент вновь дрейфует влево. Вместе с тем турбулентность проявляется по-разному. В регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, который охватывает более трех десятков государств, связанных общей исторической судьбой, языком и религией, сосуществуют левые и правые, демократические, гибридные и авторитарные системы, консолидированные и неконсолидированные демократии, восходящие страны-гиганты и слаборазвитые экономики, что делает его удобной площадкой для изучения разнообразных типов режимов, политических процессов и альтернатив развития в современном мире.

В этом свете немалый научный и политический интерес представляет вышедшая в свет в конце 2022 г. коллективная монография «Латинская Америка: политический ландшафт на фоне турбулентности», подготовленная группой авторов из Института Латинской Америки РАН. В ней анализируются политические процессы в регионе и итоги последних электоральных циклов, показана расстановка политических сил в различных странах и Латинской Америке в целом на фоне массовых социальных протестов и пандемии COVID-19. Монография включает четыре раздела (с многочисленными главами): «Правый спектр: смена парадигмы и преемственность власти», «Левоцентристские режимы: ожидания и политический реализм», «Проблемы правоцентристских режимов и новая левая волна», «Вызовы и риски сторонников социализма XXI века».

Большое место в работе отводится типологии политических режимов на континенте. В главе, написанной ответственным редактором монографии Збигневом Ивановским и задающей тон всей работе, обстоятельно разобраны различные варианты типологии, используемые в политической науке. В Латинской Америке представлены практически все имеющиеся в современном мире разновидности режимов. Одна из распространенных классификаций подразделяет региональные политические режимы на четыре категории: (1) полноценные демокра-

тии; (2) несовершенные демократии; (3) гибридные режимы; (4) авторитарные режимы. При ее построении принимаются во внимание такие параметры, как электоральный процесс и плюрализм, деятельность правительства, политическое участие, демократическая политическая культура, гражданские свободы (к сожалению, социальные и экономические права граждан, а также возможность контроля со стороны населения над деятельностью официальных лиц и принятием общественно важных решений не находят в ней отражения). Ивановский использует данные за 2020 г., основанные на экспертных оценках, опросах общественного мнения, электоральной статистике и ряде других источников информации.

Полноценная демократия предполагает неукоснительное соблюдение основных политических прав и гражданских свобод, развитую демократическую политическую культуру, существование независимых и разнообразных средств массовой информации, эффективную систему сдержек и противовесов, независимость судебной власти.

При несовершенной (flawed) демократии тоже проводятся свободные и прозрачные выборы и соблюдаются основные гражданские свободы, хотя не без сбоев (например, в сфере свободы печати). В то же время для них характерны проблемы в сфере управления, недостаточно развитая демократическая политическая культура, низкий уровень политического участия.

Отличительные признаки гибридных режимов: серьезные нарушения при проведении избирательных кампаний, непрозрачность выборов, давление на оппозиционные партии и кандидатов, неэффективность системы управления, неразвитость политической культуры, отсутствие верховенства права, широкое распространение коррупции, слабое гражданское общество, зависимость судебной власти от власти исполнительной.

В случае авторитарных режимов политический плюрализм отсутствует или крайне ограничен, демократические институты, если таковые имеются, играют незначительную роль, выборы носят формальный характер, гражданские свободы игнорируются и нарушаются, нет независимых судов, действует повсеместная цензура (с. 55—57).

Исходя из приведенных критериев, к странам с полноценной демократией можно отнести только Уругвай, Чили и Коста-Рику. В подавляющем же большинстве стран региона существуют либо режимы несовершенной демократии (например, в Аргентине, Бразилии, Мексике, Колумбии, Перу), либо гибридные (например, в Боливии, Гватемале, Сальвадоре, Гондурасе).

Вопрос о классификации латиноамериканских политических режимов тесно связан с делением регионального политического спектра на правых и левых. Вообще, в современном постбиполярном мире это традиционное деление, используемое со времен Французской революции 1789—1793 гг., становится все менее четким, все более условным. Некоторые политики и политологи даже утверждают, что понятия «пра-

² См., напр. Холодковский 2006: 181.

вые» и «левые» превращаются в анахронизм, исчезает былая альтернативность². Отчасти соглашаясь с тем, что границы между правыми и левыми размываются, авторы монографии тем не менее считают, что левые по-прежнему ассоциируются с идеями справедливости и социального равенства и выступают за ограничение частного и укрепление государственного сектора, а также кооперации, тогда как приоритетом правых остаются эффективность и конкурентоспособность экономики на основе частной собственности и свободного рынка, признание неизбежности неравенства и социальной иерархии при ограниченной адресной помощи малообеспеченным группам населения. В области внешней политики левые стремятся к созданию многополярного мира, а правые ориентируются на гегемонию США. Соответственно, «реперные точки» в рамках континента — Куба и Соединенные Штаты (с. 26).

Расстановка политических сил и политическая борьба в государствах Латинской Америки подтверждают обоснованность подобного подхода. Достаточно вспомнить так называемый левый поворот в регионе. Начало ему в 1998 г. положила Венесуэла, за которой последовали Бразилия (2002 г.), Аргентина и Уругвай (2003 г.), Боливия (2005 г.), Чили, Коста-Рика и Никарагуа (2006 г.), отвергшие политику неолиберализма и провозгласившие свою социальную (порой социалистическую) ориентацию. Латинская Америка стала тем регионом, где наиболее отчетливо проявилась альтернатива неолиберализму. Левый поворот объяснялся прежде всего неприятием десятками миллионов людей огромного социального неравенства, маргинализации и безработицы. Произошло политическое пробуждение бедноты, городских и сельских низов, потребовавших искоренения нищеты, защиты своего человеческого достоинства.

Со второй четверти «нулевых» годов на континенте наблюдался экономический рост, примерно вдвое сократились масштабы бедности, выросла реальная заработная плата, уменьшилась безработица, улучшились системы образования и здравоохранения. Однако в условиях доминирования в регионе экономической модели, основанной на эксплуатации природных ресурсов, эти позитивные сдвиги оказались недолговечными. Лишь немногие страны континента воспользовались резким ростом спроса на сырьевые товары для масштабного внедрения современных технологий, способных создать базу для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности. Как отмечают авторы другой коллективной монографии, подготовленной в Институте Латинской Америки РАН, уязвимость экономик латиноамериканских стран «является не только следствием протекающих в мире негативных процессов, но и... отражением не получивших своего разрешения внутренних структурных проблем»³.

³ Давыдов (ред). 2022: 121.

Начавшееся в 2014 г. после «золотого десятилетия» падение цен на углеводороды и другие товары традиционного экспорта обусловили свертывание левыми и левоцентристскими правительствами социальных программ. Наметившаяся ранее эволюция левых и правых в сторо-

ну центра затормозилась, резко усилилась поляризация политических сил (с. 579). На смену возросшим ожиданиям масс пришло разочарование.

Левый поворот сменился сдвигом вправо. В главах, посвященных Панаме (Дмитрий Елесеенко), Гондурасу (Андрей Пятаков), Гватемале (Дмитрий Морозов), Аргентине (Наиля Яковлева), Перу (Александр Шинкаренко), Чили (Людмила Дьякова), Колумбии (Ивановский), Парагваю (Надежда Кудеярова), Сальвадору (Магомед Кодзоев), Уругваю (Антон Андреев), показано, что по итогам выборов 2014—2019 гг. правые и правоцентристские партии укрепили свои позиции. Однако правый дрейф, сопровождавшийся возвращением к неолиберальной модели развития, не переломил негативных тенденций в экономике и социальной сфере. Немалую роль в этом сыграла пандемия COVID-19, от которой Латинская Америка пострадала больше, чем многие другие регионы. Хотя почти все правительства приняли превентивные меры по сдерживанию инфекции, помощь населению оказалась недостаточной. В условиях пандемии обнажились плохое качество и/или недоступность здравоохранения, низкий уровень доходов, неудовлетворительные жилищные условия миллионов людей⁴.

⁴ *Informe 2020.*

Латинскую Америку охватили массовые протесты, происходившие при разных режимах и затронувшие как успешные государства, так и те, что переживали тяжелый кризис (с. 571). В 2021—2022 гг. в Перу, Никарагуа, Гондурасе, Чили, Коста-Рике, Колумбии, Бразилии победу на выборах одержали левоцентристские и левые силы. На два-три года раньше левые пришли к власти в Мексике, Аргентине, Коста-Рике и Доминиканской Республике, зачастую сменив правых (с. 565—566). Иными словами, произошло очередное переформатирование политического поля, квалифицируемое экспертами как «второе издание» левого поворота.

Помимо названных факторов, турбулентность политической жизни в регионе обусловлена кризисом управляемости, вызванным регулярными коррупционными скандалами (в ряде случаев они привели к импичменту глав соответствующих государств — Латинская Америка занимает первое место в мире по использованию этой процедуры), криминализацией общества, ростом наркотрафика и насилия, неспособностью силовых структур обеспечить безопасность граждан. Важно также иметь в виду, что конфликтность заложена в самой модели президентских республик, правительства которых зачастую формируются без учета соотношения сил в парламенте. Конфликты между законодательной и исполнительной ветвями власти становятся перманентным источником нестабильности (с. 568—569).

Наглядное представление об остроте политической борьбы на континенте дает случай Бразилии. В 2019 г. в политическом развитии этой страны произошел «перерыв постепенности». В главе, написанной Людмилой Окуновой, показано, как после длинного политического цикла, продолжавшегося 22 года, когда у власти сменяли друг друга

правоцентристские и левоцентристские силы, там начался дрейф вправо, связанный с фигурой Жаира Болсонару, праворадикального деятеля ярко выраженной популистской ориентации, занявшего пост президента. Появление политика подобного типа было вполне закономерным. Бразилия переживала тяжелый социально-политический кризис. Процедуры импичмента против действующих президентов, заключение в тюрьму в 2017 г. экс-президента Луиса Инасиу Лулы да Силвы, «самого популярного главы государства в истории страны», и в целом замешанность в коррупции чуть ли не всего политического класса вызвали к жизни беспрецедентную социальную апатию и отторжение гражданским обществом подавляющего большинства политических лидеров. Разочарование во властях предрержавших усугублялось небывалым разгулом преступности, по размаху которой Бразилия вышла на одно из первых мест в мире. На этом фоне и возник феномен Болсонару, обещавшего круто переломить ситуацию и быстро решить волнующие общество проблемы (с. 75).

В его программе и политической практике неолиберальные экономические установки (приоритет частного бизнеса, приватизация, резкое сокращение социальных расходов, привлечение иностранного капитала) парадоксальным образом сочетались с ультраконсерватизмом в вопросах политики, общественной жизни, моральных и семейных ценностей. Действия Болсонару на посту президента отличались презрением к демократическим институтам (война исполнительной вертикали с законодательной и судебной властью), отрицанием прав меньшинств, а его выступления — агрессивной риторикой в отношении левых сил. Вопреки бразильской политической традиции, он не провозгласил себя президентом всех бразильцев, не дал обещания управлять в интересах всех. Его фирменным политическим стилем стала ориентация на раскол общества, перманентные конфликты и поляризацию сил (с. 76, 79). В годы правления Болсонару в стране произошли определенные позитивные сдвиги — улучшились экономические показатели, выросла занятость, был нанесен удар по преступности. Вместе с тем социальная политика оставалась в тени, росли военные расходы, сокращались затраты на образование и здравоохранение. В фокусе обсуждений оказались коррупция и nepotизм (огромное влияние на политическую жизнь сыновей президента), а также антиковидная позиция Болсонару, зарекомендовавшего себя непримиримым противником санитарных и карантинных мер.

В преддверии президентской кампании 2022 г. основным политическим соперником Болсонару стал Лула да Силва, в 2019 г. освобожденный из тюрьмы и полностью оправданный по открытым против него судебным делам. В предвыборной программе Лулы да Силвы фактически воспроизводились те обещания, с которыми он выступал на победных для него выборах 2002 г.: накормить голодающих, создать рабочие места, включить бедноту в экономику, повысив уровень потребления, что обеспечило бы экономический рост и развитие внут-

ренного рынка, провести широкие социальные реформы, усилить роль государства в экономике. Еще в 2002 г. Лула да Силва провозгласил: «Я буду счастлив, если каждый бразилец будет питаться три раза в день». Два десятилетия спустя актуальность этого заявления, принесшего своему автору мировую известность, еще больше возросла, так как люди, выведенные из состояния бедности, снова начали возвращаться в него (с. 104).

Противостояние двух политических тяжеловесов — правого радикала Болсонару и левоцентриста Лулы да Силвы, — по сути, знаменовало собой борьбу двух противоположных проектов развития страны. Победу на выборах одержал Лула. Успех левых сил в Бразилии стал знаковым событием: положение дел в «латиноамериканском гиганте» традиционно накладывает серьезный отпечаток на политическую ситуацию на всем континенте.

В целом левые занимают достаточно прочные позиции в регионе. Наряду с родственными команде Лулы да Силвы левоцентристами — социал-демократами и социальными либералами — здесь представлены приверженцы «социализма XXI века», отстаивающие принципы «гражданской революции» и «достойной жизни». К ним примыкают традиционные коммунисты, отказавшиеся от ортодоксального марксизма и революционной трансформации общественно-экономической системы. Несколько глав монографии посвящено разновидностям режимов «социализма XXI века», действующих в Венесуэле (Ивановский), Никарагуа (Александр Харламенко, Пятаков) и Боливии (Татьяна Воронникова). В центре внимания Николая Калашникова — реформы сверху и проблема политической стабильности кубинского режима, старейшего социалистического режима в Латинской Америке.

Анализ происходящих на Кубе перемен указывает на ее отличие от других стран выделенной группы. Если Венесуэла, Никарагуа и Боливия держат курс на усиление государства и оттеснение частного капитала на второстепенные позиции, то реформы на Кубе имеют целью некоторое сокращение роли госсектора за счет стимулирования частного предпринимательства и более активного включения его в хозяйственную деятельность. Политика, взятая на вооружение Кубой, направлена на создание смешанной экономики, отчасти напоминающей модель, реализуемую левоцентристскими правительствами. При этом политическая система остается в основном неизменной (с. 511).

Продолжая сравнительный ряд, отметим, что нацеленность на снижение уровня бедности и социальной поляризации вкупе с национализмом и антиамериканизмом объединяет большинство традиционных левых с политиками нового поколения. Вместе с тем некоторые представители «новой левой волны» весьма сдержанно относятся к приверженцам боливарианского «социализма XXI века», критикуют их за нарушение прав человека, ограничение свободы печати и деятельности оппозиции. Примечательно также, что, не имея политического опыта и ресурсов, современные латиноамериканские левые зачастую отказываются от радикальных лозунгов и ориентации на создание альтернатив-

ного общества и пытаются достичь компромисса с более умеренными субъектами политики. Не случайно «второе издание» левого поворота характеризуется экспертами как «левая волна низкой интенсивности» (с. 579).

Подводя итог, можно констатировать высокий профессионально-аналитический уровень авторского коллектива монографии. С ее публикацией читатели получили ценную работу, позволяющую глубже понять существо сложных политических процессов, происходящих сегодня в Латинской Америке.

Библиография

Давыдов В.М., ред. (2022) *Перспектива устойчивого развития. Апелляция к общемировым и латиноамериканским реалиям*. М.: Весь Мир.

Холодковский К.Г. (2006) «Противостояние левые-правые: анахронизм или смена координат?» // *Полис. Политические исследования*, № 6: 81—96. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/6/Polis-2006-6-Holodkovsky.pdf> (проверено 28.09.2023).

«Informe: El Impacto del Covid-2019 en America Latina y el Caribe (Julio 2020)». (2020) // *Relifweb*, 9.07. URL: <https://relifweb.int/report/world/informe-el-impacto-del-covid-19-en-am-rica-latina-y-el-caribe-julio-2020> (accessed on 28.09.2023).

ПОЛИТЕΙΑ

S.M.Khenkin

LATIN AMERICA: SWINGS OF POLITICAL PENDULUM

Iwanowski Z.W., ed. *Latin America: Political Landscape in the Midst of Turbulence*.
Moscow: ILA RAS, 2022. — 586 p.

Sergey M. Khenkin — Doctor of History; Professor at the Department of Comparative Politics, MGIMO-University; Principal Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Chairman of the Editorial Board of the Journal *Politeia*. Email: sergkhenkin@mail.

Abstract. The left and right, democratic, hybrid, and authoritarian systems, consolidated and unconsolidated democracies, rising giant-states and

underdeveloped economies coexist in the region of Latin America and the Caribbean, which covers more than three dozen states that share common historical destiny, language, and religion. This makes the region a fertile ground for studying various types of regimes, political processes and alternative development paths in the modern world, as vividly demonstrated by the collective monograph “Latin America: Political Landscape in the Midst of Turbulence”, published at the end of 2022.

Based on a thorough analysis of the situation in the region, the authors of the monograph show that political life in Latin America is characterized by instability and constant reshaping of the political landscape. The strengthening of the positions of right-wing forces replaced the left turn of the 2000s, and since the beginning of the 2020s, the continent has again drifted to the left. The authors pay special attention to the following factors of turbulence in the development of the region: a natural-resource-based economy in most Latin American countries, poor quality of governance, a decline in trust in political institutions caused by regular corruption scandals, the criminalization of society, the increase in drug trafficking and violence, and the inability of law enforcement agencies to ensure citizens’ safety. Several chapters of the monograph are devoted to the varieties of regimes of the “21st century socialism” that exist in Venezuela, Nicaragua and Bolivia, as well as to the oldest socialist regime on the continent in Cuba.

According to the reviewer’s conclusion, with the publication of this monograph the readers received valuable work that allows them to better comprehend the essence of the complex political processes that take place in Latin America today.

Keywords: Latin America, political regime, reshaping of political landscape, left turn, drift to the right, “second edition” of the left turn, struggle of political alternatives, “socialism of the 21st century”

References

Davydov V.M., ed. (2022) *Perspektiva ustojchivogo razvitija. Apel-ljatsija k obshchemirovym i latinoamerikanskim realijam* [The Perspective of Sustainable Development. Appeal to Global and Latin American Realities]. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)

“Informe: El Impacto del Covid-2019 en America Latina y el Caribe (Julio 2020)”. (2020) // *Relifweb*, 9.07. URL: <https://relifweb.int/report/world/informe-el-impacto-del-covid-19-en-am-rica-latina-y-el-caribe-julio-2020> (accessed on 28.09.2023).

Kholodkovsky K.G. (2006) “Protivostojanie levye-pravye: anakhronism ili smena koordinat?” [The Left vs. the Right Wingers Opposition: Anachronism or Change of Coordinates?] // *Polis. Politisheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 6: 81–96. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2006/6/Polis-2006-6-Holodkovsky.pdf> (accessed on 28.09.2023). (In Russ.)

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ПОЛИТИЯ» В 2023 ГОДУ

- Аватков В.А., Евстафьев Д.Г.** Постсоветская Евразия в зеркале глобальных процессов (Ключевые тенденции развития и дилеммы российской политики) _____ № 2 (109)
- Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г.** Активизация Анкары на Западных Балканах (Подходы, инструменты, составляющие) _____ № 2 (109)
- Баландин Ю.А., Гайворонский Ю.О.** Патрональная политика и ротация губернаторского корпуса в России (Опыт сетевого анализа) ____ № 3 (110)
- Балашов Д.В.** Возможна ли теория дистрибутивной справедливости, основанная на этике добродетели? _____ № 4 (111)
- Бараш Р.Э.** Семейная история и семейная память в России 2020-х годов ____ № 4 (111)
- Белькович Р.Ю., Виноградов С.В.** Равенство удачи: развитие эгалитарных концепций справедливости в конце XX века _____ № 4 (111)
- Берлов А.А.** Развитие процедуры утверждения главы правительства России в 1990-е годы _____ № 4 (111)
- Бляхер Л.Е., Григоричев К.В., Ковалевский А.В.** Барон умер – да здравствует баронет! (Политическая медиация на границе пустого и наполненного пространства) _____ № 3 (110)
- Борщевский Г.А.** Традиционные российские ценности: институциональный анализ _____ № 4 (111)
- Душенко К.В.** «Тюрьма народов»: рождение метафоры _____ № 3 (110)
- Ефременко Д.В.** Умом Балканы не понять? Рецензия на книгу: *Белов М.В., ред. Историческая политика в странах бывшей Югославии. СПб.: Нестор-История, 2022* _____ № 4 (111)

- Жданов А.И., Косолапов К.В. Поляризация американских элит
(На основе анализа программных заявлений кандидатов
во время президентских выборов 2020 г.) _____ № 1 (108)
- Зубарев Н.С. Национальная гордость
как медиатор доверия президенту (Случай России) _____ № 1 (108)
- Казаков И.В. Политические факты и производство смыслов в дискурсе _____ № 2 (109)
- Карпич Ю.В. Православие и консерватизм:
политические установки религиозных россиян _____ № 1 (108)
- Коргунюк Ю.Г. Тематика советского прошлого
в избирательных кампаниях постсоветской России _____ № 1 (108)
- Коргунюк Ю.Г., Росс К. Политические предпочтения молодых избирателей
в современной России _____ № 2 (109)
- Коротаев А.В., Жданов А.И. Количественный анализ политических факторов
революционной дестабилизации
(Опыт систематического обзора) _____ № 3 (110)
- Кучеренко С.А. Понятие власти/могущества и его трансформация
в политическом реализме _____ № 2 (109)
- Левицкий В.С. Онтологическая природа политики _____ № 1 (108)
- Малинова О.Ю. Память о 90-х как ресурс адаптации к новому кризису:
анализ дискурсов российских СМИ _____ № 3 (110)
- Мацкевич М.Г. Времена выбирают:
образы желаемого прошлого глазами россиян _____ № 4 (111)
- Никитин М.Э. Военный опыт государственных лидеров
и конфликтный потенциал авторитарных режимов
(На примере Африки) _____ № 2 (109)
- Нисневич Ю.А. Влияние фактора политического ислама
в современном мире _____ № 3 (110)
- Павловский А.Ф. В поисках глобальной памяти:
куда ведет транснациональный поворот в Memory studies? _____ № 2 (109)
- Петров К.Е. Вызовы Агоры цифрового общества _____ № 4 (111)

- Ровинская Т.Л. «Зеленые» в Германии:
политические дилеммы и компромиссы _____ № 1 (108)
- Сухова М.С. Субнациональная государственная состоятельность
и провластное голосование в России _____ № 2 (109)
- Тимошкин Д.О.,
Сметанин Ф.А.,
Корешкова Ю.О.,
Зборовицкая Н.Н.,
Волошин А.А.,
Брызгина Д.Е. Поисковые системы как механизм
производства границ «воображаемых сообществ»
(На примере образа внутреннего мигранта
в сибирских региональных цифровых медиа) _____ № 2 (109)
- Третьяк А.Р. Stasis и политическая философия современной войны _____ № 3 (110)
- Устюжанин В.В.,
Михеева В.А.,
Сумерников И.А.,
Коротаев А.В. Экономические истоки революций:
связь между ВВП и риском революционных выступлений _____ № 1 (108)
- Учаев Е.И.,
Харкевич М.В. Немыслимость тотальной катастрофы:
постапокалиптическая природа современного
политического реализма _____ № 1 (108)
- Фишман Л.Г. Наш «неправильный» правящий класс: чего от него ждать? _____ № 3 (110)
- Хенкин С.М. Латинская Америка: колебания политического маятника
Рецензия на книгу: *Ивановский З.В., ред.*
*Латинская Америка: политический ландшафт
на фоне турбулентности. М.: ИЛА РАН, 2022* _____ № 4 (111)
- Шавеко Н.А. Агонистический плюрализм и состязательная
модель демократии: проблемы нормативного обоснования _____ № 1 (108)
- Шестопад Е.Б. Восприятие политических партий и их лидеров
на фоне актуального психологического состояния
российского общества _____ № 3 (110)
- Шибкова М.О.,
Гулюки А.С. Концептуальные основы внешней политики Италии
в регионе Большого Средиземноморья _____ № 4 (111)

ХІХ КОНКУРС РАБОТ МОЛОДЫХ ПОЛИТОЛОГОВ НА ПРЕМИЮ А.М.САЛМИНА

Проводится ежегодно

Условия конкурса

1. К участию в конкурсе приглашаются студенты и аспиранты факультетов политологии, научные сотрудники исследовательских институтов и аналитических центров, не достигшие ко времени подачи работы 30 лет.
2. К участию в конкурсе принимаются работы объемом не более 40 тыс. знаков.
3. Приоритетными (для конкурса) направлениями политической науки являются: сравнительный анализ политических культур, политических институтов, межэтнических и церковно-государственных отношений.
4. Работы принимаются до 31 декабря 2024 г., оглашение результатов происходит во второй половине февраля.
5. Принятые к публикации в журнале «Полития» статьи авторов, отвечающих требованиям, изложенным в пункте 1, рассматриваются Жюри автоматически.
6. По итогам конкурса присуждаются первая (30 тыс. рублей), вторая (15 тыс. рублей) и третья (10 тыс. рублей) премии.

Работы с пометкой «на конкурс» присылать на электронный адрес: politeia@politeia.ru.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ПОЛИТИЯ»

1. Предлагаемые для публикации статьи направляются на электронный адрес Редакции (politeia@politeia.ru) в формате *.doc или *.docx.

2. Все статьи публикуются на бесплатной основе независимо от научного статуса авторов (в том числе аспирантские).

3. К статье должна прилагаться следующая информация об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью (на русском и английском языках), ученая степень и ученое звание, место работы, должность, контактный телефон, адрес электронной почты. Статьи, поступившие от посреднических контор, к рассмотрению не принимаются.

4. К статье следует приложить аннотацию на русском и английском языках. Аннотация должна представлять собой краткий аналитический текст (1500—2000 знаков с пробелами), раскрывающий основное содержание статьи. В конце аннотации следует указать 5—7 ключевых слов статьи на русском и английском языках.

5. Рекомендуемый объем статьи — 30—40 тыс. знаков с пробелами. Тексты, выходящие за пределы данного объема, рассматриваются Редакцией только в порядке исключения.

6. Статья должна иметь библиографический список на русском и английском языках. В списке указываются все авторы и источники, цитируемые в тексте. На каждую работу из списка обязательна ссылка в тексте. Библиографические и текстовые ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены.

7. В связи с особенностями макета «Политии» просим авторов воздерживаться от обширных подстрочных примечаний.

8. Текст статьи должен быть приведен автором в максимальное соответствие со стилистическими, орфографическими, синтаксическими и прочими языковыми нормами *до* отправки его в Редакцию. Сокращения слов не допускаются.

9. Таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь название и располагаться по месту их будущего размещения в макете. Числовые данные в таблицах должны быть выверены автором. В тексте должна быть ссылка на каждую таблицу и рисунок (их порядковый номер). Рисунки должны быть выполнены в черно-белом формате. Таблицы и рисунки должны интегрироваться в файл формата *.doc (*.docx) с сохранением возможности их редактирования.

10. Редакция оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. По заранее оговоренному желанию автора редакционная правка подлежит согласованию с автором.

11. Все статьи, поступившие в Редакцию и отвечающие профилю, концепции и тематике журнала, проходят рецензирование. Принятие первичного решения о соответствии/несоответствии поступивших в Редакцию статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала. Статьи, не прошедшие экспертизу коллегии в составе Главного редактора и всех заместителей Главного редактора журнала, к рецензированию не принимаются.

12. Редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей, учитывая мнения рецензентов. Рецензирование носит обоюдно анонимный характер: имена авторов не сообщаются рецензентам, имена рецензентов не сообщаются авторам.

Регламент рецензирования подробно описан в «Порядке рассмотрения и рецензирования статей, поступивших в редакцию журнала „Полития“» на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/porjadok-rassmotrenija-i-recenzirovanija/>).

13. Статьи, ранее опубликованные (в том числе в интернете) или сданные в другие издания, в журнале не публикуются. Исключения возможны только для препринтов. Автор обязан проинформировать Редакцию о факте существования препринта предлагаемой к публикации в «Политии» статьи.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПРАВОЧНОГО АППАРАТА

Оформление ссылок

Библиографические ссылки даются в подстрочных примечаниях со сквозной нумерацией и включают фамилии авторов, год издания и (в случае цитат или отсылок к конкретным частям работы) страницы:

Геллнер 1991.

См. Геллнер 1991.

Геллнер 1991: 100—101 — после двоеточия указаны страницы.

Инглхарт и Вельцель 2011.

Spector and Kitsuse 1977.

Слинько, Сальников и Дмитриева 2009.

North, Wallis, and Weingast 2009.

Коротаев и др. 2007— при наличии более чем трех авторов.

Baumgartner et al. 2009 — при наличии более чем трех авторов.

Петров 2003; Сидоров 2005.

Селезнева 2011a: 100; Freedman 2017b — буквы a, b, c... обозначают разные работы данного автора, выпущенные в один и тот же год.

Если авторство в библиографическом описании не указано, в ссылке приводятся фамилии редакторов, а при отсутствии таковых — первое слово (первые слова) названия работы:

Шестопал (ред.) 2012.

Bernhard and Kubik (eds.) 2014.

Понятие 2007.

Радикальная ксенофобия 2004.

Ссылки на классические труды античных авторов, а также на священные тексты включают только их общепринятую пагинацию и рубрикацию (в случае необходимости указывается также переводчик):

Платон, Тимей: 50b—53c (пер. С.С.Аверинцева).

Plato, Timaeus: 50b—53c (transl. by B.Jowett).

Мф. 23:38.

В случае ссылки на периодическое издание в целом в подстрочном примечании указываются его название, год выпуска, том (при наличии) и номер (или день и месяц публикации):

Политическая наука 2000, № 2.

Political Studies 2000, vol. 3, no. 2.
Сегодня 01.08.2001.

При ссылке на интернет-ресурс целиком в подстрочном примечании приводится его URL:
<http://data.uis.unesco.org/>.

Оформление библиографических списков

Базовый библиографический список (Библиография) и References составляются по алфавитному принципу без нумерации. В базовом библиографическом списке сначала в алфавитном порядке приводятся источники на русском языке, затем — на иностранных. Классические труды античных авторов и священные тексты в библиографические списки не включаются.

В базовом библиографическом списке при оформлении книг должны быть указаны фамилии и инициалы авторов (редакторов), год издания (в скобках), название книги, место издания, название издательства. При оформлении статей, опубликованных в периодических изданиях, указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, название статьи (в кавычках), название журнала или газеты, том (при наличии), номер и страницы, на которых размещена статья. Для материалов периодических изданий, имеющих как печатную, так и интернет-версию со свободным доступом, помимо информации об издании следует указывать полный URL (конкретной страницы, а не только веб-сайта, на котором она размещена). Для интернет-публикаций, не имеющих печатной версии, приводится только URL конкретной страницы. Не рекомендуется ссылаться на интернет-версии неперiodических печатных изданий, в которых не сохранена оригинальная пагинация. При описании разделов в монографиях и статей в сборниках указываются фамилии и инициалы авторов, год издания, названия раздела/статьи (в кавычках) и монографии или сборника (с указанием фамилий и инициалов авторов или редакторов), место издания, издательство и страницы, на которых размещены раздел/статья. Название базового источника (книги или того издания, где помещена цитируемая работа) выделяется курсивом. При цитировании нескольких работ какого-либо автора, выпущенных в один и тот же год, после указания года издания добавляются буквы a, b, c...

В References вся информация о русскоязычных работах должна быть транслитерирована, а названия самих работ и переведены на английский язык. Транслитерация производится на основе стандарта Library of Congress (LC). Переводу подлежат также названия периодических изданий, сборников и монографий, в которых размещена цитируемая работа. В случае переводных книг и статей следует указывать их оригинальное название. В оригинальном написании должны приводиться и фамилии иностранных авторов. Описания работ на иностранных языках воспроизводятся в References без изменений.

Примеры оформления работ в базовом библиографическом списке и References приведены на сайте журнала (<http://politeia.ru/content/pravila-predostavlenija-rukopisej/pravila-otformlenija/>).

Table of Contents

	Issue Materials	6
Paradigms of Social Development	K.E.Petrov Challenges of Agora of Digital Society	7
Political Theories	D.V.Balashov Theory of Distributive Justice Based on Virtue Ethics: Is It Possible?	23
	R.Yu.Belkovich, S.V.Vinogradov Equality of Luck: Evolution of Egalitarian Theories of Justice in the Late 20 th Century	51
Russian Polity	G.A.Borshchevskiy Traditional Russian Values: Institutional Analysis	67
Foreign Policy Perspective	M.O.Shibkova, A.S.Guliuki Conceptual Foundations of Italian Foreign Policy in the Greater Mediterranean Region	94
Social Consciousness	M.G.Matskevich Times Can Be Chosen: Images of Desirable Past in the Eyes of Russians	113
	R.E.Barash Family History and Family Memory in Russia of the 2020s	141
Historical Retrospective: Reflections and Hypotheses	A.A.Berlov Development of the Approval Procedure for the Head of Russian Government in the 1990s	163
Book Review	D.V.Efremenko Who Would Grasp Balkans with the Mind? <i>Belov M.V., ed. Historical Politics in the Countries of the Former Yugoslavia. St Petersburg: Nestor-Istorija, 2022</i>	178
	S.M.Khenkin Latin America: Swings of Political Pendulum <i>Iwanowski Z.W., ed. Latin America: Political Landscape in the Midst of Turbulence. Moscow: ILA RAS, 2022</i>	190
Appendix	The Journal in 2023 (Index)	199
	The 19 th A.M.Salmin's Best Paper Award Contest among Young Political Scientists	202
	Guidelines for Submitting Manuscripts for Publishing in Journal <i>Politeia</i>	203

**Открыта подписка на журнал «ПОЛИТИЯ.
Журнал политической философии и социологии политики» на 2024 год.
Вы можете найти нас в каталоге агентства «Урал-пресс».
Наш индекс: 80454.**

Как подписаться на «ПОЛИТИЮ»:

1. На титульной странице сайта www.ural-press.ru выберите город, в котором живете.
2. По указанным контактам (телефону или электронной почте) свяжитесь с региональным подразделением «Урал-Пресс» и уточните условия.
3. Отправьте заявку на подписку по электронной почте по тем же контактам.
4. Все документы и выписанные издания курьер доставит Вам по указанному адресу.
5. Если Вашего города нет в списке на сайте www.ural-press.ru, оформить подписку можно через агентство «Деловая пресса» (www.delpress.ru).

ПОЛИТИЯ
Журнал политической философии
и социологии политики

ПИ № ФС 77-48673 от 21 февраля 2012 г.

Издается АНО «Общественно-политический журнал. Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 101000, Москва, Лучников пер., 2.

Дизайн – *Ю.А. Трушин*

Техническое редактирование и компьютерная верстка – *И.В. Филимонов*

Подписано в печать 21.11.2023. Формат 70×100 1/16.

Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ООО «Информ-Право»

125252, Москва, ул. Зорге, д. 15, кор. 1.